ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМѢ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ

ПРАВОСЛАВІЮ.

СВЯЩЕННИКА

А. М. Иванцова-Платонова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Печатня С. П. Яковлева, Спиридоновка, д. гр. Бобринскаго.
1870.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 28-го Сентября 1869 года.

Цензоръ архимандритъ Михаилъ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМѢ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ

ПРАВОСЛАВІЮ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПАПСТВА И РАЗСМОТРѢНІЕ РИМ УЧЕНІЯ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ.

I.

СОСТОЯНІЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛѢ ЕЯ ОТДѢЛЕНІЯ ОТЪ ВОСТОЧНОЙ, СО ВРЕМЕНЪ ПАПЫ НИКОЛАЯ I-ГО ДО ГРИГОРІЯ VII-ГО.

Со времени отдѣленія Западной церкви отъ Восточной (съ папы Николая I-го), внѣшнее могущество папства, не встрѣчая себѣ на Западѣ Европы твердаго противодѣйствія, стало болѣе и болѣе возвышаться. На основаніи лжеисидоровскихъ декреталій, послѣ слабаго протеста со стороны нѣкоторыхъ представителей помѣстныхъ Западныхъ церквей (Гинкмара Реймсскаго), папамъ скоро удалось утвердить свою верховную власть надъ всѣми церквами Западной Европы, такъ, что тамъ ни въ одной христіанской странѣ не могли предпринять никакаго важнаго церковнаго дѣла, собрать собора, поставить или низложить епископа, безъ соизволенія папскаго Папы вездѣ стали властвовать, управляя отдаленными помѣстными церквами чрезъ своихъ примасовъ и легатовъ, собирая отовсюду доходы въ пользу своей каѳедры, и имѣя вездѣ вѣрныхъ оберегателей своихъ интересовъ въ многочислен-

номъ и преданномъ папству латинскомъ монашествѣ и духовенствѣ При крайней грубости и безурядицѣ общественныхъ и политическихъ отношеній, при глубокомъ невѣжествѣ, распространенномъ въ средніе вѣка на всемъ Западѣ Европы, папство и вообще духовенство западное, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все таки служившее представителемъ образованности и нравственной силы, получило огромное значеніе не только въ духовныхъ, но и во всѣхъ мірскихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Папа скоро сдѣлался на Западѣ Европы самою высокою и могущественною властью, духовенство самымъ вліятельнѣйшимъ сословіемъ

Но при развитіи внѣшняго могущества, нравственное состояніе Западной Церкви, послѣ ея отдѣленія отъ Восточной, скоро упало на самую низкую степень. Особенно IX, X и XI вѣка остаются самыми темными и позорными вѣками въ исторіи Западной Церкви. Въ духовенствѣ Западномъ господствовали невѣжество, безнравственность и отсутствіе всякаго порядка. Мѣста священническія и епископскія, по вліянію сильныхъ личностей или интригамъ партій, замѣщались людьми недостойными, малоспособными, часто малолѣтными. Случалось такъ, что сильные графы и князья поставляли въ епископы своихъ пятилѣтнихъ, восьмилѣтнихъ сыновей и родственниковъ. Духовенство вело разсѣянную, свѣтскую жизнь въ худшемъ смыслѣ этого слова. Епископы съ священниками

ѣздили на охоту, ходили на войну, держали наложницъ, пировали и роскошествовали, какъ богатѣйшіе свѣтскіе владѣльцы того времени. Церкви Божіи оставались въ небреженіи и часто подвергались поруганіямъ и разграбленіямъ, то отъ буйныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, то отъ самыхъ же настоятелей своихъ. Самый престолъ папскій (съ конца IX до второй половины XI вѣка) былъ игралищемъ въ рукахъ сильныхъ итальянскихъ магнатовъ и безнравственныхъ аристократокъ. Одна партія у другой оспаривала владѣніе апостольскою каѳедрою. Въ одно десятилѣтіе смѣнялось по нѣсколько папъ; рѣдкому изъ папъ удавалось удержать за собой престолъ до смерти. Въ ожесточенной борьбѣ партій, одинъ претендентъ на папскій престолъ низвергалъ другаго, и низверженному папѣ приходилось терпѣть самыя унизительныя поруганія, а иногда позорную насильственную смерть отъ партіи своего побѣдителя; (такъ папа Стефанъ VI по восшествіи на престолъ (897 г.) кощунственно наругался даже надъ трупомъ своего предшественника Формоза, и самъ чрезъ годъ былъ свергнутъ съ престола и удавленъ въ тюрьмѣ. Іоаннъ X (929 г.), по низверженіи, въ тюрьмѣ задушенъ подушками. Іоаннъ XI осужденъ на пожизненное заточеніе своимъ братомъ, свѣтскимъ правителемъ Рима, Альберикомъ (933 г.). Бенедиктъ VI удавленъ (974 г.). Бонифатій VII въ тюрьмѣ уморилъ голодомъ своего соперника Іоанна XIV, и скоро потомъ самъ

былъ отравленъ, и обнаженный трупъ его брошенъ на поруганіе народное и растерзанъ озлобленною чернью. Іоанну XVI Григорій V приказалъ отрѣзать носъ и языкъ, выколоть глаза, и затѣмъ, послѣ поруганія всенароднаго, онъ былъ заточенъ въ тюрьму (998 г.).

Возведенные на первосвятительскій престолъ, интригами партій и не рѣдко вооруженною силой, недостойные носители папскаго званія являли въ себѣ поразительные примѣры безнравственности для всей церкви. Въ продолженіи почти всей первый половины X вѣка папскій престолъ находился въ рукахъ знатныхъ безнравственныхъ римлянокъ Ѳеодоры и дочерей ея Марозіи и Ѳеодоры младшей, такъ что весь этотъ періодъ въ исторіи Римской Церкви называется обыкновенно правленіемъ блудницъ (πορνοκρατία). При папѣ Сергіѣ III, любимцѣ Марозіи, Іоаннѣ X, любимцѣ Ѳеодоры, Іоаннѣ XI, сынѣ Марозіи отъ папы Сергія, и въ особенности при Іоаннѣ XII, внукѣ Марозіи, котораго римляне называли чудовищемъ нечестія и разврата (*) безнравственность на пап-

(*) Этотъ Іоаннъ XII первый соединилъ въ своемъ лицѣ власть Папы съ властью свѣтскаго правителя Рима; до него и послѣ него почти до конца XII вѣка, папы считались владѣтелями церковной области, — но только получали доходъ съ нея; управляли же областью или намѣстники Императора или знатнѣйшіе магнаты, такъ называемые патриціи, изъ среды самихъ римлянъ. Іоаннъ XII жилъ какъ самый безнравственный язычникъ, беззаконничалъ съ своими бли-

скомъ престолѣ достигла крайней степени. Латеранскій дворецъ папы былъ наполненъ непотребными женщинами. Честныя женщины боялись ходить въ Римъ на богомолье, чтобы не подвергнуться поруганію. А церкви стояли въ развалинахъ; чрезъ кровлю соборнаго храма св. Петра въ ненастную погоду лилъ дождь. Крайняя безнравственность, въ то время господствовавшая на папскомъ престолѣ подала поводъ къ тому, что въ послѣдствіи образовалась сказка, будто римскою церковью когда-то управляла женщина подъ именемъ папы Іоанна VIII, которая будто бы умерла родами во время торжественной церковной процессіи (*).

жайшими родственницами, открыто ругался надъ религіею, напивался виномъ *во славу дьявола*, посвящалъ пресвитеровъ и діаконовъ въ конюшнѣ, клялся языческими клятвами, совершалъ самыя лютыя казни, надѣвалъ на себя воинскіе доспѣхи, ѣздилъ на охоту, велъ войны, строилъ заговоры и умеръ отъ разврата, не причастившись Св. Таинъ; объ этомъ подробно разсказываетъ одинъ изъ современныхъ Іоанну XII Западныхъ епископовъ, Лунтипрандъ Кремонскій.

(*) Въ послѣдніе вѣка большая часть ученыхъ отвергаютъ буквальный смыслъ преданія о паписсѣ Іоаннѣ, но нѣкоторые ученые и до настоящаго времени не находятъ для этого достаточно основанія. Въ средніе вѣка въ Римѣ долго показывали статую женщины съ папской короной на головѣ и ребенкомъ на рукахъ, и самую ту улицу, на которой будто бы обнаружился позоръ паписсы, и по которой вслѣдствіе этого позднѣйшіе папы никогда будто бы не стали ходить и ѣздить.

Отъ папскаго престола безнравственность распространялась и въ низшее духовенство (особенно итальянское). Законнымъ бракомъ, по укоренившимся на западѣ предубѣжденіямъ, духовные гнушались, а наложницъ держали почти открыто. Подъ конецъ X-го и въ XI вѣкѣ въ невообразимой степени усилилась въ западной церквѣ симонія. „Всѣ должности церковныя по выраженію одного изъ папъ. (Сильвестра II-го), отъ папскаго престола до послѣдней степени церковнаго привратника, сдѣлались продажны". Папа Іоаннъ XIX, изъ фамиліи графовъ Тускуланскихъ, возведенный на папскій престолъ прямо изъ мірянъ, предлагалъ Константинопольскому Патріарху купить у него верховное главенство надъ Церковію — предметъ, изъ за котораго столько было споровъ у папъ съ восточными Патріархами. Его преемникъ папа Бенидиктъ IX, также изъ рода графовъ Тускуланскихъ, возведенный на престолъ 12 лѣтъ, набравши денегъ, сколько можно было, за продажу епископскихъ и другихъ правъ, кончилъ тѣмъ, что продалъ самый папскій престолъ. Подобно папамъ и другіе западные епископы и сильные феодальные владѣльцы, имѣвшіе вліяніе на дѣла церкви, безстыдно торговали священными должностями.

Безнравственность и святокупство въ церкви, усилились до того, что многіе благочестивые люди, потерявъ всякую надежду на возстановленіе святости и порядка въ церкви, къ исходу первой тысячи лѣтъ по Р. Х., ожидали пришествія анти-

христа и конца міра. Эта крайняя деморализація и распущенность папскаго правленія въ X и XI вѣкахъ дала случай усиливавшимся тогда германскимъ императорамъ (Саксонской и Франконской династіи) распространить свое вліяніе на дѣла церкви. Императоры Оттонъ I, Оттонъ III и Генрихъ III самодержавно управляли церковными дѣлами: собирали соборы, поставляли, судили и низлагали папъ и другихъ епископовъ, постановляли мѣры къ возстановленію нравственности и просвѣщенія въ духовенствѣ. Но всѣ ихъ усилія мало имѣли успѣха. Имъ удалось поставить на Римскомъ престолѣ нѣсколькихъ хорошихъ папъ (между ними особенно замѣчателенъ былъ въ концѣ X вѣка поставленный Оттономъ III папа Сильвестръ II, ученѣйшій человѣкъ своего времени, котораго впрочемъ за его ученость, заимствованную у арабовъ, современники считали еретикомъ и волшебникомъ); но все это имѣло мало вліянія на дѣла церкви. Между тѣмъ вмѣшательство государственной власти въ церковныя дѣла подавало поводъ къ новымъ безпорядкамъ и клонилось къ униженію самостоятельности церкви.

II.

ЭПОХА ВЫСШАГО РАЗВИТІЯ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ СЪ ПОЛОВИНЫ XI ДО XIV ВѢКА. ГИЛЬДЕБРАНДОВСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ; РЫЦАРСКІЕ ОРДЕНА, МОНАШЕСТВО, СХОЛАСТИКА. СТРЕМЛЕНІЯ ПАПЪ ПОДЧИНИТЬ СЕБѢ СВѢТСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ. БОРЬБА ИХЪ СЪ ИМПЕРАТОРАМИ ГОГЕНШТАУФЕНАМИ И ПАДЕНІЕ ЭТОЙ ДИНАСТІИ.

Въ виду крайней распущенности церковнаго управленія, и вреднаго вліянія мірскихъ лицъ на дѣла церковныя (высказывающагося преимущественно въ замѣщеніи церковныхъ должностей), въ западной церкви ко второй половинѣ XI вѣка стала усиливаться мысль о необходимости преобразованія церкви на новыхъ строгихъ началахъ. Мысль эта находила себѣ всего болѣе приверженцевъ въ западномъ монашествѣ, главными центрами котораго были тогда аббатства Монте-Кассино въ Италіи и Клюньи — во Франціи. Главными представителями реформаторскихъ стремленій явились въ половинѣ XI вѣка: Петръ-Даміани — благочестивый аббатъ и потомъ кардиналъ римской церкви, горячій обличитель безнравственности духовенства, и монахъ Гильдебрандъ — человѣкъ безспорно умный, строгій къ себѣ и другимъ, преданный интересамъ церкви, но въ высшей степени жесткій, хитрый, властолюбивый, превратно пони-

мавшій интересы церкви и имѣвшій самыя преувеличенныя понятія о власти папской. По его вліянію преимущественно западная церковь съ этого времени стала стремиться къ тому, чтобы осуществить въ себѣ идеалъ всемірной теократической монархіи съ верховнымъ монархомъ во главѣ—папою, облеченнымъ высшимъ авторитетомъ непогрѣшимаго Божія намѣстника на землѣ,—съ строжайшею централизаціею служителей и чиновъ церковныхъ, неразрывно связанныхъ единствомъ стремленій, преданныхъ интересамъ церкви и папы, и силою своей взаимной связи и энергической ревности распространяющихъ вліяніе церкви и папы на весь міръ. Для достиженія этой цѣли, Гильдебрандъ всю жизнь свою преимущественно старался о томъ, чтобы поставить избраніе и служеніе духовныхъ лицъ внѣ всякаго вліянія отъ мірянъ и разорвать для нихъ живую связь съ міромъ чрезъ повсемѣстное уничтоженіе браковъ духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очистить жизнь духовенства отъ пятенъ и нареканій, чрезъ искорененіе въ немъ плотскихъ пороковъ и симоніи. Обладая необычайною хитростію ума и настойчивостью характера, заправляя всѣми дѣлами Римской Церкви, сначала, какъ правая рука и ближайшій совѣтникъ пяти папъ (съ Льва IX до Александра III (1046—1073 г.), потомъ самъ сдѣлавшись папою подъ именемъ Григорія VII (1073—1085), опираясь на фанатическую ревность приверженныхъ къ нему лицъ въ духовенствѣ и монашествѣ и на поддержку вліятель-

ныхъ свѣтскихъ владѣтелей (преимущественно сильнаго герцога нормандскаго Роберта Гвискара, признавшаго себя лэнникомъ и защитникомъ римской Церкви, и богатой маркграфини Матильды, своими пожертвованіями много увеличившей свѣтскія владѣнія Папы), Гильдебрандъ въ продоженіи полувѣка постепенно успѣлъ, если не вполнѣ довершить свою задачу, то, по крайней мѣрѣ, твердо поставить ее. Его стремленія встрѣтили сильнѣйшія противодѣйствія себѣ. Искорененіе симоніи и священническихъ браковъ произвело сильныя волненія въ Медіоланѣ, во Флоренціи, въ Парижѣ, Майнцѣ и другихъ мѣстахъ. Устраненіе вліянія лицъ свѣтскихъ на замѣщеніе церковныхъ должностей (*) вызвало противъ Григорія VII многихъ

(*) Избраніе самаго папы поставлено было вліяніемъ Гильдебранда въ независимость отъ народа и свѣтскихъ властей, чрезъ устроеніе такъ-называемой коллегіи кардиналовъ. Кардиналами издавна назывались въ Римской Церкви епископы, пресвитеры и діаконы кафедральной церкви Римской, служащіе вмѣстѣ съ папою. Это ближайшіе придворные папы-монарха, князья Римской Церкви, какъ ихъ стали называть впослѣдствіи. По вліянію Гильдебранда, когда онъ еще самъ былъ кардиналомъ, папа Николай II на латеранскомъ соборѣ (1059 г.) право избранія папъ предоставилъ почти исключительно коллегіи кардиналовъ. Время отъ времени коллегія эта расширялась и пріобрѣтала все больше значенія; избраніе папы и верховное управленіе всѣми дѣлами римской церкви донынѣ остается въ ихъ рукахъ. Кардиналы эти носятъ пурпуровую царственную одежду и считаются на за-

противниковъ въ свѣтскихъ владѣльцахъ. Сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ германскій императоръ Генрихъ IV. Папа Григорій VII чрезъ своихъ искусныхъ и фанатически ревностныхъ приверженцевъ успѣлъ безпощадно строгими мѣрами смирить непокорное ему духовенство, — самаго Генриха IV заставилъ униженнѣйшимъ образомъ вымаливать прощенія у себя, многихъ другихъ владѣтельныхъ лицъ заставилъ признать себя лэнниками Римской церкви; но все таки не успѣлъ окончательно преодолѣть своихъ враговъ, и умеръ въ изгнаніи, завѣщавъ продолжать свое дѣло преемникамъ своимъ.

Преемники Григорія VII настойчиво и успѣшно продолжали начатое имъ дѣло. Враждебная папству партія мало по малу должна была смириться. Въ XII вѣкѣ повсюду уничтожены были браки лицъ-духовныхъ. Нравственность духовенства чрезъ это конечно не возвысилась; напротивъ съ этого времени ни одного года не проходило безъ того, чтобы не было гдѣ нибудь ропота и жалобъ на соблазны, производимые духовенствомъ, и папы постоянно должны были издавать новыя буллы противъ безнравственности духовенства. Тѣмъ не менѣе въ политическомъ отношеніи безбрачное духовенство принесло папамъ великую пользу. Право избранія епископовъ (право инвеституры)

падѣ выше всѣхъ старѣйшихъ епископовъ и даже патріарховъ, и при томъ не только кардиналы-епископы, но и кардиналы-діаконы.

послѣ долгихъ споровъ со стороны Германскихъ императоровъ, Генриха IV и Генриха V, наконецъ уступлено было папамъ Вормскимъ конкордатомъ (1122 г.)—при папѣ Каликстѣ XI. Духовныя лица, освобожденныя отъ семейныхъ и общественныхъ связей и отъ вліянія мірской власти, сдѣлались ревностнѣйшими служителями интересовъ папскихъ, и дѣятельно стали распространять вліяніе церкви на всѣ мірскія отношенія. Отнятіемъ евхаристической части у мірянъ, запрещеніемъ народу читать библію и совершеніемъ богослуженія на непонятномъ (латинскомъ) языкѣ западная церковь выразила стремленіе держать подвластные ей народы въ мракѣ и рабствѣ подъ гнетомъ духовенства (*). Всякая попытка къ освобожденію отъ этого рабства, къ протесту противъ него были подавляемы стражайшею инквизиціею, которая стала развиваться въ западной церкви, по мѣрѣ того какъ западная церковь превращалось въ папскую монархію (особенно усилилась инквизиція на западѣ съ XIII вѣка).

Объявшее въ XII и XIII вѣкахъ почти всю западную Европу горячее, но не осмысленное и превратно направленное религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ крестовыхъ походовъ, весьма

(*) Всѣ эти и большая часть другихъ незаконныхъ нововведеній, преимущественно утвердились въ западной церкви въ XII и XIII вѣкахъ во времена наибольшаго развитія папской власти и глубокаго невѣжества на западѣ.

много помогло усиленію западной церкви и папства. Церковь въ это время пріобрѣла огромныя богатства чрезъ выгодную куплю и многочисленныя пожертвованія отъ князей и бароновъ, отправляющихся въ Палестину съ надеждою пріобрѣтенія тамъ большихъ богатствъ, славы земной и царства небеснаго. Папы, захвативши въ свои руки инціативу крестовыхъ походовъ, стали во главѣ общественнаго настроенія западной Европы. Вліяніе папъ распространилось далеко на востокъ. Образовались духовные рыцарскіе ордена (Іоаннитовъ, Тампліеровъ, Тевтонскихъ рыцарей), готовые силою оружія распространять вліяніе папства и поддерживать интересы церкви. И папы, не разбиравшіе средствъ въ достиженіи своихъ цѣлей, стали употреблять эту силу противъ всѣхъ разномыслящихъ съ ними религіозныхъ партій, противъ всѣхъ ослушниковъ и противниковъ своей власти. Самое первое крестоносное ополченіе, собравшееся по возбужденію папы Урбана II, еще прежде похода въ Палестину, было направлено этимъ папою къ подавленію враждебной ему партіи въ самомъ Римѣ. За тѣмъ и въ послѣдствіи папы неоднократно созывали крестовые походы на греческихъ схизматиковъ, на французскихъ Валденсовъ и Албигойцевъ, на германскихъ Штединговъ, на Чешскихъ гуситовъ, на враждебныхъ папству Германскихъ императоровъ Генриха V, Фридриха II и т. д.

Весьма много также помогло возвышенію папства сильное развитіе монашества въ западной Ев-

ропѣ. Въ средніе вѣка, въ слѣдствіе неустройствъ общественныхъ и распространенныхъ повсюду невѣжества и безнравственности, въ людяхъ религіозныхъ, особенно усилилось стремленіе къ уединенной монашеской жизни. Папство воспользовалось этимъ стремленіемъ и обратило для себя монашество въ политическую силу на распространеніе своего вліянія. Въ западной церкви до X вѣка былъ только одинъ монашескій орденъ Бенедиктинцевъ, основанный въ V вѣкѣ св. подвижникомъ Бенедиктомъ Нурсійскимъ, преобразованный въ IX вѣкѣ Бенедиктомъ Аніанскимъ, и оказавшій много услугъ западной Европѣ своимъ служеніемъ просвѣщенію и дѣламъ человѣколюбія. Съ X-го вѣка, когда орденъ Бенедиктинскій, разслабленный нравственно, началъ падать и въ общественномъ мнѣніи, изъ него выдѣлилась обширная конгрегація клюнійская, принявшая строгія монашескія правила и сдѣлавшаяся въ XI и XII вѣкахъ главною распространительницею Гильдебрандовскихъ реформъ въ западной церкви. Во второй половинѣ XI и XII вѣковъ образовалось на западѣ много новыхъ монашескихъ орденовъ—(ордена Цистерціанъ, Премонстрантовъ, Картезіанцевъ, Камальдолійцевъ, Бернардитовъ, Кармелитовъ). Но всего болѣе оказали услугъ папству два такъ называемые нищенствующіе ордена, образовавшіеся въ началѣ XIII вѣка, орденъ Францисканцевъ или миноритовъ, основанный благочестивымъ купцомъ Франциском Ассизскимъ, и орденъ Доминиканцевъ, основанный

суровымъ Испанскимъ дворяниномъ Доминикомъ Гуссманомъ. Тотъ и другой орденъ скоро распространились во всѣхъ странахъ западной Европы. Францисканцы преимущественно захватили подъ свое вліяніе исповѣдь и народную проповѣдь; Доминиканцы завѣдываваніе учеными заведеніями и инквизицію. Такимъ образомъ въ рукахъ этихъ двухъ орденовъ сосредоточились важнѣйшія силы къ вліянію на общество. Поставленные въ независимость отъ власти мѣстныхъ епископовъ, зависѣвшіе чрезъ своихъ, утверждаемыхъ папою, генераловъ, непосредственно отъ папы, монашескіе ордена служили сильнѣйшимъ орудіемъ къ распространенію папскаго вліянія во всей западной Европѣ.

Много также помогала возвышенію папства и новая наука, образовавшаяся въ средніе вѣка на Западѣ Европы, такъ называемая схоластика. Просвѣщеніе на Западѣ Европы, около времени отдѣленія западной церкви отъ восточной, вообще находилось на низкой степени, и несмотря на усиленныя заботы объ образованіи со стороны многихъ государей напр. Карла великаго во Франціи, Альфреда великаго въ Англіи, Оттона I и Оттона III въ Германіи, подвигалось впередъ очень слабо. Главнымъ и почти единственнымъ источникомъ образованія были монастыри. Естественно, что и наука, образовавшаяся въ нихъ, получила такое же подобострастное по отношенію къ папству направленіе, какимъ вообще отличалось запад-

ное монашество. Въ началѣ, при первомъ пробужденіи образованія на Западѣ Европы, когда люди, желавшіе возстановить для своихъ современниковъ сокровища древней мудрости, черпали свои знанія изъ первоначальныхъ источниковъ греческой философской и богословской литературы и изъ современной арабской и византійской учености, между ними могли появляться еще довольно свободные мыслители, свободно относившіеся къ папству, каковы напр. были Іоаннъ Скоттъ Еригена, Гербертъ, (впослѣдствіи папа Сильвестръ II), Росцеллинъ и въ особенности вліятельный на общество и краснорѣчивый французскій ученый Абелярдъ. Но впослѣдствіи когда усилилась инквизиція, когда изучать древнихъ писателей и самую библію стали позволять молодымъ ученымъ не иначе, какъ только въ комментаріяхъ схоластиковъ, когда монахи доминиканскаго и францискаскаго орденовъ заняли всѣ высшія мѣста въ новообразовавшихся учебныхъ заведеніяхъ, западная наука совершенно получила сухой, безжизненный подобострастный характеръ. Самые сильные, самые даровитые мыслители (каковъ былъ напр., въ XIII вѣкѣ знаменитый западный богословъ доминиканецъ Ѳома Аквинатъ), полагали всѣ силы своего ума не на то, чтобы разсѣявать, а на то, чтобы закрѣплять предразсудки, клонившіеся въ пользу папства, и всѣ нововведенія и заблужденія, распространенныя невѣжествомъ и папскимъ произволомъ. Они сводили ихъ въ систему, об-

ставляли множествомъ искусственно измышленныхъ доказательствъ, развивали до самыхъ крайнихъ результатовъ, и такимъ образомъ болѣе и болѣе закрѣпляли какъ въ самомъ католическомъ богословіи, такъ и въ общественномъ сознаніи западнаго христіанскаго міра. Для папства такое научное направленіе не только не было опасно но напротивъ было весьма полезно въ подкрѣпленіе всѣхъ его обмановъ и притязаній.

Возвысивши свою духовную власть во всей западной Европѣ, папы стали высказывать явное стремленіе подчинить себѣ и всѣхъ свѣтскихъ государей Европы, на томъ основаніи, что свѣтская власть будто бы происходитъ отъ духовной. Папа Александръ III самаго сильнаго изъ современныхъ ему государей, императора Фридриха Барбаруссу, не усомнился назвать лэнникомъ папской короны, а англійскаго короля Генриха II, за его попытку ограничить власть папскую въ Англіи, и за убіеніе ревностнаго защитника интересовъ папскихъ, кантербюрійскаго архіепископа Ѳомы Бекета, приказалъ монахамъ позорно отбичевать на могилѣ Бекета. Даровитый, предпріимчивый и властолюбивый Иннокентій III (1198—1216 г.), опираясь на силу расположеннаго въ пользу папства общественнаго мнѣнія, на поддержку крестоносцевъ, на усердіе учрежденныхъ имъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, употребляя, гдѣ нужно, страшныя мѣры анаѳемы, интердикта, крес-

товаго похода и инквизиціи возвысилъ папскую власть на высшую степень могущества. Императоръ германскій Оттонъ IV признадъ себя его лэнникомъ. Король французскій, Филиппъ-Августъ, напуганный интердиктомъ наложеннымъ на Францію за его незаконный разводъ съ женою, сдѣлался послушнымъ сыномъ папы. Король англійскій Іоаннъ безземельный, за непослушаніе папѣ едва ле лишившійся короны и всѣхъ своихъ владѣній, также долженъ былъ смириться и признать лэнную зависимость отъ папы. Королевства: кастильское, аррагонское, сицилійское, венгерское также были признаны лэнами папы. Счастливое завоеваніе Константинополя крестоносцами дало поводъ папѣ распространить виды своего властолюбія на Востокъ и онъ уже мечталъ подчинить себѣ всѣхъ Русскихъ и другихъ славянскихъ владѣтелей. Власть папства была въ это время такъ велика, что самъ Иннокентій любилъ сравнивать её съ солнцемъ, величайшимъ свѣтиломъ неба, а власть императорскую только съ луною, гораздо меньшею солнца и отъ него заимствующею свой свѣтъ. Преемники Иннокентія III: Григорій IX, Иннокентій IV, Урбанъ IV, Григорій X и другіе старались поддерживать папство на той высотѣ на какой поставилъ его Иннокентій III.

Изъ всѣхъ государей Западной Европы дѣятельнѣйшими противниками папства были въ это время императоры германскіе, фамиліи Гогенштауфеновъ. Фридрихъ I Барбарусса началъ борьбу

съ папою Александромъ III, позволившимъ себѣ назвать императорскую власть бенефиціею папы. Но папа возмутилъ противъ него Ломбардскіе города, находившіеся въ зависимости отъ императорской власти; мужественный императоръ потерпѣлъ сильное пораженіе при Леньяно (1176 г.), и долженъ былъ примириться съ папою, отказаться отъ правъ патронатства надъ Римомъ, которое доселѣ еще принадлежало германскимъ императорамъ, и подъ конецъ жизни долженъ былъ искупать свой грѣхъ противъ папы предпріятіемъ крестоваго похода въ Палестину. Преемникъ Фридриха Барбароссы, Оттонъ IV (при Иннокентіи III) не только отказался отъ всякаго патронатства надъ Римомъ, но даже самаго себя призналъ лэнникомъ папы. Но внукъ Фридриха Барбароссы даровитый и свободно мыслящій Фридрихъ II, воспитанный подъ опекою Иннокентія III и тѣмъ не менѣе проникнутый непримиримою ненавистью къ папству, началъ противъ него самую ожесточенную борьбу словомъ и дѣломъ. Папы Григорій IX и Иннокентій IV, своими интригами, успѣли возстановить противъ него множество враговъ въ Италіи, въ Германіи, во всей Европѣ, предали его страшному проклятію на Ліонскомъ Соборѣ (1245 г.), стали проповѣдывать противъ него крестовый походъ, и императоръ, всѣми оставленный, долженъ былъ смириться предъ всепобѣждающею силою папства. Тѣмъ не менѣе папы столько были озлоблены противодѣйствіемъ Го-

генштауфеновъ, что поклялись до конца искоренить этотъ „Иродовъ домъ“ (какъ называли они фамилію Гогенштауфеновъ); и на самомъ дѣлѣ послѣдній потомокъ этой фамиліи — Конрадинъ, внукъ Фридриха II, былъ позорно казненъ на эшафотѣ приверженцемъ папы, Карломъ Анжуйскимъ въ Неаполѣ (1268 г.). Съ этого времени папы не имѣли себѣ соперниковъ въ Европѣ. Послѣдующіе германскіе императоры (фамиліи Габсбурговъ) покорно признавали себя лэнниками папы, цѣловали ему туфли и держали стремя въ торжественныхъ церемоніяхъ. На такой высотѣ держалась папская власть до конца XIII столѣтія.

III.

НРАВСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ УПАДОКЪ ПАПСТВА СЪ XIV ВѢКА. БОНИФАЦІЙ VIII. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ПАПЪ ИЗЪ РИМА ВЪ АВИНЬОНЪ. ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВѢ ВЪ КОНЦѢ XIV ВѢКА.

Съ XIV вѣка папство отъ высшей степени церковнаго и политическаго могущества начало склоняться къ упадку. Причины этому заключались прежде всего въ самомъ папствѣ, которое стало сильно злоупотреблять своимъ вліяніемъ, своими чрезмѣрными притязаніями и жестокостями, ин-

тердиктами, инквизиціонными мѣрами, попраньемъ государственныхъ и общественныхъ правъ вооружило противъ себя общественное мнѣніе; порчею своего нравственнаго характера подорвало всеобщее къ себѣ уваженіе. Главнымъ же образомъ ослабленіе папскаго могущества условливалось ходомъ самаго историческаго развитія западной Европы. Народы запада, до XIII вѣка развивавшіеся подъ опекою папства, стали выходить изъ подъ нея. Императорская власть въ Германіи ослабѣла, но за то королевская власть, преимущественно во Франціи и Англіи, получила твердую опору въ сознаніи народномъ. Съ образованіемъ университетовъ и другихъ школъ, воспитаніе начало выходитъ изъ подъ непосредственнаго вліянія церкви. Наука, еще подчинявшаяся церковному авторитету въ схоластикѣ, начинала уже допускать нѣкоторую свободу въ обсужденіи самыхъ церковныхъ вопросовъ. Съ XIV вѣка между самыми схолостиками начинаютъ появляться свободные мыслители, смѣло высказывавшіеся противъ папства, каковъ напр. былъ францисканскій ученый Вильгельмъ Оккамъ. Энтузіазмъ религіозный ослабѣлъ; никакія пламенныя воззванія папъ и другихъ проповѣдниковъ не могли возбудить въ народѣ прежняго увлеченія къ крестовымъ походамъ. Множество мелкихъ, враждебныхъ папству сектъ, распространявшихся тайно отъ преслѣдованій папства, всюду въ народѣ разсѣявали не-

пріязненное настроеніе противъ церкви (*) испорченная жизнь, корыстолюбивыя и властолюбивыя притязанія монашества и духовенства давали пищу этому непріязненному настроенію.

(*) Въ древніе вѣка, когда западная Церковь находилась въ соединеніи съ восточною, въ ней очень мало появлялось сектъ, несогласныхъ съ ученіемъ церкви. Но по мѣрѣ того, какъ въ западной церкви усилилось господство папства, стало усиливаться и направленіе сектантское, враждебное папству и церкви. Въ первый разъ оно высказалось съ значительною силою въ такъ называемыхъ Катарахъ съ XI вѣка. Секта эта имѣла чуждое западу и древнее происхожденіе Она представляетъ собою одну изъ отраслей древняго восточнаго гностицизма и манихейства. Остатки этихъ сектъ, образовавшихся еще въ первые вѣка христіанской исторіи, изъ смѣшенія христіанства съ древними языческими міровоззрѣніями, до X вѣка были разсѣяны въ Малой Азіи. Съ X вѣка они появились въ Европѣ въ византійской имперіи, и особенно усилились между недавно обращенными въ христіанство славянскими племенами въ Болгаріи и Босніи. Отсюда чрезъ земли западныхъ славянъ, секты эти проникли до сѣверной Италіи и Франціи. Здѣсь въ то время утверждалась тяжелая деспотическая Гильдебрандовская реформа, и потому идеи этихъ сектъ, представлявшія въ себѣ протестъ противъ іерархическаго деспотизма, нашли себѣ большое сочувствіе. Характеристическія черты этихъ сектъ, заключались именно въ отрицаніи іерархіи и церковной обрядности. Въ самыхъ основахъ теоретическаго ученія, подобно древнимъ гностикамъ, эти секты не рѣдко выказывали склонность къ языческому пантеизму или дуализму; практическія стремленія ихъ имѣли соціалистическій характеръ. Ихъ проповѣдь, распространяемая въ народѣ, на живомъ языкѣ, примѣнительно къ народнымъ понятіямъ, не рѣдко подъ покровомъ заманчивыхъ

Видимый упадокъ папской власти начался съ папы Банифація VIII (1294 — 1303 г.), не уступавшаго гордостью и властолюбивыми притязаніями ни Григорію VII, ни Иннокентію III, но далеко

для воображенія миѳовъ и легендъ, и проникнутая духомъ свободы, оппозиціею противъ церковныхъ и государственныхъ стѣсненій, имѣла большой успѣхъ. Подъ вліяніемъ этого направленія проникшаго въ западную жизнь, образовалось много новыхъ враждебныхъ церкви сектъ: Петробрусіанцы, Апостолики, Братья Св. Духа и др. съ болѣе или менѣе крайною оппозиціею противъ церкви. Самою замѣчательною изъ средневѣковыхъ западныхъ сектъ, наиболѣе умѣренною по направленію и по нравственнымъ тенденціямъ, была секта Вальденсовъ или Ліонскихъ нищихъ, основанная въ XII вѣкѣ богатымъ Ліонскимъ гражданиномъ Вальдомъ. Главными началами этой секты были: стремленье къ возстановленію общественной нравственности, забота о возвышеніи религіознаго образованія въ народѣ (Вальденсы переводили для народа мѣста изъ Библіи на народный языкъ), распространеніе благотворительности. Вальденсы первоначально думали служить избраннымъ имъ цѣлямъ, не отдѣляясь отъ церкви. Но католическая церковь отнеслась недовѣрчиво и непріязненно къ ихъ стремленіямъ и тѣмъ образовала противъ себя изъ мирнаго благочестиваго общества опасную непріязненную секту. Всѣ помянутыя секты, обращавшіяся съ своею проповѣдью къ простому народу, оставляемому западною іерархіею почти безъ всякаго религіознаго образованія, нерѣдко находившія себѣ послѣдователей и въ средѣ людей знатныхъ, богатыхъ и ученыхъ, имѣли большой успѣхъ. Папство, конечно, всѣми мѣрами старалось подавить враждебное ему направленіе. Противъ сектантовъ, поднимаемы были страшныя инквизиціонныя преслѣдованія. Особенно сильно было въ XII и XIII вѣкахъ преслѣдованіе сектантовъ, жившихъ въ юж-

не обладавшаго ни такимъ умомъ, ни такою твердостью нравственнаго характера, какъ Григорій и Иннокентій. Бонифацій VIII, признавая свѣтскихъ государей подвластными себѣ не только въ духовныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ (какъ это онъ открыто высказывалъ въ своихъ буллахъ), вмѣшался въ качествѣ судьи и повелителя въ споры французскаго короля Филиппа Красиваго съ Эдуардомъ I англійскимъ, и запретилъ Филиппу съ французскаго духовенства собирать подати на военныя издержки. Филиппъ въ свою очередь приказалъ въ своей землѣ прекратить сборы въ пользу папы, и, опираясь на сочувствіе земскихъ чиновъ, провозгласилъ королевскую власть независимою отъ папы. Папа разразился анаѳемами и интердиктомъ. Французскій король послалъ въ Римъ своего канц-

---

ной Франціи, въ округѣ города Альби (Альбигойцы). Папы подняли противъ нихъ крестовый походъ и цѣлыя двадцать лѣтъ, эта самая богатая и цвѣтущая въ то время страна подвергалась жестокимъ и кровавымъ опустошеніямъ, при которыхъ вмѣстѣ съ сектантами истребляемы были и цѣлыя тысячи вѣрныхъ сыновъ католической церкви.

При всемъ томъ папству не удалось подавить оппозиціоннаго направленія. Сектанты отъ гоненій переходили изъ одной страны въ другую, дѣйствовали скрытно и искусно, и всюду распространяли и поддерживали тайную оппозицію противъ папства, которая потомъ обнаружилась и открыто отпаденіемъ отъ католической церкви цѣлыхъ странъ и народовъ. Идеи средневѣковыхъ западныхъ сектантовъ имѣли большое вліяніе на образованіе позднѣйшихъ протестантскихъ мнѣній.

лера наказать папу. Канцлеръ Нагаре, соединившись въ Римѣ съ враждебною папѣ аристократическою фамиліею *Колонна*, захватилъ папу въ плѣнъ и подвергъ его публичному поруганію (далъ пощечину папѣ). Это такъ подѣйствовало на запальчиваго Банифація, что онъ, хотя и освободился изъ плѣна, но отъ гнѣва и стыда заболѣлъ горячкою и умеръ въ исступленномъ бреду.

Одного изъ ближайшихъ преемниковъ Бонифаціевыхъ, Климента V, Филиппъ Красивый склонилъ переселиться со всѣмъ дворомъ его изъ Рима въ французскій городъ Авиньонъ (1305 г.); съ этихъ поръ папы стали въ зависимость отъ французскихъ королей. Семидесятилѣтнее пребываніе въ Авиньонѣ сильно помрачило блескъ папства, такъ что не безъ основанія самые искренніе приверженцы римской Церкви называли этотъ періодъ ея жизни періодомъ Вавилонскаго плѣненія Церкви. Находясь въ зависимости отъ французскихъ королей (*), папы утратили вліяніе на другія страны. Какъ бы въ замѣнъ этого они стали вознаграждать себя рос-

---

(*) На первыхъ же порахъ послѣ переселенія папъ въ Авиньонъ, эта зависимость выказалась въ уничтоженіи Климетомъ VII, рыцарскаго ордена Тампліеровъ, огромнѣйшія богатства и сила которыхъ давно возбуждала зависть Филиппа Красиваго. Въ угожденіе ему Тампліеры были подвергнуты тяжкимъ обвиненіямъ и пыткамъ, потомъ большею частію казнены; орденъ ихъ уничтоженъ, и имѣніями его большею частію завладѣлъ Филиппъ.

копью жизни и чувственными удовольствіями. По богатству, роскоши и распущенности жизни (рѣзко описаннымъ въ особенности у итальянскаго поэта Петрарки, жившаго при дворѣ Авиньонскомъ), Авиньонъ по истинѣ сдѣлался Вавилономъ. Жизнь двора Авиньонскаго производила всеобщій соблазнъ и имѣла дурное вліяніе на нравственность всего западнаго духовенства и монашества. Чтобы удовлетворить потребностямъ роскошной жизни, чтобы найти возможность дѣлиться съ французскими королями и содержать наемныя войска для защиты церковныхъ владѣній въ Италіи (гдѣ, съ отсутствіемъ папъ, происходили постоянныя безпорядки и возмущенія), папы подъ разными предлогами открыли множество новыхъ поборовъ со всѣхъ церквей и странъ. Симонія усилилась до крайней степени. Помимо всѣхъ неисчислимыхъ издержекъ, папы скопляли огромнѣйшія богатства въ наслѣдство своимъ родственникамъ. Напримѣръ папа Іоаннъ XXII оставилъ послѣ себя 17 милліоновъ гульденовъ золотомъ и на 7 милліоновъ серебряной посуды и другихъ драгоцѣнностей.

Все это возбуждало противъ папства сильное негодованіе. Послышались протесты съ разныхъ сторонъ. Въ Германіи императоръ Людвигъ Баварецъ (въ половинѣ XIV столѣтія) довольно успѣшно повелъ противъ папъ политическую и литературную борьбу; помогавшіе ему въ этой борьбѣ ученые государственные юристы (изъ нихъ особенно замѣчателенъ Марсилій Падуанскій) начали про-

водить въ общественное сознаніе такого рода идей, что царская власть имѣетъ происхожденіе отъ Бога, а не отъ папы, и поэтому во всемъ полноправна и не зависитъ отъ папы, что въ самой Церкви власть папская есть позднѣйшее нововведеніе; въ древности ея не было и по существеннымъ своимъ правамъ всѣ епископы равны между собою. Государственные чины Германіи (курфюрсты и другіе князья) сдѣлали постановленіе считать имперію независимою отъ папской власти и избирать императора безъ сношеній съ папами. Въ Англіи короли и парламентъ сдѣлали нѣсколько постановленій къ ограниченію денежныхъ сборовъ въ пользу Римской Церкви и вмѣшательства папъ въ дѣла церкви англиканской, а профессоръ Оксфордскаго университета Джонъ Виклефъ (ум. 1384 г.), требовалъ радикальнаго преобразованія церкви, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ возставая не только противъ духовной и свѣтской власти папъ и ея злоупотребленій, но и противъ многихъ другихъ постановленій и даже догматовъ Церкви (противъ іерархіи, монашества и вообще обѣтовъ, почитанія святыхъ, иконъ и мощей, противъ пресуществленія и другихъ таинствъ, противъ индульгенцій и другихъ церковныхъ соборовъ и т. д.). Въ самой Италіи громко роптали на злоупотребленія свѣтской власти папъ и на удаленіе папъ во Францію. Пылкій, пропитанный уваженіемъ къ преданіямъ классической древности римлянинъ Кола Ріензи возстановилъ въ Римѣ древ-

нее республикьнское управленіе. Хотя эта республика скоро пала, но безпорядки и ропотъ на папъ не прекращались, а все болѣе усиливались.

Наконецъ всеобщій ропотъ на удаленіе папъ изъ Рима и на распущенность церковной жизни заставилъ папъ подумать о возвращеніи въ Римъ и исправленіи вошіющихъ злоупотребленій въ Церкви. Во второй половинѣ XIV вѣка папы Урбанъ V и Григорій XI сдѣлали попытку къ возвращенію въ Римъ папскаго двора. Наконецъ въ 1378 г. новый папа Урбанъ VI заявилъ рѣшительное намѣреніе снова утвердить папскій престолъ въ Римѣ и взяться за преобразованіе разстроенной Церкви. Это однакожъ сильно не понравилось многимъ кардиналамъ, привыкшимъ къ распущенности авиньонской жизни и расположеннымъ въ пользу французскаго двора. Двѣнадцать кардиналовъ французской партіи объявили Урбана VI незаконнымъ папою и избрали для Авиньона своего папу Климента VII. Съ этого времени, въ продолженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, западная Церковь находилась въ расколѣ. Въ Римѣ были свои папы (Урбанъ VI, Бонифацій IX, Иннокентій VII, Григорій XII, Александръ V, Іоаннъ XXIII), въ Авиньонѣ свои: (Климентъ VII и Бенедиктъ XIII). Одни изъ Европейскихъ странъ признавали римскаго папу,—другія авиньонскаго. При высокомъ понятіи западнаго христіанскаго міра о папѣ, какъ единой главѣ Церкви (это понятіе уже вполнѣ было выработано тогда западнымъ богословіемъ), расколъ этотъ

производилъ самъ по себѣ великій соблазнъ; двуглавая Церковь казалась многимъ знаменіемъ пришествія Антихриста. Кромѣ того папы и ихъ приверженцы сами много содѣйствовали увеличенію соблазна. Партіи—Римская и Авиньонская находились между собою въ непрестанной борьбѣ; каждая изъ нихъ осыпала другую соблазнительною бранью и проклятіями. Взаимныя обличенія въ безнравственности и злоупотребленіяхъ, самымъ щедрымъ и откровеннымъ образомъ расточаемыя съ той и другой стороны, раскрыли въ папствѣ предъ глазами всего христіанскаго міра столько темнаго и позорнаго, сколько не могли разсказать про него самые злѣйшіе противники. Наконецъ содержаніе двухъ папскихъ дворовъ вмѣсто однаго, и при томъ такихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый отличался роскошью и распущенностью жизни, каждый старался привлечь на свою сторону какъ можно болѣе сильныхъ приверженцевъ,—должно было еще болѣе увеличить и безъ того непомѣрные церковные сборы и налоги. Симонія еще болѣе усилилась, — и вообще всякая мѣра нравственной распущенности въ жизни западной церкви переполнилась.

IV.

РЕФОРМАТСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XV ВѢКѢ. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ПАРТІЯ. ЛОЛЛАРДЫ. ПРОПОВѢДЬ ГУССА ВЪ ЧЕХІИ. ПИЗСКІЙ, КОНСТАНЦСКІЙ И БАЗЕЛЬСКІЙ СОБОРЫ. ГУССИТЫ.

Въ виду всеобщаго соблазна производимаго великимъ расколомъ, безнравственностію и злоупотребленіями западной іерархіи, въ XV вѣкѣ у многихъ не только противниковъ, но и искреннихъ приверженцевъ западной Церкви, болѣе и болѣе утверждалась мысль о необходимости преобразованія Церкви въ ея главѣ и членахъ. Знаменитѣйшіе Богословы, знаменитѣйшаго въ то время Парижскаго Университета—Іоаннъ Жерсонъ, д'Алльяко, Клеманжисъ начали развивать новую теорію папства, по идеѣ которой западная Церковь изъ монархіи ѳеократической должна была преобразоваться въ монархію конституціонную. Древнѣйшая форма высшаго законодательства и управленія церковнаго, Вселенскій соборъ сталъ получать болѣе и болѣе признанія въ мнѣніяхъ западныхъ Богослововъ. Впрочемъ не многіе изъ нихъ могли вполнѣ отрѣшиться отъ укоренившихся римскихъ предразсудковъ. Не многіе допускали ту мысль, что соборъ долженъ быть вполнѣ независимъ и можетъ собираться безъ соизволенія папы, что соборъ выше папы, можетъ низлагать и судить

папу, и устроивать церковный порядокъ, помимо власти папской. Большая часть самыхъ либеральныхъ западныхъ Богослововъ держалась той мысли, что соборы должны заниматься устроеніемъ и преобразованіемъ Церкви, подъ предсѣдательствомъ и подъ руководствомъ папы, который все таки долженъ оставаться единою верховною главою Церкви и управлять ею при содѣйствіи соборовъ. Эта спутанность и непослѣдовательность въ понятіяхъ, была причиною того, что благонамѣренныя стремленія умѣренно либеральной западной богословской партіи XV вѣка, старавшейся устроить и преобразовать порядокъ церковный при посредствѣ соборовъ, почти не имѣли никакого успѣха. Всѣ понимавшіе дѣло и благонамѣренные люди западной Европы громко требовали соборовъ для прекращенія раскола и устраненія порядка церковнаго. Но папы и ихъ приверженцы всячески старались противодѣйствовать созванію соборовъ и правильному направленію дѣйствій соборныхъ.

Безнадежность къ исправленію безпорядковъ церковныхъ мирнымъ церковнымъ путемъ, стала приводить людей болѣе рѣшительныхъ къ мысли совсѣмъ отложиться отъ западной церкви. Въ Англіи приверженцы мнѣній Виклефа еще съ XIV вѣка составили враждебную римской Церкви секту Лоллардовъ. Въ Богеміи въ началѣ XV столѣтія явился еще болѣе опасный противникъ папству въ лицѣ профессора пражскаго университета Іоанна Гусса. Человѣкъ одушевленный христіанскою

ревностью, чистый праведникъ по жизни, высокообразованный. Богословъ, замѣчательный ораторъ, горячій патріотъ, Іоаннъ Гуссъ имѣлъ огромное вліяніе между своими единоплеменниками Чехами. Развивая въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ высокую идею единой Вселенской Церкви въ смыслѣ древняго православія, Гусъ горячо возставалъ противъ папы, какъ непогрѣшимаго главы Церкви, противъ злоупотребленій безнравственнаго притязательнаго латинскаго духовенства, противъ мірскаго направленія жизни церковной, противъ индульгенцій, и требовалъ возстановленія въ церкви древней христіанской чистоты и простоты жизни и древнихъ, искорененныхъ папствомъ, святыхъ обычаевъ, преимущественно причащенія мірянъ подъ обоими видами тѣла и крови Христовой. Проповѣдь его тѣмъ болѣе имѣла успѣха въ народѣ, что у Чеховъ, бывшихъ когда-то православными и потомъ насильственно обращенныхъ въ латинство, оставались еще преданія о древнихъ православныхъ обрядахъ и живое сочувствіе къ нимъ.

Наконецъ всѣдствіе заявляемыхъ отовсюду настоятельныхъ требованій общественнаго мнѣнія, болѣе благонамѣренные кардиналы Римской и Авиньонской партій, вмѣстѣ съ парижскими Богословами, рѣшились наконецъ въ 1409 г. созвать въ Пизѣ соборъ для прекращенія раскола и преобразованія Церкви. На этомъ соборѣ положено было римскаго папу Григорія XII и Авиньонскаго Бенедикта VIII, за соблазнъ производимый ими въ

церкви, низложить, и избрать новаго папу Александра V, обязавъ его позаботиться объ исправленіи злоупотребленій церковныхъ. Но эти мѣры способствовали еще большему увеличенію соблазна. Ни Григорій, ни Бенедиктъ не думали отказываться отъ своихъ притязаній, и такимъ образомъ, теперь явилось уже не два, а три соперничествующихъ папы (а Испанія скоро затѣмъ избрала себѣ своего особеннаго четвертаго папу). Александръ V, избранный Пизскимъ Соборомъ объявилъ, что теперь прямо приступить къ преобразованію церкви нельзя, а для этого, послѣ предварительной подготовки, нужно будетъ собрать черезъ три года новый соборъ. Между тѣмъ черезъ годъ Александръ V умеръ отравленный, какъ полагали, однимъ изъ своихъ кардиналовъ — Балтазаромъ Коссою, который затѣмъ и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Іоанна XXIII. Этотъ Балтазаръ Косса, бывшій прежде морскимъ разбойникомъ, человѣкъ не вѣрившій въ будущую жизнь и запятнанный всевозможными злодѣяніями убійства, распутства, клятвопреступничества и симоніи, показалъ міру новый примѣръ поруганія церкви. По опредѣленію Пизскаго собора, онъ смѣло объявилъ въ 1412 г. открытіе новаго собора въ Римѣ для преобразованія церкви. Но всѣ дороги въ Римъ были заняты разбойниками, какъ говорили, нарочно для этого случая подкупленными папою; вслѣдствіе этого епископы другихъ странъ не могли явиться на соборъ и папа открывъ его съ нѣс-

колькими своими римскими приверженцами, скоро опять распустилъ, ничего не сдѣлавши.

Наконецъ, по настоянію самаго императора Сигизмунда, въ 1414 г. былъ открытъ въ Костницѣ новый Вселенскій соборъ. Этотъ соборъ по своей многочисленности и внѣшнему великолѣпію не имѣлъ себѣ равнаго между всѣми когда либо собиравшимися церковными соборами. Сюда, кромѣ императора и папы, собрались государи, князья, рыцари, высшіе сановники церкви, ученые богословы изъ всѣхъ странъ западной Европы. Однихъ епископовъ здѣсь было болѣе двухъ тысячъ, а всѣхъ духовныхъ около восемнадцати тысячъ, а всѣхъ христіанъ, прибывшихъ въ Костницъ по поводу этого собора, около пятидесяти тысячъ (и между прочимъ болѣе тысячи публичныхъ женщинъ). Соборъ началъ свои дѣйствія довольно энергично. Чтобы не дать преобладанія пристрастнымъ въ пользу папства итальянскимъ епископамъ, которыхъ по числу на соборахъ всегда бывало больше, чѣмъ другихъ, опредѣлено было рѣшать вопросы не по приговору большинства голосовъ, а по мнѣніямъ цѣлыхъ національныхъ партій; для этого представители каждой національности прежде общихъ засѣданій собора обсуждали подлежащіе рѣшенію вопросы въ своихъ частныхъ собраніяхъ. На папу Іоанна XXIII представлено было собору множество тяжкихъ обвиненій. Папа, увидивши, что соборъ принимаетъ неблагопріятное для него направленіе, бѣжалъ изъ Костница,

и не хотѣлъ явиться для оправданія. Соборъ осудилъ и низложилъ его заочно, наложилъ даже проклятіе и опалу на покровительствовавшаго ему Герцога Австрійскаго Фридриха, — и при содѣйствіи свѣтскихъ властей принудилъ того и другаго подчиниться своему рѣшенію. Папа Авиньонскій Бенедиктъ XIII, послѣ продолжительныхъ увѣщаній не хотѣвшій отказаться добровольно отъ своихъ притязаній, также былъ низложенъ, какъ еретикъ и возмутитель мира церковнаго. Третій папа Григорій XII, испугавшись энергическихъ мѣръ Собора, самъ сложилъ съ себя папское достоинство. Такимъ образомъ одна цѣль собора была достигнута — единство церкви востановлено. Но далѣе энергія членовъ собора къ преобразованію церкви ослабѣла. Враги реформы Итальянскіе и многіе франпузскіе епископы настояли на томъ, чтобы прежде, нежели будетъ начато преобразованіе церкви, былъ избранъ новый папа. Хитрый итальянецъ Оттонъ Колонна, избранный папою, подъ именемъ Мартина V-го, ловко обманулъ ожиданія всѣхъ ревнителей реформы, запуталъ членовъ собора въ распри и интриги, заключилъ отдѣльные договоры (конкордаты) съ различными національностями и затѣмъ, давши всѣмъ участвовавшимъ въ соборѣ отпущеніе грѣховъ на всю жизнь, закрылъ соборъ, и торжественно выѣхалъ изъ Костница, не сдѣлавши ничего для преобразованія церкви (1418 г.). Еще прежде того соборъ запятналъ себя неправеднымъ осужденіемъ

чешскаго проповѣдника Іоанна Гусса и его друга Іеронима Пражскаго, которыхъ измѣнническимъ образомъ чрезъ Императора Сигизмунда заманили въ Костницъ и сожгли на кострѣ. (*).

(*) Сожженіе Гусса не обошлось для западной церкви даромъ. Въ чехіи, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ о неправедной казни Гусса, поднялось сильнѣйшее народное возстаніе противъ римской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ угнетавшей чеховъ нѣмецкой національности. Причащеніе подъ обоими видами (sub utraque) чаша евхаристическая — сдѣлалась соединительнымъ національнымъ символомъ для чеховъ. Подъ предводительствомъ неустрашимыхъ полководцевъ Яна Жижки, Прокопа большаго и Прокопа малаго, Гусситы производили страшныя опустошенія: разрушали укрѣпленные замки, цѣлые города, и съ особенною свирѣпостью католическіе монастыри, безпощадно истребляли своихъ враговъ, ругались надъ католической святыней, и навели повсюду такой ужасъ, что названіе „Гусситъ“ на нѣсколько вѣковъ сдѣлалось самымъ ненавистнымъ и страшнымъ именемъ для нѣмцевъ католиковъ. Они имѣли на первыхъ порахъ большой успѣхъ и почти совершенно успѣли завоевать себѣ религіозную и политическую самостоятельность. Папы проповѣдовали противъ Гусситовъ крестовые походы, нѣмецкіе князья соединенными силами всячески старались истребить ихъ, но ничего не могли имъ сдѣлать, пока Гусситы держались въ союзѣ межку собою. Но скоро началось между ними раздѣленіе: партія умѣренныхъ Гусситовъ, каликстины или утраквисты, стремившіеся главнымъ образомъ къ религіозной реформѣ, и крайняя гусситская партія—табориты, желавшіе произвести не религіозную только, но и соціальную реформу на самыхъ широкихъ основаніяхъ, стали враждовать между собою. Пользуясь ихъ междоусобіями, Римская Церковь значительную часть каликстиновъ успѣла опять привлечь на

Неудовлетворительность результатовъ, достигнутыхъ на Костницкомъ соборѣ, побуждала ревнителей реформы настаивать на созваніе новаго Вселенскаго собора. Послѣ значительнаго проти-

---

свою сторону на Базельскомъ Соборѣ, обѣщавъ сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки—дозволить проповѣдь слова Божія на народномъ языкѣ и употребленіе чаши въ причащеніи мірянъ. Знаменитый полководецъ и умный правитель Георгъ Подебрадъ (Гусситъ) успѣлъ на нѣкоторое время соединить Чешскія партіи и создать въ Богеміи сильное государство. Но по смерти его (1471 г.) вражда между партіями, еще болѣе усилилась. Кромѣ собственно гусситскихъ партій, въ Чехіи поднялось множество другихъ мелкихъ сектъ, издавно гнѣздившихся въ этой странѣ отъ преслѣдованій католической инквизиціи: катары, валденсы, лолларды, пикарды, адамиты своими нелѣпыми и дикими ученіями волновали народъ, и, смѣшиваясь съ настоящими гусситами, утверждали въ общественномъ мнѣніи темное понятіе о самомъ гусситствѣ. Уже въ концѣ XV вѣка, гусситство обезсиленное внутренними раздорами и истребительными войнами, стало ослабѣвать. Въ XVI вѣкѣ, когда въ Германіи началось сильное протестантское движеніе, многіе гусситы пристали къ нему; по другимъ протестантское ученіе казалось несоотвѣтствующимъ строгости истинно—христіанскихъ воззрѣній. Въ XVII столѣтіи въ Богеміи воздвигнуто было жесточайшее гоненіе на протестантовъ, и еще болѣе на гусситовъ. Католицизмъ хитростью езуитовъ и усиліями австрійскаго правительства сдѣлался преобладающимъ исповѣданіемъ въ Чехіи. Съ тѣхъ поръ остатки гусситовъ лишь малыми партіями держались въ Богеміи, Моравіи, Польшѣ подъ именемъ моравскихъ и богемскихъ братьевъ. Въ началѣ XVIII столѣтія особенная отрасль ихъ при содѣйствіи богатаго графа Цинцендорфа, пожертвовавшаго все свое состояніе въ пользу общества, утвер-

водѣйствія со стороны папистической партіи, соборъ наконецъ собрался въ Базелѣ въ 1431 году. Находясь подъ вліяніемъ непріязненной папству нѣмецкой партіи, Базельскій соборъ, подобно Констницкому, началъ свои дѣйствія довольно энергично: предположено было рѣшительно ограничить папскую власть, многочисленность и злоупотребленія папскихъ соборовъ, и поставить значеніе Вселенскаго собора выше папы. Но папа Евгеній IV, какъ скоро увидѣлъ, что соборъ принимаетъ неблагопріятное для него направленіе, отозвалъ оттуда большую часть своихъ итальянскихъ и другихъ приверженныхъ къ нему епископовъ и открылъ свой соборъ (1438 г.) въ Феррарѣ, потомъ во Флоренціи, которому также предположено было придать значеніе Вселенскаго, и особенный авторитетъ мнимымъ соединеніемъ съ греческою цер-

---

дила свой центръ въ мѣстечкѣ Гернгутъ (въ Лузаціи), и отсюда распространилась въ разныя стороны подъ именемъ Гернгутеровъ (въ Россіи есть колонія ихъ въ Саратовской губерніи). Впрочемъ въ ученіи нынѣшнихъ гернгутеровъ и моравскихъ братьевъ нельзя видѣть точнаго выраженія идей Гусса; оно много разъ измѣнялось подъ различными вліяніями. Въ ученіи нынѣшнихъ моравскихъ братьевъ много слѣдовъ протестанства (въ ученіи о пресуществленіи они сходятся съ кальвинистами); впрочемъ они и значительно отличаются отъ всѣхъ сектъ протестантскихъ, преимущественно строгою, правильною организаціею своихъ общинъ, устроенныхъ по подражанію христіанскимъ общинамъ первыхъ вѣковъ, и строгостью своихъ нравственныхъ воззрѣній.

ковью. Базельскій Соборъ всячески отстаивалъ самостоятельность своихъ дѣйствій противъ интригъ папы. Члены Базельскаго Собора, заочно низложили Евгенія IV, и избрали на его мѣсто своего папу Феликса V. Но этого новаго папу нигдѣ не хотѣли признавать. Между тѣмъ Евгеній IV мало по малу переманивалъ на свою сторону одного за другимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ собора. Ему удалось привлечь къ себѣ и главныхъ вождей реформаторской партіи, ученыхъ итальянцевъ Энея Сильвія Пикколомини и Николая Кузу. Соборъ мало по малу терялъ всякое значеніе, и наконецъ самъ собою закрылся въ 1443 г., подчинившись преемнику Евгеніеву, Николаю V.

Этимъ и закончились въ XV вѣкѣ благородныя попытки лучшихъ людей католицизма исправить церковныя злоупотребленія посредствомъ соборовъ. Попытки эти, при извѣстномъ строѣ западныхъ понятій и западной церковной жизни, не имѣли почти никакого успѣха: Папская партія одержала верхъ. Только во Франціи, при Карлѣ VII, на Буржскомъ національномъ соборѣ постановлено было ограничить папское вліяніе на мѣстную церковь (преимущественно на избраніе епископовъ и церковные сборы) такъ называемою прагматическою санкціею, составленною въ смыслѣ опредѣленій костницкаго и базельскаго соборовъ (1438 г.). Впрочемъ папы долго оспаривали законность этой прагматической санкціи, не желая терять своего вліянія на галликанскую церковь.

Между тѣмъ, по заведенному уже порядку, въ XV и XVI вѣкахъ на западѣ, и послѣ Базельскаго собора, продолжали собираться новые соборы, будто бы для преобразованія церкви. Но эти соборы или не имѣли никакого значенія, или были орудіями папской партіи. На соборахъ въ Мантуѣ въ 1459 г. (при Піѣ II) и на двухъ Латеранскихъ соборахъ въ 1512 и 1517 годахъ (при Юліѣ II и Львѣ X) папамъ удалось еще болѣе возвысить авторитетъ своей власти, отмѣнивъ всѣ ограниченія по этому предмету, сдѣланныя на Соборахъ костницкомъ и базельскомъ, какъ на соборахъ еретическихъ.

V.

СОСТОЯНІЕ ПАПСТВА И ВСЕЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КОНЦѢ XV И НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ—ПРЕДЪ РЕФОРМАЦІЕЮ.

Одержавъ видимый перевѣсъ надъ стремленіями либеральной церковной партіи и не видя ни въ чемъ ограниченія своему произволу, папство къ XVI вѣку стало все болѣе и болѣе предаваться произволу и нравственной распущенности. Подъ конецъ XV и въ началѣ XVI столѣтія мы видимъ на римскомъ престолѣ папъ, занимающихся исключительно политическими интригами и свѣтскими развлеченіями и не обращающихъ никакого вниманія на дѣла Церкви, людей открыто проводившихъ без-

нравственную жизнь или тщеславившихся вольнодумствомъ и конъюнктурствомъ, изобрѣтающихъ только постоянно новые способы къ тому, чтобы грабить церкви и народъ (*). Приготовленіе новаго кре-

(*) Послѣ Энея Сильвія, сдѣлавшагося папою подъ именемъ Пія II, человѣка весьма умнаго и ученаго, но запятнавшаго себя отступничествомъ отъ своихъ убѣжденій, который былъ когда-то горячимъ ревнителемъ реформы, а сдѣлавшись папою самъ сталъ упорнѣйшимъ защитникомъ папскаго всевластія и произвола, — на престолѣ римскомъ являются: *Павелъ II, Сикстъ IV, Иннокентій VIII,* всѣ три открыто производившіе развратную жизнь. Изъ нихъ вторый открылъ папству новый источникъ доходовъ съ публичныхъ домовъ разврата въ Римѣ, а послѣдній, за свое нѣжное попеченіе объ обогащеніи своихъ незаконныхъ шестнадцати сыновей и дочерей прозванъ былъ римлянами въ насмѣшку „отцомъ отечества“. Далѣе слѣдовали *Александръ VI* изъ фамиліи Борджіа— замѣчательный политическій интриганъ и чудовище безнравственности, запятнавшій себя самыми тяжкими злодѣяніями кровосмѣшенія, тайныхъ и явныхъ убійствъ, — умеръ отъ яда, приготовленнаго его сыномъ Цезаремъ Борджіа для отравленія богатыхъ кардиналовъ, которыхъ имѣнія нужно было взять въ папскую казну. *Юлій II* все время управленія своего провелъ въ интригахъ и войнахъ, расточая, когда оказывалось нужнымъ, страшныя анаѳемы противъ своихъ политическихъ противниковъ; всѣ признавали въ немъ болѣе способности и призванія къ предводительствованію войсками, нежели къ управленію церковью. Наконецъ *Левъ X*, при которомъ началась реформація, изящнѣйшій, самый аристократическій папа изъ извѣстной фамиліи Медичисовъ покровитель наукъ и искусствъ, только едва ли имѣвшій какія нибудь твердыя религіозныя убѣжденія, называвшій исторію Христа прибыльною для духовенства сказкою, расточавшій цер-

стоваго похода противъ турковъ утвердившихся въ Европѣ (1453 г.), который впрочемъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, — построеніе новой великолѣпной церкви св. Петра въ Римѣ, щедрое покровительство изящнымъ искусствамъ, которымъ папскій дворъ въ то время любилъ тщеславиться, роскошнѣйшая жизнь папъ и другихъ многочисленныхъ сановниковъ римской Церкви, веденіе политическихъ интригъ и частыхъ войнъ, содержаніе папскихъ сыновей, дочерей и многочисленныхъ родственниковъ, которые открыто надѣлялись огромнѣйшими богатствами на счетъ церкви, содержаніе многочисленныхъ незаконныхъ дѣтей итальянскаго монашества и духовенства и другіе расходы заставляли папъ непрестанно изобрѣтать новые источники церковныхъ сборовъ. По всѣмъ землямъ западной Европы (и особенно по Германіи), постоянно разсылались сборщики денегъ въ пользу Рима, отъ которыхъ народъ и правительства нерѣдко должны были защищаться вооруженною силой. И въ этихъ сборахъ продавалась за деньги вѣра, совѣсть и всякая святыня.

Глубокая деморализація, объявшая римскую курію, отражалась на всей западной церкви. Цер-

---

ковныя деньги безъ счета и всякихъ границъ, и въ слѣдствіе этого доведшій симонію до такихъ чрезвычайныхъ размѣровъ какихъ наконецъ не могли вынести подчиненные папству христіанскіе народы.

ковная жизнь видимо разлагалась. Духовенство высшее, утопая въ роскоши и свѣтскихъ удовольствіяхъ, къ дѣламъ вѣры относилось равнодушно и часто скептически. Духовенство низшее коснѣло въ невѣжествѣ и грубомъ развратѣ. Монашествующіе многочисленныхъ западныхъ орденовъ производили всюду великіе соблазны—своими взаимными распрями, своимъ бродяжничествомъ и безнравственною жизнью, жадностью и корыстолюбіемъ, грубыми поддѣлками и обманами, совершаемыми во имя и подъ покровомъ религіи, ненавистью къ просвѣщенію и ко всякимъ живымъ общественнымъ стремленіямъ, шпіонскими и инквизиторскими наклонностями и т. под. Народъ не имѣлъ почти никакой пищи для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ. Библію рѣдко брали въ руки самые ученые богословы (*) Богослуженіе совершалось на непонятномъ языкѣ;

(*) Лютеръ знаменитый западный богословъ въ первый разъ взялъ библію въ руки на 20 году жизни, а его товарищъ по профессорству и реформѣ Карлштадтъ на 30; и это не было исключеніемъ, а многіе богословы и высшіе сановники церкви совсѣмъ никогда не читали библію. Одинъ нѣмецкій князь епископъ, которому случайно на глаза попалась библія, почитавши нѣсколько, выразился о ней такъ: „я не знаю, что это“ за книга, только въ ней слишкомъ много противнаго намъ. Народу же—мірянамъ было совсѣмъ запрещено читать библію папскими буллами; папы и западные богословы не смущались называть библію еретическою книгою и источникомъ всевозможныхъ ересей.

проповѣди церковной не было. Оставаясь въ крайнемъ невѣжествѣ относительно истинъ вѣры, народъ коснѣлъ въ грубомъ суевѣріи, готовомъ перейти въ крайнее озлобленіе противъ церкви. Въ высшихъ сословіяхъ господствовали чувственно эпикурейскіе взгляды и холодное равнодушіе къ дѣламъ вѣры.

Между тѣмъ повсюду начало распространяться просвѣщеніе. Ученые греки, по паденіи Константинополя (1453 г.), удалившіеся въ западную европу, пробудили здѣсь склонность къ изученію древней классической литературы. Стали возникать ученыя общества, университеты и другія учебныя заведенія. Вновь изобрѣтенное книгопечатаніе способствовало быстрому обмѣну идей. При глубокомъ религіозномъ невѣжествѣ и крайней распущенности церковной жизни, просвѣщеніе угрожало принять направленіе враждебное вѣрѣ и церкви. Это прежде всего сказалось въ Италіи; вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія здѣсь быстро распространилось религіозное вольнодумство; отрицаніе, кощунство сдѣлалось модным направленіемъ въ самыхъ высшихъ аристократическихъ кружкахъ, и этимъ направленіемъ увлекались многіе итальянскіе духовные, монахи, кардиналы, даже папы. Потомъ такое же направленіе стало распространяться и въ Германіи, подъ болѣе серіозною, но всетаки непріязненно сложившеюся по отношенію къ вѣрѣ, формою критически—научнаго отношенія къ религіознымъ пред-

метамъ (*). Вольнодумство и критическое отношеніе къ предметамъ вѣры не ограничивалось ученными кружками и высшими классами общества, но начинало проникать и въ народныя массы. Множество сатиръ, памфлетовъ, каррикатуръ, публичныхъ представленій, въ которыхъ изображались невѣжество, безнравственность и корыстолюбіе монашества и духовенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто неосторожно затрогивались и самые серьёзные предметы вѣры,—растлѣвали въ народѣ религіозное чувство и подрывали уваженіе къ вѣрѣ и церкви (**).

(*) Славнѣйшими представителями германской науки были въ то время Эразмъ роттердамскій и Рейхлинъ. Оба они много сдѣлали для серьезнаго изученія богословія главнымъ образомъ тѣмъ, что возбудили вниманіе богослововъ къ изученію подлиннаго греческаго и еврейскаго текста священнаго писанія, но оба же много и вредили церкви—первый своими ѣдкими и открытыми нападками на схоластику, монашество и духовенство западное; а послѣдній своимъ соблазнительнымъ споромъ съ монахами и богословами кельнскими изъ за гоненія противъ еврейскихъ книгъ, споромъ, оскандализировавшимъ кельнскихъ богослововъ—предъ всею Германіею.

(**) Замѣчательнѣйшими изъ подобныхъ произведеній были сатиры ученаго Эразма и рыцаря революціонера Гуттена, такъ называемыя „письма темныхъ людей (epistolae obscurorum virorum“), неизвѣстно кѣмъ составленныя во время спора Рейхлинова съ кельнскими богословами, „Дурацкій корабль“ Себастьяна Брандта и др. Всѣ эти сочиненія переводились на разныя языки и распространялись во множествѣ экземпляровъ; много также растлѣвалось религіозное чувство

Люди съ теплою душою и благочестивымъ религіознымъ настроеніемъ или искали удовлетворенія своимъ стремленіямъ гдѣ либо внѣ церкви, или пламенно ожидали обновленія жизни церковной. Въ противоположность сухому схоластическому богословію, разлагающему всякую живую религіозную идею на отвлеченныя логическія формулы, и въ противоположность внѣшнимъ требованіямъ церковной дисциплины, машинально опредѣляющимъ каждый шагъ религіозной жизни, сильно развивалось мистическое направленіе, стремящееся къ внутренному духовному служенію и таинственному общенію съ Богомъ. Сочиненія писателей мистическаго направленія (Эккарта, Таулера Сузо, Рюисброка, и въ особенности Ѳомы Кемпійскаго) (*) хотя и весьма назидательныя и не противорѣчащія прямо догматамъ католицизма, тѣмъ не менѣе, однакожъ,

---

разными католически-религіозными представленіями въ родѣ праздника дураковъ, праздника ословъ, святочныхъ представленій и т. п., разрѣшаемыми и поощряемыми католическою церковью.

(*) Сочиненія поименованныхъ нами мистическихъ писателей до нынѣ пользуются большою славою на западѣ, какъ самыя назидательныя народныя книги; они имѣли множество изданій. Особенно извѣстна книга Ѳомы Кемпійскаго „о подражаніи Христу“, переведенная на всѣ европейскіе и нѣкоторые не европейскіе языки, имѣвшая до настоящаго времени 3000 изданій (послѣ библіи, говорятъ, самая распространенная книга въ свѣтѣ). Она много разъ переводима была и на русскій языкъ.

пропикнутыя совершенно особеннымъ духомъ, представлявшія народу совсѣмъ иной идеалъ христіанства, нежели какой представляла ему католическая церковь, имѣли въ народѣ гораздо болѣе вліянія, нежели писанія оффиціально признанныхъ авторитетныхъ церковныхъ учителей, въ родѣ Ѳомы Аквината и подобныхъ. Въ народѣ распространялось множество свободныхъ мистическихъ обществъ, живущихъ по своеобразнымъ оффиціально непризнаннымъ церковію уставамъ, и не рѣдко расходящихся съ церковью въ самыхъ догматическихъ воззрѣніяхъ своихъ. Эти свободныя общества, *Братство общаго житья* (весьма замѣчательное братство, много способствовавшее распространенію народнаго образованія въ Германіи), *общество друзей Божіихъ*, *братьевъ и сестеръ свободнаго духа*, *Бегардовъ и Бегуиновъ*, даже самыя странныя изъ нихъ, какъ *общество флагеллянтовъ или бичующихся*, *плясуновъ св. Вита* и т. п. возбуждали въ народѣ гораздо болѣе сочувствія и уваженія, нежели оффиціально признанныя церковью братства различныхъ монашескихъ орденовъ.

Въ средѣ самыхъ оффиціальныхъ служителей Церкви—монаховъ и богослововъ, появлялись личности, требовавшія радикальнаго преобразованія Церкви. Въ Италіи, въ концѣ XV вѣка, явился пламенный обличитель безнравственности духовенства и общества, доминиканскій монахъ Іеронимъ Саванорола. Своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ,

рѣзкими обличеніями, строгостью жизни, истинными или мнимыми предсказаніями, онъ привлекъ къ себѣ народныя массы, и успѣлъ было уже положить начало религіозной и политической реформѣ, образовавъ во Флоренціи строгую теократическую республику. Но крайняя строгость его требованій скоро стала тяжела для легкомысленныхъ и изнѣженныхъ итальянцевъ, и Саванорола, осужденный папою Александромъ VI, былъ сожженъ на кострѣ, какъ еретикъ, обманщикъ и возмутитель народа (1498 г.). Въ Германіи также реформаторскія идеи распространялись въ университетахъ и монастырихъ. Въ сочиненіяхъ германскихъ богослововъ конца XV столѣтія, Пупнера, Весселя и Везеля, развивались уже тѣ самыя мысли о значеніи папскаго и вообще церковнаго авторитета, о священномъ писаніи и священномъ преданіи, о предопредѣленіи и благодати, объ оправданіи человѣка, о чистилищѣ и индульгенціяхъ, о почитаніи святыхъ, иконъ и мощей, о монашествѣ, постахъ и другихъ внѣшнихъ обѣтахъ и дѣлахъ благочестія, какія, впослѣдствіи, сдѣлались основаніемъ протестантскаго богословія.

Таково было состояніе западной церкви въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Вся жизнь церковная находилась въ разложеніи и броженіи. Вездѣ скоплялось множество оппозиціонныхъ силъ противъ папства. Нуженъ былъ какой нибудь внѣшній поводъ къ тому, чтобы силы эти выступили наружу, и въ церкви вспыхнула сильнѣйшая рево-

люція. Этотъ поводъ данъ былъ при Львѣ X усиленною и наглою продажею индульгенцій католическими монахами въ Германіи въ 1517 г. Лютеръ въ Германіи и Цвинглій въ Швейцаріи подали знакъ къ возстанію противъ католической Церкви, и это возстаніе въ короткое время поднялось во всѣхъ странахъ западной Европы, съ особенною силою въ сѣверо-западныхъ германскихъ племенахъ и отторгло отъ римско-католической Церкви почти цѣлую половину ея членовъ.

VI.

папство послѣ реформаціи—въ XVI и XVII вѣкахъ. іезуиты, тридентскій соборъ. галликанская церковь. янсенисты.

Сильное реформаціонное движеніе, открывшееся въ западной Церкви въ началѣ XVI столѣтія, и отторгнувшее отъ нея почти цѣлую половину ея членовъ, заставило представителей церкви обратить серьёзное вниманіе на ея положеніе, и принять дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы удержать подъ своимъ вліяніемъ еще оставшіяся вѣрными ему европейскія племена и государства, а если возможно возстановить свою власть и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже утвердилась реформація. Кромѣ мѣръ внѣшнихъ—репрессивныхъ, усиленія инкви-

зиціи, строгаго надзора за распространяющеюся повсюду свободою мыслей, политическихъ интригъ и заключенія союзовъ противъ протестантскаго движенія, нужно было принять для этого и какія нибудь положительныя мѣры, позаботиться о внутреннемъ обновленіи Церкви и исправленіи злоупотребленій. Нѣкоторыя стремленія къ внутреннему преобразованію, хотя и вынужденныя силою и не очень твердыя и искреннія, замѣчаются въ римско-католической церкви съ XVI вѣка. На престолѣ папскомъ являются большею частью личности строгой нравственности, вмѣстѣ съ тѣмъ большею частію и черезчуръ строгихъ воззрѣній—фанатики, озлобленные противъ современнаго порядка вещей и всякихъ проявленій умственной и общественной свободы. Но никакими усиліями папы уже не могли возвратить себѣ своего прежняго значенія. Самые даровитые и энергичные изъ папъ послѣ реформаціи, каковы напр. были въ концѣ XVI вѣка — Павелъ III, Григорій XIII (*) и въ особенности Сикстъ V (изъ бѣднаго пастушескаго состоянія необыкновеннымъ умомъ и хитростью

(*) Этотъ папа особено замѣчателенъ своею ревностію къ распространенію Римскаго вліянія на востокѣ и введеніемъ новаго, такъ называемаго Григоріанскаго Календаря. Впрочемъ этотъ календарь былъ принятъ только въ католическихъ странахъ. Протестантскіе народы стали принимать его уже въ XVIII столѣтіи, а православные восточные доселѣ не принимаютъ.

достиженій папскаго престола) уже не смѣли мечтать о томъ, къ чему стремились Григорій VII и Иннокентій III, и заботились только о томъ, чтобы сохранить нравственное вліяніе надъ народами и правительствами Европы, и получше укрѣпить за собою и устроить свою церковную область. Въ низшемъ духовенствѣ католической церкви также замѣтна была перемѣна къ лучшему. Приходское духовенство стало болѣе внимательно къ нуждамъ своей паствы. Монахи прежнихъ орденовъ сдѣлались болѣе осторожны въ своемъ поведеніи. Открытіе новыхъ орденовъ ограничено болѣе строгими постановленіями. Новые ордена, открывавшіеся послѣ реформаціи (Театинцы, Барнабиты, Капуцины, Лазаристы) большею частію посвящали свою дѣятельность на служеніе непросвѣщенному и страждущему человѣчеству.

Ни одинъ изъ западныхъ монашескихъ орденовъ не имѣлъ такого значенія и не оказалъ папству такихъ услугъ, какъ орденъ іезуитовъ, основанный искалеченнымъ испанскимъ рыцаремъ фанатикомъ Игнатіемъ Лойоло, и утвержденный папою Павломъ III въ 1540 г. Орденъ этотъ посвятилъ себя на безграничное повиновеніе папѣ и преданность интересамъ Римской Церкви. Папа указалъ его усердію современную цѣль въ противодѣйствіи протестантскому либерализму и распространеніи колебавшагося вліянія Римской Церкви. Іезуиты предались на служеніе этой цѣли съ такою ревностію, что скоро превзошли въ забо-

тахъ о славѣ и пользѣ Римской Церкви самихъ папъ. Искусно устроивъ самое воспитаніе своихъ адептовъ такъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ совершенно замеръ живой человѣкъ съ свободною мыслью, волею и чувствами, и оставался только іезуитъ всѣмъ существомъ своимъ преданный цѣлямъ ордена,—связавъ всѣхъ членовъ общества безусловнымъ повиновеніемъ и строжайшимъ взаимнымъ контролемъ, раскинувъ сѣти своего общества по всѣмъ концамъ міра, допустивъ въ своемъ уставѣ большую свободу во внѣшнихъ правилахъ монашеской жизни — въ одеждѣ, религіозныхъ упражненіяхъ, образѣ жизни, испросивъ себѣ право имѣть не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, явныхъ и тайныхъ (никому, кромѣ верховнаго генерала ордена, невѣдомыхъ) членовъ, и наконецъ положивъ себѣ правиломъ употреблять всякія (хотя бы и самыя безнравственныя) средства для достиженія своихъ цѣлей,—іезуиты скоро явились страшною силою, охватившею христіанскій міръ, видимо и невидимо распространяющею вездѣ вліяніе папства, а иногда въ случаѣ разногласія опасною и для самаго папства. Одни изъ нихъ заняли высокія мѣста при дворахъ европейскихъ въ качествѣ духовниковъ государей, и искусно направляли политику государствъ въ пользу Римской Церкви и своего ордена. Другіе подчиняли своему вліянію и развращали совѣсть народа чрезъ исповѣдь, пріобрѣтши себѣ славу, какъ самые искуснѣйшіе духовники, отлич-

но умѣвшіе приноровляться къ настроеніямъ и вкусамъ кающихся, и отличающіеся легкими, снисходительными воззрѣніями на строгость нравственныхъ христіанскихъ требованій. Третьи старались захватить въ свои руки воспитаніе молодаго поколѣнія, привлекая преимущественно дѣтей знатныхъ и богатыхъ родителей въ свои школы, славившіяся отличнымъ внѣшнимъ устройствомъ, но систематически направленныя къ подавленію свободной мысли и развитію фанатизма или лицемѣрнаго благочестія въ молодыхъ поколѣніяхъ. Иные пустились въ торговлю, и имѣя многочисленныхъ агентовъ, въ разсѣянныхъ по всему свѣту членахъ братства, пріумножали матеріальную силу ордена. Дѣйствуя такимъ образомъ, гдѣ нравственнымъ вліяніемъ, гдѣ интригами, гдѣ подкупомъ, гдѣ строгими инквизиціонными мѣрами, іезуиты успѣли въ иныхъ странахъ остановить развитіе протестантизма, а въ другихъ совсѣмъ почти искоренить его, и удержать за католическою Церковью почти полное владычество между юго-западными романскими племенами, и значительную силу въ сѣверо-западныхъ германскихъ племенахъ. Утверждая власть папскую въ Европѣ, іезуиты старались распространить ея владѣнія и внѣ Европы. Рѣшительные и самоотверженные миссіонеры ихъ общества (Ксаверій, Риччи) пронесли христіанскую проповѣдь въ Индію, Китай и Японію, въ страны внутренней Африки и Америки, гдѣ они основали даже цѣлое, подчиненное

ордену государство—Парагвай. Впрочемъ и въ своихъ миссіонерскихъ подвигахъ они не столько старались о распространеніи чистой евангельской истины, сколько о томъ, чтобы подчинять своему вліянію непросвященныя племена. Въ проповѣдываніи чистой христіанской истины они бывали иногда такъ снисходительны и либеральны, что позволяли себѣ приправлять высокія христіанскія понятія къ самымъ грубымъ суевѣріямъ язычниковъ. (*).

Вышедши изъ первой борьбы съ протестантствомъ хотя не безъ большихъ потерь, но все еще увѣренное въ своемъ долговѣчномъ существованіи и господствѣ, папство, для избѣжанія большихъ потрясеній, на будущее время должно было позаботиться о томъ, чтобы получше укрѣпить и исправить внутренній строй своей Церкви. Уже вскорѣ послѣ начала протестантскихъ движеній въ Германіи, въ самомъ Римѣ, въ средѣ самаго высшаго духовенства, образовалась партія, поставлявшая своею задачею составить планъ внутренней реформы католицизма.—Свѣтскіе государи и князья,

---

(*) Для большаго успѣха въ распространеніи римско-католической вѣры между язычниками, и также между христіанами другихъ исповѣданій (особенно Восточными) было основано въ Римѣ (1622 г.) папою Григоріемъ XV особенное учрежденіе congregatio propagandae fidei, въ которомъ изучались всѣ извѣстные языки, и множество молодыхъ людей готовилось къ миссіонерскимъ подвигамъ.

оставшіеся вѣрными католицизму, также требовали отъ папъ созванія вселенскаго собора для преобразованія Церкви. Въ уваженіе этихъ требованій папа Павелъ III открылъ соборъ въ Тріентѣ въ 1545 г. Но изъ опасенія, какъ бы соборъ не поддался здѣсь вліянію нѣмецкой, враждебной интересамъ папства, партіи, папа, подъ предлогомъ распространенія моровой язвы, въ 1547 г. перевелъ его, подъ свой ближайшій надзоръ, въ Болонью, и тамъ совсѣмъ закрылъ (1549 г.). Въ другой разъ, по настоянію свѣтскихъ государей, соборъ открылся въ Тріентѣ при папѣ Юліѣ III въ 1551 г., но скоро опять долженъ былъ закрыться вслѣдствіе военныхъ безпокойствъ въ Германіи. Наконецъ по временномъ прекращеніи междоусобій въ Германіи Аугсбургскимъ религіознымъ миромъ, соборъ открылся въ третій разъ при папѣ Піѣ IV въ январѣ 1562 г., и продолжался до конца 1563 г. На соборъ этотъ (состоявшій въ послѣднихъ полныхъ своихъ собраніяхъ изъ 255 человѣкъ), на которомъ были представители различныхъ національныхъ церквей, возлагались католиками большія надежды; надѣялись, что соборъ совершитъ радикальную реформу Церкви, въ духѣ современныхъ общественныхъ требованій, и своими разумными и либеральными уступками привлечетъ даже опять въ Церковь самыхъ протестантовъ. И на самомъ дѣлѣ неоднократно приглашались на соборъ, для общихъ совѣщаній о дѣлахъ вѣры, и протестантскіе богословы; многіе

французскіе и нѣмецкіе епископы предлагали существенныя реформы (напр. возстановленіе причащенія подъ обоими видами, уничтоженіе безбрачія священниковъ и коренное преобразованіе духовенства, введеніе народнаго языка въ богослуженіе); въ нѣкоторыхъ членахъ собора обнаруживалась даже склонность къ протестантскому либерализму. Но большинство членовъ собора составляли итальянскіе епископы, консерваторы по убѣжденіямъ или по личнымъ интересамъ. По этому консервативная партія одержала верхъ. Ограничившись незначительнымъ исправленіемъ злоупотребленій іерархическихъ, соборъ въ важнѣйшихъ вопросахъ Церковныхъ только укрѣпилъ, возвелъ въ догматъ и оградилъ анаѳемою большую часть средневѣковыхъ нововведеній и заблужденій католицизма. Такъ напр. ученія о главенствѣ папы, о чистилищѣ, объ индульгенціяхъ (въ нѣсколько смягченномъ видѣ) были возведены здѣсь на степень божественныхъ догматовъ. Безбрачіе духовенства, причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ, отмѣна причащенія младенцевъ также утверждены для употребленія Церковнаго на будущія времена. Въ богослуженіи народный языкъ употреблять непозволено. Библію также подтверждено читать не только на латинскомъ языкѣ, но и непремѣнно по извѣстному латинскому переводу (Вульгатѣ), который объявленъ каноническимъ и богодухновеннымъ. Въ перечисленіи библейскихъ книгъ

ветхаго завѣта книги не каноническія смѣшаны съ каноническими и т. д. Опредѣленія Тридентскаго собора положено было считать непзмѣннымъ выраженіемъ вѣрованій церковныхъ на всѣ будущія времена. И послѣ Тридентскаго собора до послѣдняго папы Пія IX католическая Церковь уже не созывала большихъ соборовъ, и опредѣленія Тридентскаго собора считались въ ней главными и непзмѣнными основаніями вѣрованія церковнаго. Впрочемъ не всѣ католическія страны безусловно подчинились опредѣленіямъ Тридентскаго собора. Они приняты были вполнѣ только въ большей части католическихъ владѣній Италіи и Германіи, въ Португаліи и Польшѣ. Въ Испаніи же, Бельгіи и особенно во Франціи они вызвали много протестовъ, и приняты были съ большими ограниченіями.

Не смотря на всѣ усилія папства возстановить свое прежнее вліяніе въ Европѣ, самый ходъ развитія европейскихъ народовъ, все болѣе и болѣе высвобождавшагося изъ подъ вліянія Церкви, постепенно ослаблялъ папское вліяніе въ самыхъ католическихъ странахъ. Уже въ XVII столѣтіи, въ самыхъ католическихъ государствахъ Европы стало высказываться стремленіе ограничить папское вліяніе не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, и дать большее развитіе самостоятельности мѣстныхъ Церквей. Почти во всѣхъ государствахъ Европы, усвояемыя папами права

верховнаго главенства и контроля надъ помѣстными церквами, были ограничены такъ называемыми конкордатами, т. е. государственными договорами, по которымъ папской власти на столько давалось вліянія въ извѣстной странѣ, на сколько это допускала государственная власть. Во Франціи, въ концѣ XIV столѣтія король Людовикъ XIV, католикъ въ иныхъ случаяхъ весьма ревностный, но желавшій держать себя самостоятельно по отношенію къ папѣ, приказалъ мѣстнымъ епископамъ своей страны собраться на соборъ въ Парижъ (1682 г.), и на немъ опредѣлить отношенія галликанской церкви къ папѣ. Епископы выразили эти отношенія въ четырехъ такъ называемыхъ предложеніяхъ галликанскаго клира: 1) власть папская имѣетъ отношеніе только къ духовнымъ, но не къ свѣтскимъ дѣламъ; 2) самая духовная власть папы, по смыслу опредѣленій костницкаго собора должна подчиняться высшему авторитету вселенскихъ соборовъ; 3) во франціи собственно власть папская ограничивается древними правами мѣстной галликанской церкви; 4) мнѣнія папы только въ такомъ случаѣ можно считать непогрѣшимыми, когда они служатъ выраженіемъ вѣрованій всей церкви. Папы (Иннокентій XI, Иннокентій XII и ихъ преемники) горячо возстали противъ этихъ предложеній, и ни за что не хотѣли утвердить ихъ. Но и французскіе богословы, во главѣ которыхъ стоялъ умный и краснорѣчивый

епископъ Боссюетъ, также твердо отстаивали самостоятельность и права своей мѣстной церкви (*).

Около того же времени папская власть была сильно оскандализирована предъ общественымъ мнѣніемъ Франціи, въ спорахъ такъ называемыхъ янсенистовъ съ іезуитами. Въ 1635 году одинъ умный и благочестивый французскій епископъ Янссній, возмущенный тѣми безнравственными и вредными правилами жизни, какія внушали своимъ почитателямъ іезуиты—на исповѣди, въ школахъ и на каѳедрахъ (**) издалъ въ свѣтъ со-

(*) Въ реакцію этой теоріи умѣреннаго *Галликанскаго* католицизма, развитой Боссюэтомъ и другими французскими богословами, стала развиваться въ римской церкви другая крайне—строгая и ревностная къ интересамъ папства католическая теорія, имѣвшая своимъ главнымъ представителемъ іезуита богослова кардинала Беллярмина. Такъ какъ эта теорія находила себѣ приверженцевъ преимущественно между заальпійскими итальянскими епископами, то приверженцы ея и названы ультрамонтанами (загорцами). Партія ультрамонтанская сама не популярная въ католицизмѣ — слѣпо фанатическая, и до нынѣ, не смотря на всѣ неблагопріятныя для папства обстоятельства времени, продолжаетъ поддерживать то высокое понятіе о папской власти и тѣ непомѣрныя притязанія папства, какія могли имѣть значеніе только во времена Григорія VII и Иннокентія III.

(**) Іезуиты слишкомъ легко смотрѣли на нравственность; они напр. учили, что всякое безнравственное дѣло только тогда можетъ быть вмѣняемо человѣку въ грѣхъ, когда совершается съ полнымъ сознаніемъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ,—что человѣкъ можетъ давать ложную клятву, имѣя

чиненіе подъ названіемъ „Августинъ“, въ которомъ старался представить христіанскому обществу высшія правила нравственности, основанныя преимущественно на ученіи блаженнаго Августина. Сочиненіе это нашло себѣ много почитателей между лучшими французскими учеными (Паскаль, Арно, Николь, Кенель), и распространилось преимущественно въ одномъ изъ знатныхъ женскихъ монастырей близъ Парижа: Поръ-Роялѣ. Іезуиты замѣтили, что книга Янсенія была направлена противъ нихъ и выхлопотали у папы запрещеніе на нее. Папа, самъ не читавшій книги, сгоряча по доносу іезуитовъ, осудилъ въ ней такія положенія, какихъ тамъ совсѣмъ не было. Іезуиты стали было увѣрять, что эти положенія непремѣнно должны быть въ книгѣ Янсенія, потому что ихъ нашелъ тамъ самъ папа, кототорый не можетъ

при этомъ на умѣ какую нибудь оговорку относительно того, въ чемъ клянется: (*мысленная оговорка*), что въ случаѣ какого нибудь затруднительнаго и сложнаго нравственнаго вопроса всякій можетъ избирать себѣ такое рѣшеніе его, какое ему покажется *приблизительно вѣрнымъ* (*пробабилизмъ*). Наконецъ іезуиты въ теоріи и на практикѣ проводили безнравственное начало, что добрая цѣль оправдываетъ и освящаетъ всякія недобрыя средства. Поэтому, согласно съ смысломъ ихъ ученія, самыя тяжкія преступленія,—ложь, обманъ, грабительство, тайное убійство, заговоръ, возмущенія, цареубійство—могли считаться невинными, если совершились на пользу церкви — для славы Божіей (ad majorem Dei gloriam)

ошибаться, даже ни въ какомъ частномъ случаѣ. Но такою защитою они только болѣе осрамили папу и самихъ себя. Геніальный Паскаль въ своихъ „*провинціальныхъ письмахъ*“ и другіе приверженцы янсенизма въ запальчивомъ спорѣ съ іезуитами безпощадно разоблачили ихъ безнравственныя и вредныя правила и тенденціи, и тѣмъ не мало способствовали посрамленію іезуитизма и самаго папства.

VII.

ПАПСТВО ВЪ XVIII И XIX ВѢКАХЪ.

Въ XVIII вѣкѣ во всей западной Европѣ сталъ распространяться духъ вольномыслія враждебнаго церкви. Духъ этотъ сказывался какъ въ настроеніи общественнаго мнѣнія, такъ и въ самыхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Папство особенно раздражало этотъ духъ своею нетерпимостью и ретроградными стремленіями, и потому особено много потерпѣло отъ него.

Прежде всего непріязненное настроеніе общественнаго мнѣнія выразилось противъ іезуитовъ. Ихъ безнравственныя правила и вредное вліяніе на народъ, ихъ вмѣшательство во всевозможныя интриги, заговоры, соблазнительные процессы, огромныя богатства, пріобрѣтаемыя нерѣдко темными путями, постоянныя противодѣйствія всякимъ жи-

вымъ свободнымъ стремленіемъ правительствъ и обществъ — возбудили противъ нихъ всеобщую ненависть. Самыя правительства Европы признали нужнымъ уничтожить этотъ орденъ. Первый примѣръ на это подалъ либеральный португальскій министръ Помбаль, озлобленный противъ іезуитовъ постояннымъ противодѣйствіемъ ихъ реформаторскимъ планамъ его. Интригамъ іезуитовъ приписано было возмущеніе, произведенное въ Парагваѣ и покушеніе на жизнь короля Іосифа Еммануила; на этомъ основаніи 1759 г. изданъ былъ указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Португаліи. Папа Климентъ XIII издалъ буллу въ защиту іезуитовъ; но Португальскій министръ запретилъ обнародовать буллу, прервалъ всякія сношенія съ Римскимъ дворомъ, выслалъ папскаго нунція за границу, и за тѣмъ приказалъ посадить всѣхъ находившихся въ Португаліи іезуитовъ на суда и переправить къ папѣ въ Италію. Примѣру португальскаго послѣдовали и другія правительства: французскій король соглашался оставить іезуитовъ въ своей странѣ подъ условіемъ преобразованія ордена. Но гордый генералъ іезуитовъ Риччи отвѣчалъ: „пусть они остаются, каковы теперь, или пусть ихъ вовсе не будетъ (Sint, ut sunt, aut non sint). По этому и изъ Франціи ихъ изгнали въ 1764 г. Также изъ Испаніи, Неаполя, Пармы. Наконецъ новый папа Климентъ XIV (Ганганелли), избранный враждебною іезуитамъ партіею въ 1773 году издалъ буллу о совершенномъ уни-

чтоженіи іезуитскаго ордена, состоявшаго тогда оффиціально изъ 22000 человѣкъ (послѣ этого не прошло года и папа былъ отравленъ). Съ тѣхъ поръ іезуиты оффиціально перестали существовать во всѣхъ католическихъ государствахъ Европы, хотя тайно продолжали существовать и вести свои интриги; только въ схизматическихъ государствахъ либеральнаго Фридриха II прусскаго и императрицы русской Екатерины II имъ позволено было существовать законнымъ образомъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія противъ папства возбуждено было сильное движеніе въ Германіи. Старѣйшія архіепископы Германіи стали заявлять стремленія къ освобожденію своей національной церкви отъ римскаго вліянія. Въ этомъ смыслѣ постановлены были новыя основанія для управленія національною германскою церковью на духовномъ конгрессѣ въ Эмсѣ въ 1786 году. Постановленія эти не могли быть приведены въ дѣйствіе, потому что много еще оказалось въ католической Германіи епископовъ, приверженныхъ къ папской власти; тѣмъ не менѣе заявленное стремленіе къ независимости не осталось безъ результатовъ для католической Германіи. Болѣе сильный ударъ нанесъ папству Австрійскій императоръ Іосифъ II-й. Широкія преобразованія, предпринятыя имъ въ имперіи, коснулись и церкви. Онъ далъ въ своихъ владѣніяхъ протестантамъ полную свободу и равныя права съ католиками, закрылъ въ Австріи около 700 монастырей съ 30000 монашест-

вующихъ, обративъ имущества ихъ на учебныя заведенія, ограничилъ сношенія своей національной церкви съ римскимъ дворомъ, приказалъ ввести нѣмецкіе гимны въ Богослуженіе церковное, и заботился о распространеніи въ народѣ чтенія библіи на нѣмецкомъ языкѣ. Папа Пій VI горячо протестовалъ противъ этихъ реформъ,—рѣшился даже самъ предпринять путешествіе въ Вѣну, въ 1782 году (случай доселѣ небывалый), чтобы отклонить императора отъ его замысловъ. Императоръ сдѣлалъ папѣ великолѣпный пріемъ, но и личное вліяніе папы нисколько не измѣнило его плановъ церковной реформы. Реформы Іосифа II и братъ его Леопольдъ герцогъ Тосканскій примѣнилъ къ церквамъ своихъ владѣній.

Еще болѣе тяжкій ударъ нанесенъ былъ папству и вообще церкви во Франціи. Революція, низпровергшая государственный порядокъ Франціи, поколебала и національную церковь. Во Франціи объявлена была полнѣйшая свобода совѣсти, монастыри закрыты, имущества церковныя обращены на государственныя потребности, духовные, не хотѣвшіе присягнуть законамъ республики, лишены своихъ мѣстъ. Была даже сдѣлана попытка совсѣмъ ниспровергнуть христіанство, и замѣнить его такъ называемой религіей разума. Въ 1798 году французскія войска завладѣли Италіей, и объявили въ Римѣ республику. Папа Пій VI былъ взятъ въ плѣнъ и въ униженіи умеръ во Франціи въ 1799 г.

Наполеонъ I-й, сдѣлавшись первымъ консуломъ

республики, и потомъ императоромъ Франціи, возстановилъ прежній порядокъ церковный и права папы, впрочемъ съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы отобранныя имущества церковныя оставались собственностью государства, а духовенство содержалось на жалованье отъ правительства, чтобы выборъ епископовъ зависѣлъ отъ правительства, и ни одна булла папская не была объявляема во Франціи безъ позволенія государственной власти. Папа Пій VII не хотѣлъ согласиться на эти требованія. Тогда Наполеонъ вторично завладѣлъ Римомъ, объявилъ, что онъ отнимаетъ у папъ подарокъ, данный имъ его предшественникомъ Карломъ Великимъ (т. е. свѣтскую власть папы въ Италіи) и переселилъ Пія VII въ почетное заточеніе въ Фонтенбло (1809 г.), назначивъ ему на содержаніе два милліона франковъ. Тщетно папа протестовалъ противъ насилія, и думалъ устрашить императора проклятіями. Онъ оставался въ въ своемъ заточеніи до низверженія Наполеона, и тогда уже освобожденный союзными войсками, торжественно возвратился въ Римъ, какъ исповѣдникъ, страдавшій за права церкви, въ Маѣ 1814 г.

Страшное потрясеніе, произведенное въ Европѣ французскою революціею и войнами Наполеона I, вызвало за собою по низверженіи Наполеона реакцію въ пользу возстановленія и охраненія старыхъ церковныхъ и политическихъ порядковъ (реставрація). Для папъ и католической церкви было весьма благопріятно такое направленіе вре-

мени; — реакція высказалась даже во многихъ протестантскихъ странахъ сильнымъ тяготѣніемъ къ католицизму. Но папы не научились понимать потребности и настроенія времени; они такъ далеко вдались въ реакцію, что скоро опять всюду возстановили противъ себя общественное мнѣніе. Обязанный возстановленіемъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ правъ чужеземнымъ, и при томъ не принадлежащимъ къ католической церкви, государямъ, папа Пій VII началъ протестовать противъ дѣйствій этихъ государей на Вѣнскомъ конгрессѣ, между прочимъ напр. за то, что они уничтожили духовныя курфиршества въ Германіи. Затѣмъ первымъ долгомъ папы было возстановленіе ордена іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ, упадшихъ въ послѣднее время. Напуганные крайними проявленіями свободомыслія, правительства и народы Европы на первыхъ порахъ съ готовностью приняли іезуитовъ, какъ самую надежную стражу противъ всякаго свободомыслія. Но іезуиты скоро своею чрезмѣрною ревностью въ этомъ направленіи своими ретроградными и своекорыстными стремленіями, своимъ вмѣшательствомъ во всѣ некасающіяся ихъ дѣла, опять возбудили противъ себя всеобщую непріязнь, и ихъ опять стали выгонять то изъ той, то изъ другой страны. Само папство со времени возстановленія своего и до послѣднихъ дней не переставало итти путемъ крайней реакціи, непрестанно враждуя со всѣми живыми и свободными, даже самыми благонамѣренными и къ

интересамъ церкви направленными стремленіями. Такъ въ Германіи въ тридцатыхъ годахъ папство воздвигло преслѣдованія противъ ученаго направленія Боннскаго профессора Гермеса, за то, что онъ хотѣлъ Богословію католическому дать научную форму, догматы вѣры прояснить и утвердить разумными доказательствами, и въ то же время во Франціи папство подвергло запрещенію сочиненія благочестиваго аббата Ботэня, проповѣдывавшаго, что вѣра не нуждается въ доказательствахъ разума, а должна основываться на чувствѣ. Такъ во все продолженіе 19-го вѣка папы не переставали враждовать противъ переводовъ библіи на разные языки, противъ библейскихъ обществъ, противъ стремленій ко взаимному сближенію, обнаруживающихся среди различныхъ христіанскихъ обществъ. Этимъ систематическимъ обскурантизмомъ и ретроградствомъ папство успѣло оттолкнуть отъ себя многихъ самыхъ искреннихъ и ревностныхъ приверженцевъ католицизма. Такъ во Франціи въ 40-хъ годахъ даровитый и энергическій аббатъ Ламэнне, бывшій прежде ревностнымъ поборникомъ папскаго авторитета, послѣ многократно-заявленныхъ имъ и отвергнутыхъ папствомъ представленій о необходимости преобразованія Церкви, сдѣлался самымъ крайнимъ соціалистомъ и злѣйшимъ противникомъ Церкви. Во всѣхъ католическихъ государствахъ Европы въ XIX вѣкѣ продолжаютъ высказываться отъ времени до времени стремленія къ освобожденію отъ верховнаго

папскаго авторитета. Въ строго-католической Испаніи изувѣрство и фанатизмъ католическихъ монаховъ неоднократно вызывали противъ себя взрывы народной оппозиціи, угрожавшіе неистовствами французской революціи. Во Франціи аббатъ Шатель (1842 г.) положилъ начало независимой отъ папы либеральной Ново-католической общинѣ. Въ Германіи подобныя же общины основали въ 1844 году священники Іоаннъ Ронжъ въ Силезіи и Іоаннъ Черскій въ Познани. Между низшимъ католическимъ духовенствомъ всѣхъ странъ Европы болѣе и болѣе распространяются мысли объ уничтоженіи безбрачія лицъ духовныхъ, и основаніи самостоятельной католической Церкви, независимой отъ папы подъ верховнымъ управленіемъ соборовъ.

Наконецъ самую опасную враждебную силу папство создало себѣ въ Италіи. Здѣсь въ XIX вѣкѣ съ особенною силою пробудилось стремленіе къ національной независимости и политическому объединенію. Папство конечно отнеслось враждебно къ этимъ стремленіямъ, и этимъ вооружило противъ себя Итальянцевъ. Вражда политическая отражается на религіозномъ состояніи Италіи распространеніемъ невѣрія, или склонностью многихъ къ протестантству. Крайне-несовременнымъ, безпорядочнымъ и тяжелымъ управленіемъ церковной области, папство воспитало противъ себя сильную непріязнь въ своихъ ближайшихъ подданныхъ. Эта непріязнь достигла уже крайней степени въ 40-хъ

годахъ при строгомъ папѣ Григоріѣ XVI (1831—1846 г.).

Вступленіе на престолъ новаго папы Пія IX (это 259-й папа по римскому счету), извѣстнаго прежде либерала и патріота, пробудило большія надежды въ патріотической итальянской партіи. Думали, что онъ станетъ въ главѣ національныхъ стремленій къ самостоятельности и объединенію Италіи. Папа популярно началъ свое правленіе всеобщею амнистіею — освобожденіемъ множества политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ римскіе казематы при его предшественникѣ. Но когда, по убѣжденію неблагонамѣренныхъ совѣтниковъ ультрамонтанской партіи, папа сталъ измѣнять свою политику, мѣсто прежней довѣренности заступила сильнѣйшая народная непріязнь. Въ ноябрѣ 1848 года папа отъ раздраженія народныхъ партій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Гаэту, и въ слѣдъ затѣмъ въ Римѣ провозглашена была республика. Чужеземные войска подавили революцію въ Италіи и папа получилъ возможность возвратиться въ Римъ въ апрѣлѣ 1850 года. Но положеніе его съ того времени остается весьма шаткимъ. До 1865 года папскій престолъ былъ охраняемъ чужеземными французскими и австрійскими войсками. Съ того времени папа находится подъ великодушнымъ покровительствомъ итальянскаго короля Виктора Еммануила, неоднократно предаваемаго имъ проклятію и самостоятельно устрояющаго не только государствен-

ный, но и церковный порядокъ Италіи, упраздняющаго монастыри, отбирающаго церковныя имущества безъ всякаго вниманія и уваженія къ папскимъ протестамъ и пресѣченіямъ.

Тѣмъ не менѣе папство и въ настоящее время старается выказать свою полную увѣренность въ неприкосновенности усвоенныхъ имъ въ средніе вѣка правъ и притязаній — устанавливаетъ новые догматы (о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы въ 1854 году), совершаетъ торжественныя канонизаціи святыхъ, открываетъ въ Римѣ блестящіе юбилеи; созываетъ своею властію вселенскій соборъ, разсылаетъ грозныя энцикликн, въ которыхъ предаетъ анаѳемѣ весь современный порядокъ вещей; налагаетъ проклятія и отлученія на государей и т. д. А приверженцы папства ультрамонтаны стараются изъ всѣхъ силъ доказать непогрѣшимость духовной и даже свѣтской власти папъ.... Только мало уже теперь обращаютъ вниманія на эти несовременныя заявленія разваливающагося колосса.

Католическая церковь, и въ настоящее время, имѣетъ еще много жизненныхъ силъ, но онѣ не могутъ развиваться подъ покровомъ создавшейся въ средніе вѣка абсолютной монархіи папской. Ихъ естественный исходъ, ихъ спасеніе можетъ быть въ возвращеніи къ древнему устройству церковному и древнимъ вѣрованіямъ православія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ВѢРОУЧЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ

ЦЕРКВИ.

I.

Общая характеристика Римско-Католической вѣроисповѣдной системы. Какъ образовались и развились въ Римской Церкви различныя отступленія отъ древнихъ преданій, и въ какомъ положеніи находятся онѣ въ настоящее время?

До отдѣленія отъ Церкви Восточной, Западная Церковь была согласна съ Восточною въ ученіи вѣры, основныхъ началахъ церковнаго устройства и существенныхъ частяхъ христіанскаго богослуженія. Были нѣкоторыя разности въ обрядахъ церковныхъ, напр. въ постахъ, но эти разности были немногочисленны и не касались сущности вѣры. Частныя особенности церковнаго устройства, правъ и положенія духовенства, отношеній его къ народу разнообразились на Востокѣ и Западѣ, по мѣстнымъ условіямъ жизни народной и отношеній Церкви къ государству; но эти разности не нарушали основныхъ *каноническихъ* правилъ церковнаго благоустройства, установленныхъ древними соборами. Въ ученіи вѣры на Западѣ съ VI вѣка стало распространяться особенное

мнѣніе объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, но это мнѣніе до IX вѣка не было тамъ принято повсемѣстно, и не возводилось на степень общепризнаннаго и утвержденнаго всею западною Церковію догмата вѣры.

Со времени раздѣленія Церквей, съ IX и особенно съ XI вѣка, въ западной Церкви время отъ времени болѣе и болѣе стали распространяться противныя древнимъ преданіямъ нововведенія въ ученіи вѣры, церковномъ устройствѣ, и обрядахъ богослуженія. Главною причиною этому было самое несчастное раздѣленіе Церквей. Разорвавъ союзъ съ Восточною Церковью, Западная Церковь лишилась въ ней просвѣщенной руководительницы, которая могла бы во время останавливать и предостерегать ее отъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ ошибокъ и отступленій. Западная Церковь, какъ до отдѣленія отъ Восточной, такъ и послѣ отдѣленія не имѣла такихъ высоко-просвѣщенныхъ учителей церковныхъ, какихъ имѣла Восточная Церковь, ни вообще такаго твердаго богословскаго образованія, какое сохранялось въ греческой Церкви, даже въ средніе вѣка; по этому Западная Церковь, отдѣлившись отъ Восточной и ставши на путь самостоятельнаго богословствованія и устройства церковнаго, не могла твердо и правильно держаться на этомъ пути. Представители и руководители Западной Церкви — папы и духовенство латинское сами много способствовали распростра

ненію въ Церкви нововведеній и заблужденій,—иногда ненамѣренно, по невѣжеству, увлекались предразсудками народными, и возводили ихъ въ церковныя вѣрованія,—иногда намѣренно, по разсчетамъ властолюбія и корыстолюбія, распространяли въ народѣ фальшивыя понятія и неправильные обычаи,—иногда даже по упорству, что бы только не уступить Восточной Церкви, и тверже закрѣпить свое раздѣленіе съ нею, отстаивали свои прежнія и выдумывали новыя отступленія отъ древняго православія.

Средневѣковое западное схоластическое богословіе, возникшее изъ не совсѣмъ чистаго источника (оно образовалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ языческой Аристотелевской философіи, искаженной средневѣковыми арабскими учеными), не имѣло въ своихъ умствованіяхъ твердой опоры къ рѣшенію высшихъ вопросовъ вѣры,—ни хорошаго знанія священнаго писанія и исторіи Церкви, ни вообще хорошаго богословскаго смысла и добраго христіанскаго направленія, во всемъ полагалось главнымъ образомъ на пустую утонченную діалектику, въ иныхъ случаяхъ готово было сознательно подслуживаться интересамъ Римской іерархіи вопреки истинѣ По этому оно также способствовало не къ просвѣщенію и очищенію, а нерѣдко напротивъ къ затемненію религіозныхъ понятій и къ укрѣпленію заблужденій. Съ своимъ односторонним искуственнымъ діалектическимъ методомъ, съ своею невѣжественно—самоувѣренною привычкою

браться за рѣшеніе всевозможныхъ вопросовъ, безъ надлежащаго пониманія дѣла,—всякую простую истину затемнять хитрыми толкованіями, и самыя высокія непостижимыя тайны вѣры представлять въ грубо чувственномъ видѣ, схоластики сдѣлали много зла христіанству, извративъ въ западно христіанскомъ мірѣ правильное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Подъ вліяніемъ неправильнаго отношенія разума къ вѣрѣ, установившагося въ западной наукѣ, живыя религіозныя убѣжденія обратились въ предметъ пустыхъ умствованій и словопреній,—существенные религіозные вопросы смѣшались съ вопросами праздного любопытства —высочайшіе непостижимые предметы вѣры, на ряду съ обыкновенными человѣческими истинами, подчинены всѣмъ произвольнымъ операціямъ человѣческаго ума, который нерѣдко, ничего не понимая въ нихъ, тѣмъ не мѣнѣе обращается съ ними, какъ полновластный господинъ и судья—толкуетъ ихъ такъ или иначе, признаетъ, или отвергаетъ по своему усмотрѣнію. Такое отношеніе къ предметамъ вѣры,—въ средніе вѣка, пока умъ еще съ рабскою боязливостью и суевѣріемъ преклонялся предъ содержаніемъ вѣры, даже и въ то время, когда произвольно обращался съ ними, — было обильнымъ источникомъ темныхъ вымысловъ и суевѣрій, выдаваемыхъ за религіозную истину, когда же западная мысль ближе освоилась съ этимъ неправильно понятымъ ею содержаніемъ вѣры, — для

нея открылся здѣсь источникъ религіознаго отрицанія и невѣрія; вмѣстѣ съ фальшивыми и шаткими основаніями, на которыхъ средневѣковая схоластика пыталась утвердить великіе христіанскіе догматы; стали подрываться и самые эти догматы, на ряду съ вымыслами празднаго любопытства и суевѣріями, выдаваемыми схоластиками за религіозную истину, стали отвергаться и существеннѣйшія религіозныя истины.

Поставляя своею задачею всевозможными разсудочными соображеніями и доказательствами, подкрѣпить все, что принималось за вѣрованіе Церковное, схоласти не умѣли различать между существенными догматами вѣры, произвольными мнѣніями частныхъ лицъ и темными вымыслами суевѣрія и своекорыстія, между преданіями древняго вселенскаго православія и нововведеніями папства. И тѣ и другіе они старались соединить въ одну стройную цѣльную систему, и на тѣ и на другія пріискать какъ можно болѣе подтвержденій и доказательствъ. Тамъ, гдѣ не доставало доказательствъ сколько нибудь твердыхъ и правдивыхъ, выдумывались завѣдомо фальшивыя и выдавались за истинныя; для подкрѣпленія ученій новыхъ приводились свидѣтельства древнія въ искаженномъ видѣ, или такія, которыя совсѣмъ не принадлежали древности. Вырывались отрывками и перетолковывались совершенно произвольно мѣста изъ древнихъ писателей; искажались древніе манускрипты произвольными вставками и поправками;

выдумывались небывалые исторические факты; составлялись цѣлыя подложныя сочиненія и выдавались подъ именами извѣстныхъ учителей церковныхъ и т. д. Вслѣдствіе всего этого, западное схоластическое Богословіе среднихъ вѣковъ образовало въ себѣ такое смѣшеніе правильныхъ христіанскихъ понятій, произвольныхъ вымысловъ и темныхъ заблужденій, что человѣку, запутавшемуся въ немъ, рѣшительно не было возможности отличить и отдѣлить одно отъ другаго. Это было причиною того, что и протестантскіе Богословы XVI вѣка, поставлявшіе своею задачею преобразовать Западную Церковь и очистить схоластическое Богословіе отъ вымысловъ и заблужденій, не зная древняго преданія въ его чистомъ и цѣльномъ видѣ, при всей искренности и учености своей, такъ запутались въ своемъ предпріятіи, что многія существеннѣйшія истины христіанства и преданія древняго православія отвергли на ряду съ позднѣйшими фальшивыми вымыслами папства, а иныя нововведенія папства удержали за истинныя и священныя преданія древности христіанской.

Большая часть нововведеній, которыми католическая Церковь отличается отъ православной восточной, получили свое начало или развились въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ, т. е. во времена самаго глубокаго упадка просвѣщенія на западѣ, самаго крайняго развитія папскаго произвола и фальшивой схоластической науки. Понятно, что ученія и обряды, появившіеся въ это время, не могли

отличаться такою разумностью и правильностью, какъ тѣ, которые утвердились въ Церкви въ цвѣтущіе вѣка христіанскаго просвѣщенія, въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Въ темные средніе вѣка, самые грубые вымыслы, самыя вредныя суевѣрія могли получать церковное освященіе отъ католической іерархіи и научное оправданіе и развитіе въ схоластическомъ богословіи. Съ XVI вѣка, когда вліяніе папства начало слабѣть, мракъ невѣжества разсѣяваться, и въ средѣ самаго католицизма и схоластики начала зарождаться оппозиція противъ папской власти, злоупотребленій духовенства и суевѣрія народнаго, — развитіе новыхъ ученій и установленій въ Западной Церкви должно было остановиться; ревностные приверженцы католицизма въ XIV и XV вѣкахъ ограничивались только тѣмъ, что защищали уже укоренившіяся нововведенія и злоупотребленія, придавая имъ приличный смыслъ, приводя ихъ въ научную систему и очищая отъ слишкомъ грубыхъ крайностей. Протестантское движеніе XVI вѣка заставило представителей Западной Церкви серьезнѣе подумать объ очищеніи и исправленіи католическаго вѣроученія и церковнаго устройства. Съ этою цѣлію между прочимъ созванъ былъ Тридентскій соборъ. Но такъ какъ на этомъ соборѣ консервативная католическая партія одержала верхъ надъ приверженцами реформы, — то соборъ этотъ не только не искоренилъ средневѣковыхъ нововведеній католицизма, но еще болѣе закрѣпилъ ихъ. Почти всѣ

произвольныя нововведенія, допущенныя католическою Церковью въ средніе вѣка, только нѣсколько очищенные отъ грубыхъ крайностей, на Тридентскомъ соборѣ включены въ систему общеобязательныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, возведены на степень догматовъ, ограждены анаѳемою и завѣщаны для неизмѣннаго храненія католической Церкви на будущія времена. Съ этого времени католическое вѣроученіе и церковное устройство въ существенныхъ чертахъ остаются неизмѣнными въ томъ видѣ, въ какомъ они окончательно сформировались на Тридентскомъ соборѣ. Иногда папы дѣлаютъ нѣкоторыя перемѣны въ Церкви, внося что либо новое или уничтожая старое; богословы, іезупты и ультрамонтаны заявляютъ стремленіе возвратить католическую Церковь къ тѣмъ крайностямъ притязательности и произвола, какими она отличалась въ средніе вѣка. Съ другой стороны новѣйшія движенія наукъ, духъ времени, общественныя и государственныя условія и требованія новыхъ вѣковъ вынуждаютъ иногда католическую Церковь отступаться отъ иныхъ ея мнѣній и притязаній, допускать уступки и ограниченія своихъ принциповъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ своемъ строѣ и направленіи, католическая Церковь остается вѣрна Тридентскому собору и упорно держится утвержденныхъ и освященныхъ ею нововведеній, — хотя наиболѣе безпристрастные католическіе ученые время отъ времени болѣе и болѣе приходятъ къ

сознанію, что эти особенности католицизма не имѣютъ для себя основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ преданіяхъ древней христіанской Церкви, ни въ требованіяхъ здраваго христіанскаго смысла и разумно-направленнаго христіанскаго чувства.

II.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ, РАЗВИТІЕ ЭТОГО УЧЕНІЯ, ЕГО СМЫСЛЪ И ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Главное отличіе римско-католическаго вѣроученія отъ православнаго заключается въ догматѣ о папѣ, какъ видимой верховной и непогрѣшимой главѣ Церкви — Божіемъ намѣстникѣ на землѣ.

Догматъ этотъ составляетъ основаніе всей римско-католической вѣроисповѣдной системы и даетъ особенный характеръ всему устройству римской Церкви. Догматъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и главную преграду къ соединенію западной Церкви съ восточною. За него крѣпче всего держатся сами папы и римскіе богословы. Во всѣхъ другихъ своихъ мнѣніяхъ и требованіяхъ они готовы бываютъ иногда допускать всевозможныя послабленія и уступки. Но догматъ о власти папской признается ими за самую основу католицизма; посему догматъ этотъ и въ прежніе вѣка

былъ всегда главнымъ предметомъ полемики между восточною и западною Церквами, и въ настоящее время не потерялъ этого своего значенія и требуетъ особенно внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія со стороны всякаго православнаго изслѣдователя, занимающагося вопросомъ о римскомъ католицизмѣ.

Странность и нелѣпость этого догмата для здраваго христіанскаго разсужденія очевидна изъ самыхъ простыхъ соображеній. Для Церкви, имѣющей главою Самаго Христа (Ефес. V гл. 23 стр.), всегда пребывающаго съ нею до скончанія вѣка (Мато. XXVIII гл. 20 ст.), и непрестанно одушевляемой и управляемой Духомъ Святымъ, очевидно нѣтъ надобности ни въ какой другой видимой главѣ. У Церкви, *Божественнаго тѣла* Христова, не можетъ быть *человѣческая глава*. Никто изъ людей смертныхъ не можетъ быть главою великаго тѣла, имѣющаго пребывать во всѣ роды вѣковъ (Ефес. III гл. 21 стр.), обнимающаго собою не только безчисленные ряды поколѣній, живущихъ на землѣ, но и безчисленные сонмы вѣрующихъ, отшедшихъ отъ міра святыхъ, находящихся на небесахъ. Всѣ самые высокіе, самые святые христіане — не болѣе какъ члены Церкви; сами апостолы называли себя служителями Церкви (Колос. I гл. 24, 25 стр.). Римскіе католики, называя папу *главою Церкви*, очевидно приписываютъ ему власть и почесть, приличествующую одному Богу, т. е. *боготворятъ простаго смертнаго человѣка*.

Ученіе о необходимости видимой главы въ Церкви развилось на западѣ постепенно и имѣло нѣсколько различныхъ фазисовъ въ своемъ развитіи. Въ древней Церкви, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, не знали никакой видимой главы; главою Церкви признавали одного Христа. Каждая помѣстная Церковь управлялась своимъ епископомъ; нѣкоторые изъ епископовъ почитались старѣйшими (римскій, константинопольскій, александрійскій, антіохійскій, іерусалимскій), другіе младшими. Младшіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ старшихъ и воздавали имъ особенное уваженіе, но въ своихъ существенныхъ правахъ, всѣ они считались равны между собою, и ни одинъ не имѣлъ власти надъ всею Церковью. Высшею властью, признаваемою всею Церковью, былъ вселенскій соборъ, какъ полнѣйшее выраженіе вѣрованій и опредѣленій вселенской Церкви, утверждаемыхъ изволеніемъ Духа Святаго. Римскій епископъ считался старѣйшимъ между епископами запада, *первымъ* во всемъ христіанскомъ мірѣ, но никакъ *не главою Церкви*. Онъ имѣлъ власть *высшаго надзора* надъ подчиненными ему епископами западнаго округа, и то за исключеніемъ нѣкоторыхъ епископовъ, считавшихся самостоятельными. Но надъ епископами другихъ округовъ-восточныхъ онъ не имѣлъ никакой власти; на ряду со всѣми другими, и римскій епископъ подчинялся суду вселенскаго собора. Особенныя *временныя* историческія обстоятельства содѣйствовали папамъ усилиться болѣе другихъ епископовъ.

Съ теченіемъ времени папы не только пріобрѣли необыкновенное духовное вліяніе надъ западно-европейскими народами, но и свѣтскую власть. Это расположило нѣкоторыхъ изъ папъ къ мысли домогаться власти надъ всею церковью, и закрѣпить свои *случайныя, вельдствіе временныхъ историческихъ обстоятельствъ* доставшіяся имъ права и преимущества, *полыблемыми религіозными основаніями на вѣчныя времена.* Пока западная Церковь находилась въ союзѣ съ восточною, папы не могли этого сдѣлать. Фальшивыя притязанія и вымыслы, направленные къ возвеличенію папской власти, встрѣчали обличенія и твердое противодѣйствіе на востокѣ, который былъ независимъ отъ папы, на которомъ сохранялось ясное пониманіе идеи Церкви —твердое знаніе древнихъ правилъ и преданій. Но когда западъ сталъ болѣе и болѣе отдѣляться отъ православнаго востока сначала въ политическомъ отношеніи, наконецъ совершенно прервалъ съ нимъ и всякое церковное общеніе,— папамъ уже не трудно было распространить высокое понятіе о своей власти—не какъ о человѣческой, а какъ о Божественной власти, и возвести это понятіе въ догматъ вѣры на западѣ Европы, гдѣ издавна помѣстныя церкви подчинялись папѣ, гдѣ самый народъ относился къ власти папской съ особеннымъ благоговѣніемъ, гдѣ мало было просвѣщенныхъ людей, могущихъ разоблачить фальшивыя основанія, придумываемыя для возвеличенія папской власти, и удержать западную Церковь

отъ чрезмѣрнаго, суевѣрнаго и раболѣпнаго благоволѣнія передъ этою властью. Вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, все тогда на западѣ Европы благопріятствовало папамъ. Не только сами папы заботились о своемъ возвышеніи, не только монашество и духовенство, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ папскими интересами, ревностно помогали папамъ возвыситься; но и народъ искренно желалъ возвеличенія папской власти, какъ нравственно обуздывающей силы, надъ всѣми другими силами и властями, не мало угнетавшими народныя массы; сами государи западные наперерывъ другъ предъ другомъ заискивали благоволенія у папы, и въ его власти полагали опору своихъ собственныхъ правъ.

Первое *формальное* закрѣпленіе папскаго господства надъ Церковію сдѣлано было въ такъ называемыхъ лженсидоровскихъ декреталіяхъ. Здѣсь папа объявленъ былъ верховнымъ, отъ Бога поставленнымъ, правителемъ Церкви, отъ котораго получаютъ свои права и во всемъ зависятъ всѣ другія власти церковныя, волею котораго собираются соборы, рѣшаются всѣ важныя дѣла, утверждаются всѣ постановленія и узаконенія церковныя. Но здѣсь господству папскому дано было только *каноническое*, но еще *не догматическое* значеніе; такъ какъ и самыя декреталіи представляли собою юридическій или каноническій сборникъ, но не догматическое изложеніе вѣрованій Церкви. Папа здѣсь признанъ былъ верховнымъ правителемъ

церкви; но это еще не считалось существеннымъ, необходимымъ для спасенія догматовъ вѣры. Въ догматическомъ ученіи западной Церкви папская идея развилась преимущественно съ XI вѣка (со временъ Гильдебранда) до XIV, т. е. во времена самаго высшаго политическаго могущества папской власти и крайняго развитія схоластики. Въ это-то время ученіе о власти папской было не только возведено въ догматъ вѣры, безъ признанія котораго невозможно спасеніе, но въ догматъ самый основный, на которомъ держатся всѣ другіе догматы. Западные схоластическіе богословы, намѣренно прислуживавшіе папамъ, развили это ученіе, по истинѣ можно сказать, до чудовищныхъ крайностей и странностей. Папская власть объявлена самою высшею на землѣ, непосредственно и исключительно отъ Бога происходящею властью, отъ которой происходятъ и которою держатся всѣ другія земныя власти духовныя и свѣтскія. Папъ стали называть главами Церкви—намѣстниками апостола Петра, намѣстниками Христа, сначала просто въ смыслѣ почетнаго титула, потомъ начали соединять съ этими названіями опредѣленное понятіе о божественности папской власти. Безъ власти папской, по ученію схоластиковъ, не можетъ стоять Церковь, не можетъ держаться вѣра, не можетъ дѣйствовать никакая другая власть: ни власть государственная въ мірскихъ дѣлахъ, ни власть епископовъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ духовныхъ; безъ признанія власти папской

не можетъ спастись ни одинъ человѣкъ. Одинъ папа имѣетъ и можетъ другимъ сообщать ключъ къ разумѣнію божественной воли и божественнаго слова; онъ можетъ вводить новые догматы, постановлять новые законы въ церкви, поставлять, судить, низлагать и возвышать всѣ церковныя власти. Онъ можетъ, если найдетъ нужнымъ, нарушать и отмѣнять законы церковные, и другихъ, по усмотрѣнію, освобождать отъ исполненія уставовъ церковныхъ, клятвъ, различныхъ обязательствъ и т. д. Онъ можетъ разрѣшать грѣхи людямъ не только за прошедшее, но и на будущее время. Власть папская простирается не только на живыхъ людей и Церковь земную, но и на міръ загробный, на Церковь небесную. У папы ключи отъ царства небеснаго, данныя Христомъ апостолу Петру, и отъ него перешедшія по преемству къ папамъ. Папа можетъ облегчать мученія людей въ чистилищѣ, и, вмѣняя заслуги людей праведныхъ людямъ грѣшнымъ, переводить души изъ чистилища въ рай, ранѣе того срока, какъ они сами этого заслужили у Бога. Чтобы папы могли правильно пользоваться этими, по истинѣ, *божественными правами*, имъ усвоено *божественное свойство непогрѣшимости*. По ученію нѣкоторыхъ богослововъ западныхъ непогрѣшимость папская простирается не только на вопросы вѣры и дѣла церковныя, но и на дѣла мірскія, и на всѣ частные случаи обыкновенной жизни т. е. папа ни въ чемъ не можетъ ошибаться и заблуждаться, какъ про-

стой человѣкъ. Иные имѣли дерзость утверждать, что если бы даже папа сталъ говорить что либо вопреки ясному смыслу Священнаго Писанія, требованіямъ совѣсти и нравственнаго чувства, свидѣтельству очевиднаго *факта*, и въ такомъ случаѣ нужно вѣрить болѣе папѣ, нежели Священному Писанію, голосу совѣсти, показаніямъ собственныхъ чувствъ, свидѣтельству очевидныхъ фактовъ. Власть папская простирается не только на духовныя, религіозныя, но и на мірскія государственныя дѣла. Такъ какъ всякая земная власть происходитъ отъ папы, и только папская непосредственно отъ Бога, то и власть государственная должна подчиниться папѣ Государи, намѣстники (minister) папы въ различныхъ странахъ, какъ папа, намѣстникъ Бога на всей землѣ. Государственная власть проистекаетъ отъ папской, какъ свѣтъ луны отъ свѣта солнца. Папа избираетъ или утверждаетъ государей, надсматриваетъ надъ ихъ частною жизнью, чтобы они подавали подданнымъ хорошій примѣръ, и надъ ихъ государственными дѣйствіями; можетъ утверждать или отмѣнять постановляемые ими законы. Въ случаѣ надобности, онъ судитъ государей, низлагаетъ съ престола, избираетъ на мѣсто низверженнаго новаго государя, освобождаетъ подданныхъ отъ присяги и повиновенія осужденному государю,—можетъ наказать цѣлую страну (интердиктомъ или крестовымъ походомъ, за преступленіе и упорство государя). Нѣкоторые схоластики позволяли себѣ выражать-

ся такъ, что папа могъ бы, еслибъ захотѣлъ, за разъ всѣхъ государей низложить съ престоловъ, и установить на землѣ совершенно новый образъ правленія.

Соотвѣтственно съ такою необычайной властью надъ Церковью и государствомъ, папѣ воздаются необычайныя внѣшнія почести, духовныя и свѣтскія. Папа есть верховный монархъ и первосвященникъ всего міра. Его резиденція—Римъ, столица всего христіанства. Сюда собирается несмѣтное количество денегъ и безчисленное множество поклонниковъ, со всѣхъ христіанскихъ странъ. Папскій дворъ (курія) многочисленнѣе и роскошнѣе царскихъ дворовъ. Папѣ прислуживаютъ высшіе сановники духовные, гражданскіе и военные. Папа носитъ царскую и первосвященническую тіару, т. е. къ обыкновенной епископской митрѣ у него присоединены три короны—въ знакъ его власти надъ Церковью, государствомъ и надъ міромъ загробнымъ (надъ чистилищемъ) (*). Во время торжественныхъ процессій папу носятъ на великолѣпномъ тронѣ—подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи множества духовныхъ сановниковъ и воин-

(*) Въ древности папы носили простую епископскую митру. Папа Александръ III въ XII вѣкѣ приказалъ придѣлать къ ней царскую корону, Бонифатій VIII въ началѣ XIV вѣка другую корону, а одинъ изъ его преемниковъ третью; папы впрочемъ надѣваютъ тіару только въ особенно торжественныхъ случаяхъ.

скихъ чиновъ, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, пальбою пушекъ, громомъ музыки и т. д. Во время торжественныхъ выѣздовъ не простые прислужники, а государи должны подводить папѣ коня или осла, держать ему стремя, вести папскаго осла подъ уздцы и т. д. Въ извѣстные дни года папа съ своего балкона даетъ торжественное благословеніе не только всему городу Риму, но всему міру (urbi et orbi). При коронованіи своемъ папа восходитъ и садится не просто на царскій тронъ, но на самый престолъ Господа Вседержителя, гдѣ совершается безкровная жертва. Всѣ христіане и старѣйшіе епископы, патріархи, кардиналы, князья и государи, въ знакъ особеннаго уваженія къ папѣ, должны цѣловать туфли папы; на туфлѣ папской изображается св. крестъ. Даже и Св. Тайнъ папа причащается не такъ, какъ другіе епископы. Не онъ подходитъ къ святому престолу причащаться, а къ нему, сидящему на богатоубранномъ тронѣ, посреди Церкви, кардиналъ съ колѣнопреклоненіемъ подноситъ св. чашу. Вотъ до какихъ чудовищныхъ крайностей развилось на западѣ Европы, въ средніе вѣка, почитаніе или вѣрнѣе сказать—боготвореніе папы. Иные изъ западныхъ писателей среднихъ вѣковъ прямо называли папу *Господомъ Богомъ* (Dominus Deus); иные задавались вопросами такого рода: „кого нужно почитать болѣе: папу или св. ангеловъ и угодниковъ Божіихъ“, и рѣшали вопросъ такъ, что папу нужно почитать болѣе, чѣмъ ангеловъ и святыхъ

людей—какъ самаго Христа,—ибо папа намѣстникъ христовой власти..... Можно ли на рѣшеніе папы, если оно покажется несправедливымъ, апеллировать къ Богу, и надѣяться, что Богъ измѣнитъ рѣшеніе папы?— Нѣтъ, ибо у Бога и папы одна мысль, одна воля, одно рѣшеніе!"[3]

Съ XIV вѣка, когда власть папская стала ослабѣвать на практикѣ, и папы, во время пребыванія въ Авиньонѣ и великаго раскола (бывшаго въ западной Церкви между 1378—1417 гг.) сильно опозорили себя предъ общественнымъ мнѣніемъ—и въ средѣ католическихъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ, начали раздаваться голоса противъ папы. Свѣтскіе легисты (законники) начали развивать юридическую теорію, что власть государственная имѣетъ такое же непосредственное происхожденіе отъ Бога и священное значеніе, какъ и папская, и поэтому папы не должны вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Либеральные богословы западные стали учить, что папа есть только старѣйшій епископъ христіанскаго міра и власть вселенскаго собора выше папской власти. А еще болѣе либеральные писатели прямо называли папу *антихристомъ*, незаконно предвосхитившимъ себѣ божественныя права и почести. Соборы: пизскій, констанцскій и базельскій дѣлали попытки къ ограниченію папской власти. Но папы, еще не получившіе себѣ строгаго урока, относились съ пренебреженіемъ ко всѣмъ неблагопріятнымъ для нихъ теоріямъ и ревностнѣйшіе приверженцы ихъ

до самаго XVI вѣка продолжали развивать ученіе о папѣ въ тѣхъ крайнихъ, чудовищно нелѣпыхъ формахъ, въ какихъ оно выше представлено.

Реформація дала папству чувствительный урокъ, и заставила католическихъ богослововъ серьезно подумать о болѣе точномъ опредѣленіи ученія о власти папской. Съ XVI-го вѣка римско-католическими богословами въ ученіи о власти папской отброшены тѣ нелѣпыя крайности, до какихъ это ученіе развилось въ средневѣковомъ схоластическомъ богословіи. Тѣмъ не менѣе существенные пункты этого ученія, что папа есть глава Церкви и Божій намѣстникъ на землѣ, что онъ имѣетъ высокое свойство непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры что его власть выше власти вселенскихъ соборовъ. и безъ нея не можетъ существовать Церковь— эти пункты доселѣ твердо держатся въ католическомъ богословіи, какъ существенный догматъ вѣры, необходимый для спасенія. Впрочемъ, различныя богословскія партіи и цѣлыя національныя Церкви въ средѣ католическаго міра различно толкуютъ и премѣняютъ это ученіе. Въ галликанской церкви, которая издавна между всѣми католическими церквами отличалась болѣе свободнымъ отношеніемъ къ Риму, которая и въ древности долѣе всѣхъ западныхъ церквей отстаивала свою независимость отъ всеподавляющаго абсолютизма папскаго, которая въ XV вѣкѣ ревностнѣе всѣхъ западныхъ церквей заявляла стремленіе ограничить власть папъ вселенскими соборами, которая дол-

гое время не хотѣла признавать авторитетъ Тридентскаго собора и принимать его рѣшеній, въ концѣ XVII вѣка, преимущественно подъ руководствомъ епископа Боссюэта и другихъ французскихъ богослововъ, развилась *галликанская* теорія умѣреннаго католицизма. Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что она признаетъ власть папскую, но только въ духовныхъ дѣлахъ, и то съ ограниченіемъ ея властію вселенскихъ соборовъ, и насколько она не противорѣчитъ древнимъ правамъ мѣстныхъ церквей; непогрѣшимыми папскія мнѣнія галликанская теорія считаетъ только въ такомъ случаѣ, когда они служатъ выраженіемъ вѣрованія всей Церкви, — личную же непогрѣшимость папы отвергаетъ Теорія эта въ католической Церкви держится до послѣдняго времени и все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ послѣдователей какъ во Франціи, такъ и въ другихъ католическихъ странахъ. Но вопреки этой умѣренной теоріи, преимущественно іезуитами (Беллярминомъ, въ новѣйшія времена графомъ де-Местромъ и др.) и итальянскими богословами, развита другая, такъ называемая *ультрамонтанская*, теорія строгаго католицизма. Эта теорія не только старается защищать ученіе о *духовной* неограниченной власти и непогрѣшимости папъ въ средневѣковомъ смыслѣ, но старается даже возвести въ догматъ вѣры самую *свѣтскую* власть папы. Относительно свѣтской власти папъ нужно впрочемъ, сказать, что еще съ XV и XVI вѣка, папы, по измѣнившимся истори-

ческимъ обстоятельствамъ, начали оставлять свои прежнія мечты о господствѣ надъ всѣмъ міромъ, о подчиненіи себѣ всѣхъ государей и стали главнымъ образомъ заботиться только о томъ, чтобы крѣпче утвердить свою государственную власть въ находящейся подъ управленіемъ ихъ церковной области итальянской. И приверженцы папъ въ новѣйшія времена теоретически формулируютъ этотъ вопросъ такъ, что папѣ для сохраненія его духовной независимости и нравственнаго вліянія нельзя жить во владѣніяхъ какого либо другаго государя, а необходимо имѣть подъ властью своею хотя малое государство.

Въ XVIII и XIX вѣкахъ духовной и свѣтской власти папъ на практикѣ нанесены сильные удары распространеніемъ новыхъ либеральныхъ идей, стремленіями европейскихъ правительствъ какъ можно болѣе освободить управляемыя ими страны отъ вліянія папы не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, появленіемъ либеральныхъ стремленій въ самомъ католическомъ духовенствѣ, французскою революціею, самовластіемъ Наполеона I-го, новѣйшими итальянскими движеніями. Тѣмъ не менѣе католическій міръ и въ настоящее время далеко еще не можетъ оторваться отъ тѣхъ ложныхъ представленій, что папа есть глава церкви, что безъ папы не можетъ держаться единство и самостоятельность церкви, что папѣ, для поддержанія духовной власти, нужна свѣтская власть и т. д. По крайней мѣрѣ наиболѣе безпри-

страстные послѣдователи католическаго ученія въ новѣйшее время болѣе и болѣе сознаютъ себя вынужденными и на практикѣ и въ теоріи отказываться отъ большей части тѣхъ фальшивыхъ основаній, на которыхъ утверждено было религіозное значеніе папской власти въ средніе вѣка.

III.

РАЗСМОТРѢНІЕ РИМСКАГО УЧЕНІЯ О ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ НА ОСНОВАНІИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ И АПОСТОЛЬСКОЙ ИСТОРІИ.

На чемъ основывается римское ученіе о папѣ, какъ верховной и непогрѣшимой видимой главѣ Церкви?

Римско-католическіе богословы утверждаютъ, что самъ Іисусъ Христосъ, бывшій во время своей земной жизни главою основанной имъ Церкви, послѣ себя оставилъ верховную власть надъ Церковью апостолу Петру, давши ему особенныя преимущества предъ другими апостолами,—свойство непогрѣшимости,—ключи отъ царствія небеснаго, руководство и надзоръ за другими апостолами, сдѣлавши его какъ бы *княземъ* апостоловъ, монархомъ христіянскаго міра. Въ доказательство этой мысли римскіе богословы указываютъ преимущественно на три мѣста изъ Евангелія:

1) „Когда Іисусъ Христосъ, пришедши въ страны Кесаріи Филипповой, спрашивалъ учениковъ своихъ, за кого люди и сами апостолы почитаютъ Его,—Симонъ Петръ, первый изъ всѣхъ апостоловъ, сказалъ Ему: *Ты Христосъ Сынъ Бога живаго*. Тогда Іисусъ Христосъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ: не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ мой, сущій на небесахъ. И я говорю тебѣ: ты Петръ (камень), и на этомъ камнѣ я созижду мою Церковь и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго, и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ (Матѳ. 16 г. 13—19 ст.)". Изъ всего смысла приведеннаго разсказа видно, что высокія обѣтованія, высказанныя здѣсь апостолу Петру, относятся собственно не къ личности Петра, а къ самой вѣрѣ во Христа, какъ сына Божія, первымъ исповѣдникомъ которой явился здѣсь апостолъ Петръ, по которую раздѣляли въ тоже время и всѣ другіе апостолы и которая сдѣлалась достояніемъ всего христіанскаго міра. Петръ первый изъ людей исповѣдалъ Христа сыномъ Бога живаго. Это было высокое и святое убѣжденіе, по истинѣ, не плотью и кровью, т. е. необыкновеннымъ человѣческимъ соображеніемъ, а самимъ Отцемъ Небеснымъ открытое людямъ. Это высокое исповѣданіе—эта вѣра во Христа, какъ сына Божія, стала въ человѣчествѣ твердымъ камнемъ, на ко-

торомъ основалась Церковь христіанская и стоитъ до сего времени, и будетъ стоять до окончанія вѣка. Симонъ первый исповѣдалъ эту вѣру, и потому первый названъ камнемъ (Петромъ), взятымъ отъ Господа въ созиданіе Церкви. Но эта вѣра не была только личнымъ убѣжденіемъ Симона; это общее убѣжденіе и всѣхъ другихъ апостоловъ, и всѣхъ вѣрующихъ христіанъ; поэтому и другіе апостолы, какъ содѣйствовавшіе распространенію и утвержденію вѣры во Христа, называются въ Писаніи основаніями, на которыхъ зиждется Церковь; и всѣ вѣрующіе христіяне могутъ быть названы камнями, изъ которыхъ составляется великое зданіе Церкви (Еф. 2 гл. 20 ст. Апос. 21 гл. 14 ст. 1 посл. Петра гл. 2 ст. 6—7). Но очевидно, что самымъ первымъ основаніемъ, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ утверждается это зданіе, равно какъ и единою главою, вѣнчающею его, можетъ быть названъ только самъ Іисусъ Христосъ (Еф. 2 гл. 20—22 ст. 1. Кор. 3 гл. 11 ст. Еф. 1 гл. 22—23 ст.), вѣра въ котораго служитъ основаніемъ и вѣнцемъ Церкви. Вѣра во Христа открыла людямъ доступъ—дала *ключи въ Царство небесное*. Петръ первый исповѣдалъ вѣру во Христа, поэтому первый и получилъ высокую власть *вязать и разрѣшать грѣхи*. Но затѣмъ и другимъ апостоламъ, имѣвшимъ одну вѣру съ Петромъ, также сказано отъ Господа: *что свяжете на земли, будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ*.

(Матѳ 18 гл. 18 Іоан. 20 гл. 21—23 стран.) Апостолы передали эту власть пастырямъ Церкви, и она всегда неизмѣнно сохраняется въ Церкви христіанской, какъ сохраняется самая вѣра во Христа. Въ такомъ смыслѣ объясняли указанное мѣсто изъ Евангелія Матѳея и древніе учители церковные.

2). Въ послѣдней бесѣдѣ съ учениками — на тайной вечери—Іисусъ Христосъ, прекративъ возникшій между учениками споръ о первенствѣ и обѣщавъ имъ за терпѣніе и преданность Ему высокую награду въ будущемъ небесномъ царствѣ, обратился съ особенными словами къ Симону Петру: „Симонъ, Симонъ! Сатана просилъ, чтобы сѣять васъ, какъ пшеницу. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратившись, утверждай братьевъ твоихъ (Лук. 22 гл. 31—32 ст.)". Въ этихъ словахъ римскіе богословы, также видятъ указаніе на особенныя преимущества Петра предъ другими апостолами. По ихъ мнѣнію, Іисусъ Христосъ высказываетъ здѣсь ту мысль, что Петръ, оставшись послѣ него главою Его послѣдователей, и надѣленный свыше высокимъ даромъ непогрѣшимости къ вѣрѣ, долженъ быть руководителемъ въ вѣрѣ и для другихъ апостоловъ и для другихъ христіанъ. Но для всякаго безпристрастнаго человѣка изъ самаго смысла и связи рѣчи очевидно, что здѣсь нѣтъ и рѣчи о какихъ либо преимуществахъ, обѣщаемыхъ апостолу Петру, а есть только печальное предостереженіе и предсказаніе о предстоящемъ ему искушеніи и паденіи.

Смыслъ всей рѣчи таковъ: „доселѣ вы были вѣрны Мнѣ, пребывали со Мною во всѣхъ напастяхъ Моихъ. Но вотъ теперь предстоитъ вамъ великое искушеніе; сатана намѣревается разсѣять васъ отъ Меня, какъ пшеницу. И ты, Петръ, готовый болѣе всѣхъ увѣрять Меня въ своей преданности ко Мнѣ, особенно поддашься искушенію, первый измѣнишь Мнѣ. Но Я молился, чтобы Отецъ Мой подкрѣпилъ васъ въ искушеніи, чтобы ваша поколебавшаяся вѣра не оскудѣла до конца. Пройдетъ время искушенія, и вы опять обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ. Помни это Петръ. Ты болѣе всѣхъ поддашься искушенію. Самъ извѣдавъ человѣческую слабость, и возставши (обратившись) отъ паденія будь внимателенъ къ другимъ, утверждай въ вѣрѣ братьевъ твоихъ“. Петръ такъ и принялъ эти слова — не какъ обѣщаніе преимущества, а какъ предостереженіе отъ паденія, ибо вслѣдъ затѣмъ усиленно началъ увѣрять Господа, что готовъ итти съ нимъ въ темницу и на смерть (ст. 33). А Господь въ отвѣтъ на это еще яснѣе сказалъ, что онъ въ эту ночь трижды отречется отъ Него, и затѣмъ еще разъ всѣмъ апостоламъ подтвердилъ, чтобы они были готовы къ искушенію (ст. 34—38). Нужно еще принять во вниманіе, что Господь предъ этою рѣчью только что обличилъ въ ученикахъ Своихъ стремленіе къ преимуществамъ весьма сильно. Можно ли думать, чтобы Онъ, вслѣдъ за этимъ обличеніемъ, сталъ въ виду всѣхъ давать

одному изъ учениковъ преимущества предъ другими?

3). Въ 21 главѣ Евангелія Св. Іоанна разсказывается, какъ однажды Іисусъ Христосъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ, явился семи ученикамъ, ловившимъ рыбу на морѣ Тверіадскомъ. Давши имъ чудесный уловъ рыбы, Онъ пригласилъ ихъ обѣдать, и во время трапезы обратился къ Петру съ такими словами: „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петръ отвѣчалъ: такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ сказалъ: *паси агнцевъ Моихъ*. Затѣмъ опять спросилъ его: Симонъ Іонинъ, любишь ли Меня? Петръ сказалъ: такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. И Господь опять сказалъ: *паси овецъ Моихъ*. Наконецъ въ третій разъ спросилъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли Меня. Петръ опечалился, что Онъ въ третій разъ спрашиваетъ — любишь ли Меня, — и съ волненіемъ отвѣчалъ: Господи! Ты все знаешь,—Ты знаешь, что я люблю Тебя. Господь еще разъ сказалъ: *паси овецъ Моихъ*, и затѣмъ предсказалъ Петру о предстоящей ему въ старости мученической кончинѣ (ст. 15 и 18).

Въ этой бесѣдѣ Спасителя съ апостоломъ Петромъ римскіе богословы также видятъ указаніе на особенныя преимущества, данныя Петру, будто Господь вѣрилъ ему здѣсь верховную власть надъ всею церковію, какъ надъ простыми вѣрующими—*агнцами*, такъ и надъ самыми пастырями *овцами*. Непредубѣжденный же здравый смыслъ и древніе

учители церковные согласно признаютъ, что Христосъ въ этой бесѣдѣ хотѣлъ растрогать совѣсть апостола Петра, омраченную бывшимъ паденіемъ, возбудить его къ покаянію, и затѣмъ утѣшить его, и въ присутствіи другихъ апостоловъ возстановить въ апостольскомъ достоинствѣ. Троекратнымъ вопрошеніемъ „любишь ли меня", Христосъ видимо хотѣлъ напомнить Петру о его троекратномъ отреченіи (Въ первый разъ Христосъ спрашиваетъ, не просто *любишь ли меня* —но *любишь ли меня болье другихъ учениковъ:* это напоминаніе Петру о томъ, какъ онъ когда то увѣрялъ, что если и всѣ ученики соблазнятся и оставятъ Господа, онъ пойдетъ съ нимъ въ темницу и на смерть). Такъ и подѣйствовали эти слова на Петра, ибо когда Господь спросилъ его въ третій разъ, Петръ *опечалился*, конечно отъ того, что вспомнилъ о своемъ паденіи. Троекратнымъ повтореніемъ *пасти агнцевъ и овецъ Моихъ* Господь возстановлялъ Петра въ его апостольскомъ званіи; здѣсь нѣтъ никакихъ особенныхъ преимуществъ, а только та власть, которая дана и всѣмъ другимъ апостоламъ и отъ нихъ передана пастырямъ церковнымъ: *пасти стадо Божіе* (1 Петр. 5 гл. 2—3 стран.) (и конечно, только произвольное схоластическое толкованіе могло утверждать, что подъ агнцами Христосъ разумѣлъ здѣсь простыхъ вѣрующихъ, а подъ овцами самихъ пастырей). Наконецъ и заключеніе бесѣды предсказаніемъ о мученической смерти Петра видимо имѣетъ близкое

отношеніе къ прежней бесѣдѣ о троекратномъ отреченіи. На тайной вечери Петръ самонадѣянно увѣрялъ, что онъ готовъ итти съ Господомъ въ темницу и на смерть, хотя бы и всѣ оставили Его. И Господь отвѣчалъ, что самонадѣянность его въ ту же ночь будетъ постыждена троекратнымъ искушеніемъ. Теперь на вопросъ Господа Петръ уже не осмѣливается утверждать, что онъ любитъ Его болѣе всѣхъ, и готовъ идти на смерть за Него, но смиренно съ скорбію о своемъ паденіи отвѣчаетъ: Господи! Ты все знаешь,—Ты знаешь, что я люблю Тебя. И Господь, увѣривъ его въ возстановленіи прежняго апостольскаго достоинства, предсказываетъ, что онъ и завершитъ свою апостольскую жизнь достойно мученическою смертію.

Такимъ образомъ, ни въ одномъ изъ указываемыхъ римскими богословами мѣстъ Евангелія не находится подтвержденія той мысли, будто Іисусъ Христосъ далъ апостолу Петру преимущественную власть надъ другими апостолами.

Вообще же можно сказать, что эта мысль противорѣчитъ всему духу, всему смыслу евангельскихъ повѣствованій. Ни въ чемъ не обличалъ Іисусъ Христосъ учениковъ своихъ такъ сильно, ни противъ чего не предостерегалъ ихъ такъ ревностно, какъ именно противъ духа превозношенія—противъ стремленія къ преимуществамъ. Онъ постоянно внушалъ имъ ту мысль, что подобныя стремленія не должны имѣть мѣста въ христіанскомъ

обществѣ, что между ними не должно быть первыхъ и послѣднихъ, начальниковъ и подчиненныхъ, что между ними даже никто не долженъ называться отцомъ, учителемъ или господиномъ, но всѣ они должны считаться братьями и искренно услуживать другъ другу, какъ самъ онъ—ихъ Божественый учитель, показалъ имъ высочайшій образецъ въ этомъ (см. Матѳ. гл. 20 ст. 20—28; Лук. гл. 22 ст. 23—27; Марка X гл. 42—45 ст. Іоанна гл. 13 ст. 13—16)

Послѣ Евангелія, римскіе богословы въ исторіи апостольской стараются найти подтвержденіе тому взгляду, будто апостолъ Петръ, по вознесеніи Іисуса Христа на небо, оставался главою христіанства, княземъ другихъ апостоловъ, верховнымъ правителемъ Церкви. Въ доказательство этого они любятъ указывать преимущественно на первыя главы книги „Дѣяній апостольскихъ“, гдѣ въ иныхъ случаяхъ личность Петра выступаетъ болѣе, нежели личности другихъ апостоловъ. Петръ *напримѣръ* первый предлагаетъ избрать 12-го апостола на мѣсто отпадшаго Іуды; первый начинаетъ проповѣдь по сошествіи Св. Духа; первый обращаетъ въ христіанство язычника Корнилія, первый держитъ рѣчь на соборѣ апостольскомъ. Но изъ всѣхъ этихъ фактовъ ничего особеннаго не слѣдуетъ. Изъ того, что въ первой половинѣ книги „Дѣяній“ говорится болѣе объ апостолѣ Петрѣ,—а во второй еще гораздо болѣе объ апостолѣ Павлѣ нисколько не слѣдуетъ, будто тотъ

или другой апостолъ имѣли какую либо преимущественную власть надъ прочими апостолами. Напротивъ факты показываютъ, что всѣ апостолы, по заповѣди Спасителя, считались равными между собою. Вопросы, возникавшіе въ обществѣ апостольскомъ, могли быть предлагаемы кѣмъ-либо однимъ, но рѣшались согласно мнѣніямъ всѣхъ. Такъ избранъ былъ 12-й апостолъ Матѳей на мѣсто отпадшаго Іуды (Дѣян. гл. 1); такъ избраны были первые семь діаконовъ (гл. 6); такъ рѣшенъ вопросъ о необязательности ветхозавѣтнаго обрядоваго закона для обращающихся въ христіанство язычниковъ на соборѣ апостольскомъ (гл. 15). Между апостолами, по сказанію апостола Павла, пользовались особеннымъ уваженіемъ: Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, братъ Господень, предстоятель Церкви іерусалимской. Они считались какъ бы *столпами* Церкви, но не имѣли никакихъ особенныхъ правъ и власти надъ другими. Апостолъ Павелъ и себя самаго, призваннаго къ апостольскому служенію уже послѣ сошествія Св. Духа, считалъ нисколько не ниже другихъ апостоловъ самовидцевъ Іисуса Христа, и въ извѣстномъ случаѣ находилъ нужнымъ спорить съ апостоломъ Петромъ и обличать его. Вообще апостолы возставали противъ пристрастія иныхъ христіанъ къ авторитету того или другаго изъ проповѣдниковъ христіанства. Апостолъ Павелъ строго обличалъ коринѳскихъ христіанъ за то, что у нихъ одни называли себя Павловыми, другіе Петровыми,

третьи Аполосовыми и т. д. „Развѣ, говорилъ онъ, не одинъ и тотъ же для всѣхъ Христосъ? развѣ Павелъ за васъ распинался, или во имя Павлово вы крестились? Мы по волѣ Божіей только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, соработники у Бога, а вы Божія нива, Божіе строеніе. Одинъ насаждалъ, другой поливалъ, а возрастилъ Богъ. Насаждающій и поливающій ничто, а все Богъ возращающій. Никто не хвались, кѣмъ либо изъ людей. Павелъ ли, или Аполосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее—все ваше. Вы же Христовы, а Христосъ Божій“ (1 кор. главы 1, 2, 3).

Если бы и дѣйствительно апостолъ Петръ имѣлъ преимущественную власть надъ другими апостолами, какимъ образомъ это могло бы имѣть отношеніе къ притязаніямъ римскихъ папъ?

Римскіе богословы говорятъ, что апостолъ Петръ, сдѣлавшись главою—какъ бы монархомъ христіанскаго міра, избралъ своею резиденціею Римъ; здѣсь онъ основалъ Церковь, здѣсь епископствовалъ въ продолженіи 25-ти лѣтъ; здѣсь принялъ мученическую кончину, и при кончинѣ передалъ свою власть надъ церковію своему преемнику, слѣдовавшему за нимъ римскому епископу. Послѣ него эта власть переходитъ отъ одного папы къ другому.

Здѣсь каждое положеніе невѣрно. Изъ безпристрастнаго разсмотрѣнія историческихъ фактовъ оказывается напротивъ, что 1) апостолъ Петръ, какъ объяснено выше, не былъ главою или ка-

кимъ либо монархомъ христіанскаго міра; 2) апостолъ Петръ не жилъ въ Римѣ 25 лѣтъ, ибо такое разчисленіе времени не согласно съ извѣстіями о проповѣди апостола въ другихъ странахъ; 3) апостолъ Петръ не былъ епископомъ римскимъ, ибо епископами назывались мѣстные правители церковные, неотлучно находящіеся при одной своей церкви, апостолъ же Петръ, подобно другимъ апостоламъ, утверждалъ христіанство въ различныхъ странахъ и различныхъ церквахъ; 4) апостола Петра нельзя даже назвать по преимуществу основателемъ Церкви римской. Церковь римская основана и устроена не однимъ Петромъ, а вмѣстѣ Петромъ и Павломъ. Есть даже основанія предполагать, что въ устроеніи римской Церкви и поставленіи перваго римскаго епископа Лина (еще при *жизни* первоверховныхъ апостоловъ) больше участія принималъ апостолъ Павелъ, нежели апостолъ Петръ (*). 5) Кромѣ Рима, апостоломъ Пет-

---

(*) Сравни дѣянія Апостол. гл. XXIII ст. 11, гл. XXVIII ст. 22—31; Рим. 1 гл. 5, 6, 13, 15 ст 2. Тим. 4 гл. 21 ст. Думаютъ, что Церковь основана въ Римѣ первоначально сотрудниками апостола Павла: потомъ утверждена апостоломъ Павломъ, который поставилъ въ ней первыхъ епископовъ Лина и Анаклета; апостолу же Петру преданіе, и то не совсѣмъ достовѣрное, приписываетъ только поставленіе третьяго римскаго епископа Климента. Апостолъ Петръ прибылъ въ Римъ вѣроятно уже въ послѣдніе годы своей жизни, никакъ не прежде апостола Павла, котораго въ первый разъ привезли туда въ 61 году по Р. Хр.

ромъ, или Петромъ и Павломъ вмѣстѣ устроены церкви и во многихъ другихъ мѣстахъ. Такъ въ устроеніи антіохійской Церкви оба первоверховные апостолы принимали участія не менѣе, чѣмъ въ устроеніи римской (**). Александрійская Церковь также основана была апостоломъ Петромъ, и первымъ епископомъ здѣсь былъ любимѣйшій ученикъ Петра евангелистъ Маркъ. Старше же и почетнѣе всѣхъ по своему происхожденію была безъ сомнѣнія іерусалимская Церковь, мать церквей, основанная самимъ Іисусомъ Христомъ, откуда по по сошествіи Св. Духа начало распространяться христіанство во всѣ концы міра, куда изъ своихъ отдаленныхъ путешествій нерѣдко сходились апостолы для свиданія, отчета объ успѣхахъ проповѣди, взаимныхъ назиданій и совѣщаній, гдѣ по преданію первымъ епископомъ отъ самаго Господа былъ поставленъ одинъ изъ 12-ти апостоловъ Іаковъ братъ Господень. 6) Такимъ образомъ римскаго епископа нельзя называть ни преемникомъ власти Петровой, ибо Петръ не былъ епископомъ, а только поставлялъ епископовъ въ Римѣ, въ Александріи, въ Антіохіи и другихъ мѣстахъ, ни тѣмъ болѣе преемникомъ какихъ—либо верховныхъ правъ его надъ церковью, ибо такихъ правъ самъ Петръ не имѣлъ. И странно предполагать, чтобы

(**) Въ антіохійской церкви также въ древности было преданіе, будто апостолъ Петръ епископствовалъ тамъ 25 лѣтъ съ 38 до 63 года по Р. Хр.

послѣ смерти Петра римскіе епископы считались верховными правителями церкви, когда оставались въ живыхъ еще нѣкоторые апостолы? Странно предполагать, чтобы любимѣйшій и приближеннѣйшій ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ, послѣ смерти Петра жившій на землѣ еще болѣе 35 лѣтъ, подчинялся римскому епископу какъ верховному главѣ и правителю церкви.

IV.

РИМСКОЕ УЧЕНІЕ О ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ НА ОСНОВАНІИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ИСТОРІИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ.

Исторія древней христіанской церкви послѣ временъ апостольскихъ также не представляетъ основаній въ пользу римскаго ученія о главенствѣ папы въ церкви. Римско-католическіе историки и богословы стараются доказать, будто въ христіанской церкви не только въ западной, но даже и въ восточной съ первыхъ вѣковъ и до патріарха Фотія, дерзнувшаго возмутиться противъ папской власти, папы имѣли такую же власть надъ всѣми епископами и церквами, какую они теперь имѣютъ въ римско-католическомъ христіанствѣ. Въ подтвержденіе такого взгляда, католическіе ученые въ исторіи древней христіанской церкви подыскиваютъ свидѣтельства и факты, будто бы оправды-

вающіе ихъ мысль. Но всѣ эти свидѣтельства и факты, обыкновенно представляемые римскими учеными отрывочно, внѣ связи съ цѣльнымъ смысломъ и характеромъ ими же указываемыхъ историческихъ событій, безъ соотношенія съ другими историческими фактами, яснѣе раскрывающими мысль дѣла,—вовсе не имѣютъ того значенія, какое стараются придать имъ католическіе ученые.

„Папы, говорятъ, въ самые первые вѣка являются верховными правителями церкви, имѣющими особенную власть надъ епископами другихъ церквей. Папы II и III вѣковъ: Климентъ, Сотиръ, Викторъ, Корнилій, Стефанъ пишутъ пастырскія посланія къ различнымъ церквамъ, — и ихъ посланія въ этихъ церквахъ принимаются съ уваженіемъ. Къ папамъ приходятъ совѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ епископы отдаленныхъ даже восточныхъ церквей, — напр. св. Поликарпъ (въ половинѣ II вѣка) приходилъ въ Римъ совѣтоваться съ папою Аникитою о времени празднованія Пасхи. Папы въ Римѣ созываютъ соборы, разбираютъ и осуждаютъ лжеученія, уже осужденныя въ другихъ церквахъ, своимъ верховнымъ судомъ какъ бы утверждая судъ другихъ церквей; такъ извѣстный гностикъ Валентинъ (II вѣка), осужденный на востокѣ, былъ окончательно осужденъ въ Римѣ. Другіе еретики, осужденные внѣ Рима, приходятъ въ Римъ, и просятъ папу вновь пересмотрѣть ихъ дѣло и разрѣшить ихъ отъ наложенной на нихъ клятвы; это именно извѣстно о

лжеучителяхъ Монтанѣ и Маркіонѣ (II вѣка). Наконецъ рѣшительныя дѣйствія папы Виктора во II вѣкѣ, въ дѣлѣ о празднованіи Пасхи, и Стефана въ III вѣкѣ, въ дѣлѣ о крещеніи еретиковъ, показываютъ, что папы сами сознавали за собою право считать себя старѣйшими всѣхъ другихъ епископовъ — епископами епископовъ, наблюдать за церковнымъ порядкомъ во всѣхъ церквахъ западныхъ и восточныхъ, требовать отъ нихъ во всемъ согласія съ римскою Церковію, дѣлать обличенія и приказанія другимъ епископамъ; въ случаѣ непослушанія грозить имъ судомъ и даже отлучать отъ церкви".

Всѣ указываемые здѣсь факты исторически вѣрные, но невѣрно объясняемые — не имѣютъ того значенія, какое стараются придать имъ римско-католическіе ученые, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе говорятъ противъ, нежели въ пользу несправедливой мысли о главенствѣ папы, признаваемомъ будто бы въ христіанской церкви съ самыхъ первыхъ вѣковъ:

1) Нѣкоторые изъ папъ писали пастырскія посланія къ другимъ церквамъ; но это вовсе не по праву какой-либо власти или главенства надъ другими церквами, а по духу братскаго общенія, соединявшаго тогда всѣ христіанскія церкви. Въ силу этого общенія особенно уважаемые епископы не одной римской, а и другихъ церквей, когда оказывалось нужнымъ, обращались съ пастырскими посланіями къ чужимъ церкамъ. Такъ отъ св.

Игнатія Богоносца, епископа антіохійскаго (II вѣка), до нашего времени сохранилось семь посланій къ различнымъ церквамъ, и между прочимъ къ римской. Св. Поликарпъ, епископъ смирнскій, писалъ посланіе къ церкви филиппійской. Отъ св. Діонисія коринѳскаго, Иринея ліонскаго, Кипріяна карѳагенскаго, Діонисія александрійскаго, Григорія Чудотворца неокесарійскаго, осталось много посланій къ другимъ епископамъ и различнымъ церквамъ (между ними нѣсколько и къ римской), и посланія эти въ тѣхъ церквахъ, куда они посылались, въ силу братскаго общенія принимались не съ меньшимъ уваженіемъ, какъ и помянутыя посланія римскихъ епископовъ.

2) Въ силу того же братскаго общенія, епископы однихъ церквей ходили иногда совѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ съ епископами другихъ церквей. Такъ св. Поликарпъ ходилъ къ римскому епископу Аникитѣ совѣтоваться о празднованіи Пасхи. Что онъ приходилъ къ нему какъ равный къ равному за совѣтомъ, а не какъ низшій къ высшему или подчиненный къ начальнику за приказаніемъ, это видно уже изъ того, что св. Поликарпъ, не смотря на убѣжденія Аникиты, не согласился подчиниться мнѣнію папы и принять въ малоазійскія церкви римскій обычай празднованія Пасхи, — напротивъ, самого папу увѣщавалъ ввести малоазійскій обычай въ римскую Церковь. И разногласіе въ спорномъ вопросѣ не нарушило добрыхъ отношеній между двумя епископами;

римскій епископъ Аникита во время пребыванія св. Поликарпа въ Римѣ относился къ нему не какъ къ подчиненному или зависимому, а напротивъ какъ къ старѣйшему, особенно уважаемому сослужителю своему, и даже предоставлялъ ему первенство въ служеніи при совершеніи литургіи въ своей церкви.

3) Что въ римской Церкви иногда собирались соборы и осуждались лжеученія, уже осужденныя въ другихъ церквахъ, подобнаго рода факты въ первые вѣка христіанства встрѣчаются не въ одной римской, а и въ другихъ церквахъ. Еретикъ Валентинъ проповѣдывалъ свое ученіе сначала на востокѣ, потомъ въ Римѣ, поэтому и осужденъ былъ прежде на востокѣ, а потомъ вновь въ Римѣ. Также и многіе другіе еретики, лжеученія которыхъ распространялись изъ одной страны въ другую, бывали по нѣскольку разъ соборно осуждаемы, сначала въ одной своей мѣстной, потомъ въ другихъ церквахъ, куда распространялось заблужденіе. Такъ противъ ересей Савеллія и Павла Самосатскаго было нѣсколько соборовъ въ различныхъ церквахъ.

4) Что нѣкоторые лжеучители, именно Маркіонъ и Монтанъ, осужденные въ своихъ помѣстныхъ церквахъ, дѣлали попытки исходатайствовать себѣ разрѣшеніе въ римской Церкви, это показываетъ только хитрость помянутыхъ лжеучителей, желавшихъ провести свои заблужденія подъ покровомъ законнаго авторитета, если не въ той, то въ дру-

гой церкви, и ихъ неправильныя понятія о правѣ и судѣ церковномъ, позволявшія имъ надѣяться, что одна помѣстная церковь можетъ принять на себя право отмѣнять опредѣленія другой помѣстной церкви. Но сама же римская Церковь строго остерегалась усвоять себѣ такое право, незаконно въ личныхъ видахъ предлагаемое ей лжеучителями, и принимать въ церковное общеніе людей отлученныхъ въ другихъ церквахъ. Маркіону, отлученному отъ церкви его собственнымъ отцемъ, епископомъ понтійскимъ, и старавшемуся исходатайствовать себѣ разрѣшеніе въ римской церкви, римскій клиръ далъ такой отвѣтъ: „Мы не можемъ этого сдѣлать безъ дозволенія твоего достопочтеннаго отца,—такъ какъ у насъ вѣра одна и законоположеніе одно (т. е единаково обязательное какъ для понтійскаго, такъ и для римскаго епископа)“. Прописки Монтана въ Римѣ были успѣшнѣе. Пользуясь легкомысліемъ и опрометчивостью римскаго папы Виктора, онъ съумѣлъ, на нѣкоторое время, расположить его на свою сторону, и получить отъ него не *разрѣшеніе*, *а ходатайственныя грамоты о разрѣшеніи* къ епископамъ фригійскимъ и малоазійскимъ, осудившимъ Монтана. Но и то, какъ скоро Викторъ чрезъ нѣсколько времени узналъ правду о Монтанѣ, онъ поспѣшилъ возвратить назадъ *свои* ходатайственныя грамоты.

5) Что касается наконецъ до заявленій папы Виктора въ спорѣ о празднованіи Пасхи и папы Стефана въ спорѣ о крещеніи еретиковъ, то здѣсь

несомнѣнно въ первый разъ высказалось въ папахъ высокое сознаніе о ихъ верховной власти въ церкви, будто они старѣйшіе епископы—епископы надъ епископами, будто они имѣютъ право наблюдать за порядкомъ во всѣхъ церквахъ, требовать отъ другихъ церквей строгаго согласія съ уставами и обычаями римской Церкви, обличать, судить, и даже отлучать другихъ епископовъ. Но нужно припомнить, какъ приняты были эти заявленія римскихъ епископовъ въ другихъ церквахъ. Они встрѣтили дружный и рѣшительный отпоръ отъ другихъ епископовъ не только восточныхъ, но и западныхъ. Честолюбивымъ папамъ было поставлено на видъ, что никто изъ епископовъ не имѣетъ права именовать себя старшимъ епископомъ—епископомъ епископовъ, повелительно относиться къ другимъ епископамъ, требовать отъ всѣхъ согласія съ своимъ мнѣніемъ, во имя обычаевъ своей мѣстной церкви осуждать обычаи другихъ мѣстныхъ церквей, и наконецъ отлучать другихъ епископовъ отъ общенія своего, *подвергая себя самаго въ такомъ случаѣ опасности быть отлученнымъ отъ общенія всѣхъ*. Честолюбивыя притязанія папъ, такъ рѣзко выступившія въ противность господствовавшему въ христіанской церкви въ то время духу братства и свободы, были названы *неосновательными, нечестивыми, превышающими права власти епископской, безчестящими достоинство каѳедры блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла*. Подобнаго рода факты, конечно, гораздо

болѣе говорятъ противъ, нежели въ пользу римской мысли о главенствѣ папы въ церкви, будто бы начавшемся съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанской исторіи. Къ этимъ фактамъ можно прибавить еще указаніе на споръ извѣстнаго учителя церковнаго III вѣка, св. Ипполита, съ современнымъ ему папою римскимъ Каллистомъ. Несмотря на то, что св. Ипполитъ былъ епископъ непосредственно зависимый отъ римскаго епископа (онъ былъ епископъ пристани римской,—какъ бы викарій главнаго римскаго епископа), онъ не стѣснялся открыто и рѣзко уличать папу Каллиста въ ереси и безнравственности, и призывать его къ суду. Значитъ тогда въ самомъ Римѣ не было и мысли о непогрѣшимости и неподсудимости папъ.

Вообще, безпристрастно и внимательно разсматривая цѣлый общій строй христіанской жизни въ первые вѣка, нельзя найтти тамъ и малѣйшаго основанія къ тому предположенію, будто управленіе тогда въ церкви было подобное существующему теперь въ римско-католической Церкви, будто римскому, или какому либо другому епископу принадлежала тогда какая либо особенная верховная власть надъ прочими епископами. Всѣ епископы считались тогда равными въ своихъ существенныхъ правахъ. Пользовались нѣкоторые изъ нихъ преимущественнымъ уваженіемъ между другими, напр. епископы такъ называемыхъ каѳедръ апостольскихъ, т. е. основанныхъ самими апостолами,

начиная съ каѳедры іерусалимской церкви-матери церквей, пользовались также уваженіемъ епископы большихъ городовъ (митрополіи) отъ епископовъ городовъ меньшихъ, провинціальныхъ. Но это не давало никакихъ особенныхъ преимуществъ власти однимъ епископамъ надъ другими; и, главное, не было никогда признаваемо надъ всѣми епископами одного общаго правителя. Личныя достоинства давали преимущества и вліяніе въ церкви епископамъ то той, то другой каѳедры; и иногда епископъ самой незнатной каѳедры имѣлъ въ церкви вліянія гораздо болѣе епископовъ старѣйшихъ и знатнѣйшихъ каѳедръ. На римской каѳедрѣ въ первые три вѣка мы даже немного встрѣчаемъ вліятельныхъ личностей—менѣе, нежели на нѣкоторыхъ другихъ каѳедрахъ, напр. александрійской, антіохійской, карѳагенской. Ни одинъ изъ римскихъ папъ въ первые три вѣка не имѣлъ столько вліянія во всей церкви, сколько имѣли во 2-мъ вѣкѣ святые: Игнатій антіохійскій и Поликарпъ смирнскій, или въ 3-мъ вѣкѣ святые Кипріанъ карѳагенскій, Діонисій александрійскій или св. Григорій чудотворецъ, епископъ каѳедры неокесарійской, которая до него вовсе не существовала, и при возведеніи его въ епископскій санъ, состояла только изъ семнадцати вѣрующихъ, и которая тѣмъ не менѣе во время жизни св. Григорія сдѣлалась весьма извѣстна и вліятельна между другими.

V.

РАЗСМОТРѢНІЕ УЧЕНІЯ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ НА ОСНОВАНІИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ — ПЕРІОДА ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Съ 4-го до 9-го вѣка идетъ въ церковной исторіи періодъ вселенскихъ соборовъ. Самое это названіе показываетъ, что тогда въ церкви не было мѣста какому либо единоличному *монархическому* управленію, и верховною властью въ церкви считалась не власть папская, а власть вселенскихъ соборовъ.

Римско-католическіе ученые говорятъ, что и при вселенскихъ соборахъ главенство папы имѣло свое полное значеніе. Неоднократно были дѣлаемы попытки доказать, что самые вселенскіе соборы въ древней церкви (какъ на западѣ въ средніе вѣка) были созываемы папами,—папы будто бы и предсѣдательствовали на нихъ или лично, или въ лицѣ своихъ легатовъ, — ихъ вліяніемъ рѣшались дѣла на соборахъ, и всякое соборное опредѣленіе тогда только получало силу, когда было утверждаемо папою. Но исторія опровергаетъ всѣ эти положенія. 1) На созваніе вселенскихъ соборовъ въ древней церкви папы не имѣли никакого вліянія; всѣ вселенскіе соборы были созываемы греческими императорами. 2) Предсѣдательствовали на соборахъ не папы, — лично ни одинъ папа не

присутствовалъ ни на одномъ изъ вселенскихъ соборовъ,—и не легаты папскіе (на нѣкоторыхъ вселенскихъ соборахъ не было и легатовъ папскихъ,—напримѣръ на 2-мъ, на 5-мъ на 7-мъ, 3-й вселенскій соборъ также открытъ былъ до пріѣзда папскихъ легатовъ), а предсѣдательствовалъ на соборѣ обыкновенно тотъ изъ старѣйшихъ восточныхъ патріарховъ, который лично здѣсь присутствовалъ (напримѣръ на первомъ соборѣ Евстафій антіохійскій, на второмъ сначала Мелетій антіохійскій, нужно замѣтить непризнаваемый въ то время римскою церковію законнымъ архіепископомъ Антіохіи, потомъ послѣ его смерти Григорій Богословъ константинопольскій, и наконецъ по удаленіи его Тимоѳей александрійскій,—на третьемъ соборѣ предсѣдательствовалъ св. Кириллъ александрійскій, — на седьмомъ св. Тарасій константинопольскій. 3) Сила преобладающаго вліянія и рѣшенія дѣлъ на соборахъ отъ папъ или ихъ представителей зависѣла столько же, сколько и отъ другихъ православныхъ епископовъ, на сколько каждый изъ нихъ являлся вѣрнымъ представителемъ истины. На первомъ вселенскомъ соборѣ вліятельнѣе всѣхъ старѣйшихъ членовъ собора былъ молодой архідіаконъ александрійской церкви св. Аѳанасій великій, на третьемъ св. Кириллъ александрійскій, на седьмомъ св. Тарасій константинопольскій. На четвертомъ соборѣ (заочный) голосъ римскаго папы Льва великаго имѣлъ преобладающее вліяніе, и посламъ его на соборѣ ока-

зывалось особенное уваженіе, — но это не вслѣдствіе особенныхъ преимуществъ римской каѳедры, а потому что св. Левъ, по своимъ личнымъ достоинствамъ и твердости своихъ убѣжденій, былъ тогда вліятельнѣйшимъ пастыремъ христіанскаго міра, главнымъ защитникомъ православія противъ монофизитства, а старѣйшіе епископы востока были болѣе или менѣе замѣшаны въ спорахъ монофизитскихъ. Впрочемъ и здѣсь, дабы честолюбіе римское не воспользовалось случайнымъ преимуществомъ своего положенія, какъ извѣстно, нарочно сдѣлано было особенное подтвержденіе о равенствѣ правъ константинопольскаго патріарха съ римскимъ. На всѣхъ другихъ вселенскихъ соборахъ, кромѣ четвертаго, незамѣтно, чтобы голоса папъ или ихъ представителей имѣли какое либо преобладающее значеніе. 4) Сила и законность опредѣленій вселенскихъ соборовъ отъ утвержденія римскаго папы зависѣла всегда столько же, сколько и отъ утвержденія всякаго другаго патріарха. Рѣшенія соборовъ даже и тѣхъ, на которыхъ не присутствовали ни папы, ни ихъ представители, получали полную силу, и для этого не считалось нужнымъ, какъ въ средніе вѣка на западѣ, посылать ихъ въ Римъ на окончательное утвержденіе. Даже, если бы въ римской Церкви почему либо не нравились опредѣленія какого либо изъ соборовъ, это не подрывало ихъ значенія въ другихъ церквахъ. Такъ, извѣстно, римской Церкви непріятно было признать постанов-

ленія трулльскаго собора, сдѣлавшаго нѣсколько строгихъ замѣчаній противъ нѣкоторыхъ ея неправильныхъ обычаевъ. Это однакожъ не воспрепятствовало постановленіямъ трулльскаго собора получить значеніе, наравнѣ съ опредѣленіями другихъ вселенскихъ соборовъ. 5) Къ этому нужно прибавить, что древніе вселенскіе соборы, считая себя высшимъ органомъ церковной власти, признавали за собою право, по требованію обстоятельствъ, судить, какъ всякаго мірянина и клирика, нарушавшаго миръ церкви, такъ и епископа, такъ и всякаго старѣйшаго патріарха (какъ и судили многихъ патріарховъ александрійскихъ и константинопольскихъ и антіохійскихъ), такъ и римскаго папу. На шестомъ вселенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими патріархами константинопольскими и другими виновниками и покровителями заблужденія былъ осужденъ за монофелитство и римскій папа Гонорій. Ясное доказательство, что на вселенскихъ соборахъ не были признаваемы ни какое либо верховное главенство, ни непогрѣшимость, ни неподсудность папы.

„Но, говорятъ, сами вселенскіе соборы признавали за папою первенство между другими старѣйшими епископами (1-го всел. соб. прав. 6-е, 2-го всел. соб. прав. 3-е, 4-го соб. прав. 28-е)„ Это справедливо. *Первенство* за папами всегда признавала и восточная Церковь, и никогда не стала бы отказывать имъ въ немъ, если бы папы своими незаконными притязаніями и отступленіями отъ

православія не сдѣлали себя недостойными этого преимущества, усвоеннаго имъ *древними отцами церкви ради чести древняго царственнаго града*. Но первенство (primatus) не есть главенство (suprematus). Первенство бываетъ между равными (primus, inter pares), главенство надъ низшими и подчиненными. Первенство давало папамъ преимущественную честь между другими епископами, но никакой власти надъ ними. И тѣже самые соборы (2-й и 4-й), которые говорили о первенствѣ папы, какъ признанномъ фактѣ, во всемъ равняли права константинопольскаго епископа съ римскимъ. А 3-й вселенскій соборъ строго настаивалъ на томъ, чтобы даже во внѣшнихъ преимуществахъ, усвояемыхъ старѣйшимъ епископамъ церкви, не было дѣласмо нововведеній и разширеній, *дабы не питалась тѣмъ гордость мірскаго властолюбія* (2-го Всел. соб. прав. 3-е; 3-го соб. прав. 8-е 4-го соб. прав. 28-е; 6-го соб. прав. 36-е).

„Замѣчательнѣйшій изъ помѣстныхъ соборовъ 4-го вѣка соборъ сардикійскій (343) предоставилъ римскому папѣ Юлію право принимать апелляціи отъ епископовъ, и пересматривать спорныя дѣла между ними, уже рѣшенныя на помѣстныхъ епископскихъ соборахъ (сардик. собора прав. 3, 4, 5)„. Но соборъ сардикійскій былъ соборъ не вселенскій, а помѣстный, состоявшій изъ западныхъ епископовъ, и потому опредѣленіе его относилось только къ западному церковному округу, подчиненному папѣ. Тѣмъ правомъ, которое въ этомъ

опредѣленіи усвоилось римскому папѣ, пользовался въ извѣстной степени всякій патріархъ въ своемъ округѣ,—и халкидонскій вселенскій соборъ формально утвердилъ такое же право за патріархомъ константинопольскимъ. Была попытка разширить значеніе сардикійскаго правила. Уже въ концѣ IV вѣка приверженцы папской власти пытались присоединить его къ правиламъ никейскаго собора. Но эта попытка была обличена на одномъ изъ карѳагенскихъ соборовъ, который по этому случаю сдѣлалъ даже особенное постановленіе, вопреки сардикійскому правилу, не переносить дѣлъ на апелляцію въ Римъ изъ сѣверо-африканской церкви. Вообще нужно замѣтить, что предоставленное папѣ сардикійскимъ соборомъ право принимать апелляціи отъ епископовъ, и пересматривать дѣла мѣстныхъ соборовъ, даже до X вѣка, въ самыхъ западныхъ церквахъ не было безусловно признаваемо, и противъ него часто спорили, въ особенности епископы галльскіе, и въ самой Италіи медіоланскіе, равеннскіе, аквилейскіе, до тѣхъ поръ, пока папское всевластіе на западѣ Европы не подавило окончательно (уже въ X и XI вѣкѣ) самостоятельности мѣстныхъ церквей.

„Нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ формальными узаконеніями утверждали за папами преимущественныя права надъ другими епископами и церквами. Такъ въ 445 году западный императоръ Валентиніанъ III, по случаю нѣкоторыхъ неустройствъ въ галликанской Церкви, сдѣлалъ

постановленіе, которымъ папамъ предоставлялось право имѣть надзоръ надъ другими церквами, вызывать къ себѣ на судъ епископовъ другихъ церквей, опредѣленіямъ папскимъ усвоялась сила закона въ церкви, и папѣ давалось имя правителя (Rector) Церкви. Въ началѣ 7-го столѣтія византійскій военно-начальникъ Фока, безчеловѣчнымъ образомъ умертвившій императора Маврикія со всѣмъ его семействомъ, и занявшій его престолъ, когда былъ за это отлученъ отъ Церкви константинопольскимъ патріархомъ Кириакомъ, а римскій папа Бонифацій 3-й предложилъ ему снять это отлученіе, въ благодарность за расположеніе папское, съ своей стороны далъ папѣ грамоту, въ которой только ему одному предпочтительно предъ другими патріархами усвоялось титло *Вселенскаго* (изъ за котораго тогда спорили папы съ константинопольскими патріархами), и даже наименовалъ его главою Церкви". Эти факты справедливы. Но безъ сомнѣнія римско-католическимъ богословамъ не совсѣмъ удобно утверждать свой догматъ о главенствѣ папы въ церкви на указахъ императорскихъ, и притомъ такихъ, какъ помянутые указы Валентиніана и Фоки (*). Указъ Валентиніана 3-го, од-

(*) Еще одинъ подобный фактъ особеннаго вниманія государственной власти къ папамъ встрѣчается въ исторіи гораздо ранѣе — въ эпоху языческихъ императоровъ. Въ 272 году римскій императоръ Авреліанъ, овладѣвши царствомъ иновіи Пальмирской, услышалъ, что въ Антіохіи между

ного изъ послѣднихъ и слабѣйшихъ императоровъ западной римской имперіи (указъ вызванный притомъ особенными обстоятельствами), мало могъ имѣть значенія даже для епископовъ западныхъ церквей, въ особенности когда чрезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи этого указа западная римская имперія совсѣмъ пала,—по отношенію же къ вос-

---

христіанами происходятъ смуты изъ — за того, что бывшій тамъ епископъ Павелъ Самосатскій, за ересь и безнравственную жизнь осужденный церковнымъ соборомъ еще въ 269 г., и послѣ низложенія церковнаго, пользуясь покровительствомъ прежней царицы, не оставлялъ епископскаго мѣста. Авреліанъ, узнавши объ этомъ, приказалъ это дѣло рѣшить такъ, какъ присудятъ римскій и италійскіе епископы,—послѣ чего Павелъ Самосатскій и былъ изгнанъ изъ епископскаго дома. И этотъ фактъ нѣкоторыми римско-католическими писателями приводится въ подтвержденіе того, что судъ папы въ древней церкви считался верховнымъ. Весьма характеристично для римскаго богословія утверждать свой основный догматъ о главенствѣ папѣ на опредѣленіи языческаго императора. Что касается до смысла этого опредѣленія, то при безпристрастномъ обсужденіи дѣла представляется весьма естественнымъ, если Авреліанъ императоръ — язычникъ, конечно незнавшій хорошо внутреннихъ порядковъ, правъ и законовъ христіанской Церкви, опредѣлилъ рѣшить возникшее между христіанами на дальнемъ востокѣ дѣло такъ, какъ присудятъ представители наиболѣе извѣстнаго правительству и ближайшаго къ нему христіанскаго общества—римскій и италійскіе епископы (не одинъ римскій, а вмѣстѣ съ другими италійскими епископами). Но отсюда ни сколько не слѣдуетъ того, будто въ самой Церкви въ то время судъ папскій признавался верховнымъ судомъ, и самъ папа какимъ либо главою.

точной Церкви этотъ указъ не могъ имѣть никакого значенія. Указъ Фоки тѣмъ болѣе не могъ имѣть никакого значенія ни въ восточной, ни въ западной церкви, такъ какъ Фока былъ не законный императоръ, а узурпаторъ и царе-убійца, насиліемъ захвативший на нѣкоторое время власть въ свои руки, и затѣмъ казненный, какъ преступникъ, самымъ позорнымъ образомъ. Послѣ его смерти, конечно, должны были потерять силу и всѣ его незаконныя постановленія. Указъ Фоки для изслѣдователей исторіи папства представляетъ не опору для законнаго признанія папской власти, а развѣ позорное свидѣтельство о томъ, какъ папы старались пользоваться самыми темными обстоятельствами и незаконными средствами для своего возвышенія; этотъ указъ одно изъ позорныхъ пятенъ въ исторіи папства.

„Когда нѣкоторые изъ папъ, во время ост-готскаго владычества надъ Италіею, являлись въ Константинополь послами отъ королей ост-готскихъ, и потомъ, со временемъ Юстиніана, когда Италіею управляли императорскіе намѣстники, и папы опять иногда должны были являться въ Константинополь съ какими-либо ходатайствами за Италію,— въ Константинополѣ отъ самыхъ императоровъ византійскихъ папамъ былъ оказываемъ особенный почетъ,—такой почетъ, какого императоры не оказывали никому изъ восточныхъ патріарховъ, ни даже ближайшему ко двору константинопольскому патріарху“. Это также справедливо; но это не имѣетъ

никакого отношенія къ церковному главенству папъ. Императоры византійскіе, не всегда съ должнымъ уваженіемъ относившіеся къ зависѣвшимъ отъ нихъ (въ гражданскомъ отношеніи) и мало имѣвшимъ политическаго вліянія восточнымъ патріархамъ, имѣли особенныя основанія быть болѣе почтительными, иногда даже льстивыми по отношенію къ папѣ. Папа болѣе всѣхъ восточныхъ патріарховъ былъ независимъ по отношенію къ византійскимъ императорамъ, не только во время самостоятельнаго существованія западной римской имперіи или ост-готскаго владычества въ Италіи (въ V и первой половинѣ VI вѣка), но и во время византійскаго управленія въ Италіи (со второй половины VI до VIII вѣка). Папы имѣли большое политическое вліяніе въ Италіи, а потомъ и вообще на западѣ Европы. Черезъ нихъ могли поддерживать тамъ свое вліяніе и византійскіе императоры. Поэтому они имѣли особенныя побужденія ласкать папъ, даже льстить имъ. Папамъ дѣлаемы были въ Константинополѣ торжественныя встрѣчи и пріемы, но не какъ верховнымъ правителямъ церкви, а какъ представителямъ политическаго вліянія въ Италіи. И всѣ посольства и путешествія папъ въ Константинополѣ были предпринимаемы по гражданскимъ дѣламъ, и къ церковнымъ дѣламъ не имѣли отношенія. Иногда эти посольства даже совершенно не соотвѣтствовали церковнымъ обязанностямъ папъ, какъ напр. ост-готскій царь Ѳеодорикъ посылалъ въ Константинополь

папу Іоанна ходатайствовать за права аріанъ. На Церковь восточную, во время пребыванія въ Константинополѣ, папы не имѣли никакого вліянія. Наконецъ бывали и такіе случаи во время византійскаго управленія въ Италіи въ VII вѣкѣ, когда иные императоры (напр. Констансъ 2-й и Юстиніанъ 2-й) и ихъ намѣстники расправлялись съ папами не менѣе грубо и деспотично, какъ и съ другими епископами, подпадавшими опалѣ византійскаго двора. Это, конечно, не служитъ къ нравственному униженію папской власти, но показываетъ только, что придворныя отношенія императоровъ къ папамъ никакъ не могутъ служить мѣрою или показателемъ церковнаго значенія папъ въ разсматриваемое время.

Указываютъ наконецъ изъ исторіи смутъ церковныхъ между IV и IX вѣками нѣсколько частныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ будто объ особенномъ значеніи папъ въ церкви, показывающихъ будто бы, что папы тогда были и считались верховными рѣшителями дѣлъ и примирителями смутъ церковныхъ, защитниками угнетаемой правды, опорою колеблемаго православія. „Такъ въ IV вѣкѣ, когда въ защиту невинно изгнаннаго и преслѣдуемаго аріанникомъ императоромъ Констанціемъ св. Аѳанасія Великаго, восточные епископы не осмѣливались возвысить своего голоса, его мужественно принялъ подъ свое покровительство и оправдалъ римскій папа Юлій. Точно также въ началѣ V вѣка папа Иннокентій I-й сильнѣе всѣхъ возвысилъ свой

голосъ въ защиту невинно-преслѣдуемаго праведника св. Іоанна Златоустаго. Далѣе въ V вѣкѣ, въ спорахъ несторіанскихъ и евтихіанскихъ, сами старѣйшіе восточные епископы придаютъ особенное значеніе папамъ. Св. Кириллъ александрійскій, узнавъ о ереси Несторія, почтительно увѣдомляетъ о томъ папу Целестина, прося содѣйствія противъ еретика, и папа Целестинъ держитъ въ Римѣ соборъ, на которомъ осуждаетъ Несторія. При началѣ распрей между св. Флавіаномъ константинопольскимъ и еретикомъ Евтихіемъ, и тотъ и другой стараются склонить на свою сторону папу Льва Великаго, и папа Левъ пишетъ изложеніе вѣры, которое даетъ твердую опору истинѣ противъ заблужденія, и которое самимъ вселенскимъ халкидонскимъ соборомъ признается за образецъ чистаго православія. Въ половинѣ VII вѣка папа св. Мартинъ является твердою опорою православія противъ покровительствуемаго императоромъ Константомъ 2 монофелитства. Въ VIII и IX вѣкахъ во время гоненій на православіе отъ императоровъ иконоборцевъ, константинопольскіе защитники православія (напр. св. Ѳеодоръ Студитъ) также ищутъ въ Римѣ опоры для противодѣйствія ереси". Всѣ эти факты безъ сомнѣнія дѣлаютъ честь римской каѳедрѣ и ея замѣчательнѣйшимъ представителямъ. Но не мало можно указать и между представителями другихъ каѳедръ (напр. константинопольской или александрійской) такихъ личностей, которыя въ извѣстныя времена являлись

твердою опорою православія, защитниками угнетаемой справедливости, разрѣшителями и умирителями споровъ церковныхъ. Развѣ имена свв. Аѳанасія и Кирилла александрійскихъ, св. Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, или свв. Германа, Никифора, Тарасія константинопольскихъ, св. Василія Великаго кесарійскаго, св. Софронія, патріарха іерусалимскаго и многихъ другихъ св. пастырей восточныхъ можно въ этомъ отношеніи поставить ниже именъ папъ: Юлія, Иннокентія, Целестина, и даже св. Льва Великаго и Мартина? Всѣ приведенные здѣсь факты изъ исторіи римской каѳедры, взятые на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ, показываютъ только, что и на римской каѳедрѣ, также, какъ и на другихъ, являлись замѣчательныя личности, имѣвшія въ свое время большое вліяніе, заправлявшія важнѣйшими дѣлами въ Церкви, но не показываютъ, чтобы сама по себѣ римская каѳедра, во все продолженіе времени между IV и IX вѣками, имѣла какое-либо главенство во всей Церкви. Притомъ, чтобы каждый изъ этихъ фактовъ можно было понять и объяснить вполнѣ безпристрастно и точно, нужно разсматривать ихъ въ связи съ другими фактами, имѣющими къ нимъ ближайшее отношеніе, въ связи съ тѣми условіями и обстоятельствами времени, среди которыхъ эти факты совершались; тогда эти факты представятся не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ угодно выставлять ихъ римско-католическимъ ученымъ, Папѣ Юлію, конечно, дѣлаетъ

честь то, что онъ защищалъ св. Аѳанасія Великаго въ то время, какъ восточные епископы не смѣли возвысить свой голосъ за него; но, независимо отъ твердаго православнаго убѣжденія Юлія, нужно принять во вниманіе и то, что ему и вообще западнымъ епископамъ въ то время было гораздо удобнѣе, нежели восточнымъ, стоять за православіе и за Аѳанасія, потому что западные епископы находились подъ владычествомъ западнаго императора Констанса, приверженнаго къ православію и лично расположеннаго къ Аѳанасію, а восточные епископы, подъ деспотическою властью аріанина Констанція, преслѣдователя Аѳанасія и всѣхъ православныхъ. Когда перемѣнились обстоятельства, когда Констанцій, по смерти брата, сдѣлался единодержавнымъ обладателемъ всей римской имперіи,—и изъ западныхъ епископовъ, по слабости человѣческой, многіе поколебались, и отступились отъ Аѳанасія даже такіе пастыри, какъ преемникъ Юлія, Либерій, папа римскій, и мужъ испытанной твердости убѣжденій и высокой нравственности, престарѣлый Осія кордовскій. Точно также Иннокентію 1-му было гораздо свободнѣе, нежели кому-либо изъ восточныхъ епископовъ, протестовать противъ несправедливаго изгнанія св. Златоуста,—потому что онъ жилъ во владѣніяхъ западнаго императора Гонорія, также возмущеннаго ссылкою Златоуста, а не восточнаго Аркадія, по вліянію жены своей изгнавшаго Златоуста. Вообще нельзя не согласиться съ тѣмъ,

что въ отношеніяхъ къ императорамъ византійскимъ римскіе епископы могли держаться самостоятельнѣе восточныхъ епископовъ, — но не потому, чтобы имъ принадлежалъ какой-либо верховный неприкосновенный авторитетъ въ Церкви, а потому, что въ политическомъ отношеніи они стояли къ императорамъ болѣе независимо во все продолженіе времени между 4-мъ и 9-мъ вѣками, не исключая даже и того времени, когда Италія (со временъ Юстиніана до Льва Исаврійскаго) находилась подъ управленіемъ византійскихъ намѣстниковъ; императоры, какъ мы замѣтили, въ иныхъ случаяхъ, даже имѣли побужденія заискивать расположенія папы,—опять повторимъ — не ради его церковнаго авторитета, а ради его политическаго вліянія.... Указанные выше факты изъ исторіи смутъ несторіанскихъ и монофизитскихъ также не служатъ подтвержденіемъ мысли о главенствѣ папы. Св. Кириллъ александрійскій извѣщалъ папу Целестина (и не его одного) о ереси Несторія, и св. Флавіанъ константинопольскій папу Льва Великаго о ереси Евтихія, не какъ подчиненные верховныхъ начальниковъ и судей, а какъ братья братьевъ и сослужителей, пожалуй старѣйшихъ—почетнѣйшихъ, но не болѣе того. Таковъ былъ общій обычай между древними пастырями—извѣщать другъ друга объ опасностяхъ, возникавшихъ въ Церкви. И приговоръ папы Целестина по дѣлу Несторія, положенный на римскомъ соборѣ, и Льва Великаго по дѣлу Евтихія,

при всей ихъ справедливости, не были приняты за окончательныя рѣшенія дѣла (слѣдовательно судъ папы не считался высшею инстанціей въ дѣлахъ церковныхъ). Для окончательнаго суда надъ Несторіемъ созванъ вселенскій соборъ ефесскій, а для суда надъ Евтихіемъ вселенскій соборъ халкидонскій (слѣдовательно судъ вселенскихъ соборовъ былъ выше суда папскаго, что несомнѣнно и изъ другихъ вышеприведенныхъ фактовъ). Во время смутъ монофелитскихъ, при императорѣ Констансѣ, папа Мартинъ между всѣми епископами явился самою твердою опорою православія; но еще ранѣе его былъ такимъ же твердымъ защитникомъ православія противъ монофелитства св. Софроній, патріархъ іерусалимскій,—и вмѣстѣ съ св. Мартиномъ не менѣе твердымъ защитникомъ православія св. Максимъ исповѣдникъ, даже не епископъ. Слѣдовательно и этотъ фактъ, несомнѣнно служащій къ похвалѣ св. Мартина, не имѣетъ значенія для возвеличенія идеи папства.. Во время смутъ иконоборческихъ папы: Григорій 2-й, Григорій 3-й и ихъ преемники смѣло протестовали противъ насильственныхъ дѣйствій императоровъ—иконоборцевъ. И это нисколько не удивительно. Насильственныя и возмутительныя дѣйствія императоровъ — иконоборцевъ вызывали смѣлыхъ обличителей въ самомъ Константинополѣ между ближайшими подданными этихъ императоровъ, которыхъ жизнь зависѣла отъ ихъ воли, и которые, дѣйствительно, платились тяжкими стра-

даніями и самою жизнью за свои смѣлыя обличенія. Папамъ же въ то время протестовать противъ императоровъ византійскихъ было гораздо свободнѣе. Они уже не были подданными византійскими; съ Григорія 2-го они отложились отъ Византіи. Папы сильны были своимъ вліяніемъ на западѣ; они закрѣпили свое положеніе союзомъ съ сильными правителями Франціи, карловингами, въ лицѣ которыхъ они прямо указывали себѣ крѣпкихъ защитниковъ въ отвѣтъ на угрозы двора византійскаго. Въ самомъ народѣ папы на западѣ не имѣли противъ себя такой сильной партіи противниковъ иконопочитанія, какая была на востокѣ. Папы очень хорошо знали, что ихъ смѣлый протестъ противъ императоровъ—иконоборцевъ будетъ сочувственно поддержанъ итальянскимъ народомъ, — тѣмъ болѣе, что этотъ протестъ имѣлъ не религіозное только, а едвали не главнымъ образомъ политическое значеніе. Папа Григорій 2-й, начавшій этотъ протестъ имѣлъ въ виду, не только обличить иконоборческое нечестіе Льва Исаврянина, но и возбудить народъ итальянскій къ сверженію давно уже тяготившаго его византійскаго господства,—что ему и удалось сдѣлать. Такимъ образомъ смѣлыя дѣйствія папъ во время смутъ иконоборческихъ имѣютъ даже, можетъ быть, не столько церковное, сколько политическое значеніе. Не удивительно и то что эти смѣлыя дѣйствія вызывали восторженное сочувствіе во многихъ константинопольскихъ про-

тивникахъ иконоборчества. Скажемъ болѣе, неудивительно, если въ эти времена, ко 2-й половинѣ 9-го вѣка начала образовываться въ Константинополѣ, и между льдьми весьма благонамѣренными, хотя можетъ быть и не очень дальновидными, партія особенно расположенная къ папству. Въ виду возмутительныхъ насилій, нерѣдко въ это время угнетавшихъ церковь константинопольскую со стороны государственной власти, съ другой стороны въ виду того высокаго положенія, какого достигла на западѣ папская власть, въ это время уже не только сдѣлавшаяся независимою отъ государственной власти, но и сама начинавшая заявлять стремленія къ преобладанію надъ государственной властью, — неудивительно, если въ Константинополѣ нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ ревнителей православія и независимости церковной начинали склоняться къ той мысли, чтобы утвердить въ Римѣ опору и для самостоятельности восточной церкви, власть папскую противопоставить власти государственной. Эта зараждавшаяся партія, кажется, главнымъ образомъ образовывалась въ знаменитомъ Студійскомъ монастырѣ, бывшемъ тогда главною твердынею православія и противодѣйствія власти государственной, угнетавшей самостоятельность церковную. Отсюда то, въ половинѣ 9-го вѣка, и вышла большая часть тѣхъ приверженцевъ низверженнаго патріарха Игнатія, которые въ Римѣ искали суда на Варду и Фотія, и между которыми были несомнѣнно личности

весьма почтенныя, видѣвшія въ борьбѣ между партіями патріарховъ Игнатія и Фотія, борьбу самостоятельности церковной противъ деспотизма государственныхъ и придворныхъ вліяній, но не совсѣмъ правильно понимавшіе положеніе дѣла, и имѣвшіе неправильныя понятія о безкорыстіи папскаго покровительства и суда. Тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ и на всемъ востокѣ, въ то время, какъ и всегда, далеки были отъ того, чтобы признаніемъ папскаго главенства, на мѣстѣ деспотизма государственнаго, по временамъ стѣснявшаго *внѣшнюю* свободу церкви, закрѣплять надъ собою самодержавно іерархическій деспотизмъ папскій, угрожавшій подавить самую *внутреннюю* свободу церкви, какъ она подавлена была впослѣдствіи на западѣ. Что константинопольская и вся восточная церковь была далека отъ этого,—это доказываетъ вся дальнѣйшая исторія восточной церкви. Конечно, не патріархъ Фотій удержалъ или отклонилъ восточную церковь отъ признанія главенства папы, будто бы уже утвердившагося или готоваго утвердиться въ ней. Такое предположеніе не имѣетъ историческаго смысла; личность Фотія, какъ бы она не была сильна и вліятельна, не могла бы отвлечь восточную церковь отъ подчиненія папѣ, если въ ней было расположеніе къ тому. Но въ томъ то и дѣло, что въ восточной церкви, свято хранившей древнія церковныя преданія и оберегавшейся отъ всякихъ человѣческихъ измышленій, вовсе не было тѣхъ идей и располо-

женій въ пользу папства, какія къ 9-му вѣку стали распространяться въ западной церкви, начинавшей уклоняться отъ древняго строя вселенско-церковной жизни. Патріархъ Фотій въ отрицаніи папскихъ притязаній былъ только представителемъ древнихъ преданій восточной и всей вселенской церкви, — и въ томъ его существенная заслуга и величіе въ исторіи восточной и всей вселенской церкви (*).

(*) Нѣкоторые изъ новыхъ римско-католическихъ ученыхъ (Мёлеръ, Ньюманъ, кардиналъ Виземанъ, аббатъ Пассалья, изъ самыхъ новѣйшихъ Пихлеръ, извѣстный авторъ „Исторіи раздѣленія Церквей“ сознаются, что въ древней христіанской церкви (первыхъ восьми вѣковъ) не было ясно выработаннаго признанія папской идеи, — что идея папскаго главенства, какъ всякая историческая идея, имѣла свое постепенное развитіе, въ первые вѣка христіанства; высказывалась она незамѣтно, затѣмъ до 9-го вѣка болѣе и болѣе росла и развивалась, наконецъ въ средніе вѣка въ западной Церкви явилась въ полномъ своемъ развитіи. Самое возникновеніе такого взгляда между римско-католическими учеными свидѣтельствуетъ, что идея папства въ самомъ католицизмѣ значительно колеблется. Этотъ взглядъ есть уже отступленіе отъ строгаго католическаго воззрѣнія. Для насъ со стороны католическихъ ученыхъ важно признаніе, что идея папства есть только *историческая, а не догматическая* (въ собственномъ смыслѣ этого слова) идея. Она развилась вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ и слѣдовательно вслѣдствіе другихъ новыхъ историческихъ обстоятельствъ можетъ ослабѣть и совершенно пасть. Эту мысль и мы признаемъ совершенно справедливою; только въ примѣненіи даемъ ей гораздо болѣе широкій смыслъ, нежели новѣйшіе либеральные

VI.

РАЗСМОТРѢНІЕ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ, ЗАИМСТВУЕМЫХЪ ИЗЪ ПИСАНІЙ ДРЕВНИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И ИЗЪ БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Не имѣя возможности точнымъ представленіемъ историческихъ фактовъ оправдать свою мысль о признаніи главенства папы въ древней Церкви, римско-католическіе ученые стараются, покрайней мѣрѣ, укрѣпить ее свидѣтельствами отдѣльныхъ личностей, имѣвшихъ значеніе въ древней Церкви.

римско-католическіе ученые. Но съ признаніемъ историческаго развитія идеи папства, по нашему мнѣнію, должно отрицаться догматическое значеніе этой идеи Догматы вѣры — божественныя истины, данныя человѣчеству чрезъ откровеніе и составляющія основныя начала христіанства, не подчиняются условіямъ историческаго развитія въ томъ смыслѣ, въ какомъ подлежатъ ему всякія другія идеи человѣческаго происхожденія. Различныя условія историческаго развитія въ извѣстной степени могутъ отражаться на ихъ внѣшней формѣ, въ различныхъ способахъ ихъ научнаго опредѣленія, раскрытія, уясненія, доказыванія. Но самое содержаніе ихъ остается неизмѣнно равнымъ себѣ,—при всѣхъ различныхъ условіяхъ историческаго развитія, остается такимъ жъ, какимъ это содержаніе первоначально дано божественнымъ откровеніемъ. Догматы о Троичности Лицъ въ Богѣ или о воплощеніи Христовомъ и до нынѣ остаются въ своей сущности таковы же, каковы они были, начиная съ первыхъ временъ

Для этого они выискиваютъ у древнихъ писателей различныхъ вѣковъ — преимущественно у писателей западныхъ — отдѣльныя фразы и отзывы, въ которыхъ высказываются уваженіе и похвала апо-

---

христіанства во всѣ вѣка въ православномъ мірѣ. Ни провозглашеніе вѣры христіанской господствующею при Константинѣ Великомъ, ни паденіе западной римской имперіи, ни нашествіе варваровъ на Европу, ни паденіе Византіи, ни другія важнѣйшія историческія событія ничего не прибавили, не убавили въ содержаніи и смыслѣ этихъ догматовъ. Между тѣмъ развитіе папской идеи именно находилось въ зависимости отъ такихъ обстоятельствъ, какъ паденіе западной римской имперіи, утвержденіе въ Европѣ новыхъ племенъ и государствъ, возвышеніе Карловингской монархіи, ослабленіе христіанскаго востока, крестовые походы, — и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, еще болѣе частныхъ, внѣшнихъ и случайныхъ. Слѣдовательно идея папства есть дѣйствительно идея историческая т. е. человѣческая, временная, переходящая, а не догматическая — Божественная, вѣчная, неизмѣняемая. Далѣе, относительно самаго процесса развитія папской идеи мы должны замѣтить, что въ воззрѣніяхъ на этотъ процессъ мы во многомъ не можемъ согласиться даже и съ такими нестрогими католическими учеными, каковъ напр. Пихлеръ. Во первыхъ несправедливо, что развитіе папства всегда совершалось будто бы само собою, какъ законный историческій процессъ самой церковной жизни, естественно и послѣдовательно, безъ особенныхъ усилій со стороны самаго папства. Папство развивалось и укрѣплялось, часто опираясь на внѣшнюю силу, на политическое вліяніе, иногда при посредствѣ насилій, обмановъ, каковы лжеисидоровскія декреталіи, гильдебрандовскія реформы, усиленная пропаганда папской идеи монашествующими и рыцарскими орденами, дѣйствія инквизиціи и т. под. Далѣе — несправедливо то, что развитіе папской идеи

столу Петру, какъ первоверховному апостолу, или римской Церкви, какъ знаменитѣйшей между церквами, или какому-либо папѣ, какъ первенствующему епископу въ христіанскомъ мірѣ; въ каждомъ изъ этихъ отрывочныхъ выраженій католическіе ученые стараются представить неопровержимое свидѣтельство въ пользу той мысли, что за папою признаваема была верховная власть въ древней церкви. Такихъ свидѣтельствъ приводится очень много. Смыслъ ихъ тщательно разобранъ многими православными писателями греческими и русскими; неоднократно было доказано, что эти

съ первыхъ вѣковъ христіанства до 9-го вѣка шло постоянно и постепенно, и потомъ съ такою же постепенностью продолжалось въ западной Церкви послѣ 9-го вѣка. Въ первые восемь вѣковъ, если и сказывались нѣкоторыя—такъ сказать—первыя обнаруженія папской идеи (т.—е. папскихъ стремленій къ господству надъ церковью), то именно не постепенно, а отрывочно, временами, когда на папскомъ престолѣ появлялись честолюбивыя личности, или папскій престолъ находился въ какихъ-либо особенныхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ; притомъ подобныя стремленія и идеи высказывались преимущественно относительно западной Церкви, въ которой издавна римская Церковь пользовалась особеннымъ уваженіемъ. Съ 9-го же вѣка, а преимущественно со временъ Гильдебранда, стремленіе къ господству не надъ западною одною только церковью, но надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, сдѣлалось постояннымъ преданіемъ (потомъ и догматическимъ вѣрованіемъ) въ римской Церкви, и стало осуществляться на практикѣ не только болѣе и болѣе *прогрессивно и усиленно, но и насильственно.*

свидѣтельства имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ, а не тотъ, какой придается имъ въ римскомъ богословіи. Тѣмъ не менѣе добросовѣстность римско-католической науки не смущается и доселѣ, въ пользу предзанятой мысли, пользоваться такими аргументами, несостоятельность которыхъ съ очевидностью доказана; и доселѣ многими католическими учеными въ подтвержденіе догмата о главенствѣ папы приводятся такія свидѣтельства, которыя многократно были опровергнуты восточными полемистами. Въ краткомъ очеркѣ католическаго ученія намъ нѣтъ возможности разсмартивать подробно эти свидѣтельства. Достаточно указать тѣ общіе пріемы, посредствомъ которыхъ римско-католическіе ученые стараются обращать ихъ въ пользу своей предзанятой мысли. Вообще эти свидѣтельства приводятся отрывочно, внѣ связи съ полнымъ смысломъ рѣчи, изъ которой заимствуются, съ натянутыми и преувеличенными объясненіями, нерѣдко съ искаженіемъ смысла, съ опущеніемъ подлинныхъ и вставкою неподлинныхъ словъ; иногда даже извѣстнымъ древнимъ писателямъ приписываются такія мысли и выраженія, какія нигдѣ не были ими высказываемы. Все это съ достаточною очевидностію въ разныя времена было раскрываемо православными учеными. При подобномъ способѣ доказательствъ, конечно, можно доказать, какую угодно мысль. Нужно притомъ замѣтить, что большая часть свидѣтельствъ въ пользу главенства папы заимствуется римскими богословами у писа-

телей западныхъ церквей, въ которыхъ издавна было распространено особенное уваженіе къ римской Церкви, какъ Церкви знаменитѣйшей и не имѣющей себѣ равной на всемъ Западѣ (но имѣющей нѣсколько равныхъ себѣ на Востокѣ), какъ къ матери большей части западныхъ Церквей (но не имѣющей такого значенія по отношенію къ восточнымъ церквамъ). Нельзя, наконецъ не подивиться тому, что римско-католическіе ученые не смущаются приводить свидѣтельства въ подтвержденіе верховной власти папъ и изъ такихъ писателей, о которыхъ извѣстно, что они горячо боролись противъ притязаній папства на верховную власть, даже изъ такихъ сочиненій ихъ, которыя прямо писаны были противъ подобныхъ притязаній (напр. изъ писемъ св. Кипріана карѳагенскаго и Фирмиліана каппадокійскаго, писанныхъ противъ превозношенія папы Стефана). Приверженцамъ догмата о главенствѣ папы достаточно встрѣтить у какого-либо древняго писателя самую незначительную фразу съ выраженіемъ похвалы или уваженія объ апостолѣ Петрѣ, или о римской церкви, или о комъ-либо изъ древнихъ достойныхъ уваженія папъ, чтобы вывести изъ такой фразы признаніе главенства папы во всей древней Церкви. Повторяемъ, подобнымъ способомъ доказательствъ можно доказать какую угодно мысль.

Напрасно римско-католическіе ученые мало обращаютъ вниманія на свидѣтельства другаго рода, изъ которыхъ можно бы было видѣть, что въ

древней Церкви не было и не могло быть признания одной какой—нибудь верховной главы, что тамъ тщательно предупреждались всякія попытки къ преобладанію надъ церковью, что восточныя Церкви вели свои дѣла совершенно независимо отъ Церкви римской, и многіе западные епископы въ своихъ округахъ считали себя такими же самостоятельными правителями Церкви, какъ и римскій папа. Такихъ свидѣтельствъ, въ которыхъ бы или буквально выражались, или ясно видны были эти положенія, у древнихъ писателей не только восточныхъ, но и западныхъ, можно найтти много. Блаженный Іеронимъ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ западныхъ писателей конца IV вѣка, говорилъ: „если разсуждать объ авторитетѣ (церковномъ), то міръ больше Рима. Гдѣ бы ни былъ епископъ—въ Римѣ или на Дону, или въ Евгубіи (Eugubium одно изъ незнатныхъ епископствъ въ Италіи, недалеко отъ Рима), онъ имѣетъ тоже достоинство, тоже священство. Огромное богатство и смиренное убожество не дѣлаютъ епископа ни высшимъ, ни низшимъ. Всѣ они равно преемники апостоловъ“. Когда во второй половинѣ шестаго вѣка константинопольскіе патріархи, по волѣ императора и епископовъ восточныхъ, стали усвоять себѣ наименованіе вселенскихъ патріарховъ, хотя это наименованіе было только почетнымъ титуломъ и вовсе не выражало стремленія подчинить одной каѳедрѣ всю вселенскую Церковь, папы римскіе первые возстали противъ этого

наименованія, находя въ немъ безразсудную гордость, оскорбленіе правъ другихъ епископовъ, угнетеніе свободы церковной, опасность для самой вѣры. Вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ тогдашній папа—знаменитѣйшій изъ римскихъ папъ—св. Григорій Великій: „Этою безразсудною надменностію возмущается миръ всей Церкви, оскорбляется благодать, сообщенная другимъ епископамъ. Никто изъ апостоловъ, никто изъ святыхъ не хотѣлъ называться вселенскимъ; всѣ они принадлежатъ къ тѣлу Господню, состоятъ въ числѣ членовъ Церкви.... Если вселенскимъ назовется одинъ патріархъ, у прочихъ отнимется имя патріарха. Но этого не должно быть! Прочь отъ мысли христіанской чье бы то ни было желаніе усвоять себѣ то, чѣмъ умаляется въ какомъ—нибудь отношеніи честь собратій... Убоимся быть причисленными къ тѣмъ, которые любятъ „предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія на синагогахъ, и привѣствія въ народныхъ собраніяхъ и чтобъ люди звали ихъ: учитель, учитель! Христосъ сказалъ: „Вы не называетесь учители; одинъ у васъ учитель Христосъ; вы же всѣ братья.... Кто хочетъ между вами быть первымъ, пусть будетъ вамъ рабомъ". Никого и никогда не должно называть вселенскимъ, чтобы себя не лишить должнаго, когда другому усвоятся не должное. И никто не долженъ принимать этого названія, ни соглашаться на него. Но, какъ подобаетъ служителямъ Бога всемогущаго, каждый пусть хранитъ

себя отъ этой ядовитой заразы, и не восхищаетъ себѣ мѣста коварнаго обольстителя, ибо оно наноситъ обиду, ведетъ къ разрыву всей Церкви, соединено съ презрѣніемъ ко всѣмъ. Если называющійся вселенскимъ впадетъ въ заблужденіе, то уже не найдется ни одного епископа, стоящаго въ правдѣ; если одинъ вселенскій, то прочіе не епископы; если одного епископа назвать вселенскимъ, при паденіи этого единаго падетъ вся Церковь. Я смѣло говорю: кто называетъ себя, или желаетъ, чтобъ другіе называли его вселенскимъ святителемъ, тотъ превозношеніемъ своимъ предшествуетъ антихристу, надменно поставляя себя выше прочихъ. Какъ тотъ сынъ погибельный хочетъ показаться Богомъ надъ всѣми людьми, такъ и этотъ, кто бы онъ ни былъ, желающій называться единственнымъ святителемъ, возносится надъ прочими святителями". Какое ясное и сильное опроверженіе всѣхъ папскихъ притязаній отъ лица знаменитѣйшаго изъ папъ (*)!

(*) Нѣкоторые предполагаютъ, что папа Григорій Великій потому только такъ сильно возставалъ противъ наименованія *вселенскій*, что наименованіе это въ его время было усвоено константинопольской, а не римской каѳедрѣ; порицая въ другихъ стремленіе къ преобладанію въ Церкви, онъ самъ, говорятъ, стремился къ нему, называлъ себя преемникомъ апостола Петра, какъ перваго изъ апостоловъ, и болѣе, чѣмъ другой кто-либо изъ папъ, сдѣлалъ для возвышенія римской каѳедры. Послѣднее справедливо; едвали кто изъ папъ своими нравственными достоинствами и своею дѣятельностію способствовалъ

Есть еще оригинальный пріемъ аргументаціи, посредствомъ котораго приверженцы догмата о главенствѣ папы стараются доказать, будто не только древняя вселенская Церковь признавала,

---

столько возвышенію римской каѳедры, какъ Григорій Великій. Но чтобы онъ намѣренно направлялъ свою дѣятельность къ пріобрѣтенію преобладанія во всей Церкви, это едвали можно сказать. Истинное величіе возвышается само собою, когда и нисколько не заботится о своемъ возвышеніи. Изъ писемъ Григорія Великаго къ патріархамъ восточнымъ—Анастасію антіохійскому и Евлогію александрійскому видно, что онъ и себѣ не желалъ усвоять того, что порицалъ въ другихъ. Когда антіохійскій патріархъ въ письмѣ своемъ назвалъ его *вселенскимъ папою*, и употребилъ выраженіе: *какъ вы приказали;* св. Григорій въ отвѣтъ на это писалъ: „Прошу васъ удалить отъ моего слуха это это слово: *приказаніе*. Я знаю, кто я, и кто вы; по мѣсту вы мнѣ братья, а по добродѣтели отцы... Подобныхъ словъ вы не должны писать ни мнѣ, ни кому-либо другому... Вы называете меня *вселенскимъ папою*. Прошу васъ болѣе этого не дѣлать: ибо у васъ самихъ отнимается то, что дается другому сверхъ надлежащаго. Я ищу славы не въ наименованіяхъ, а въ добродѣтеляхъ, и не почитаю честью то, что лишаетъ чести моихъ братьевъ. Честь для меня то, что служитъ честью для церкви вселенской. Честь моя непоколебимая сила моихъ братьевъ. Я тогда истинно почтенъ, когда каждому воздается должная честь. Когда ваша святость называетъ меня папою вселенскимъ, то отнимаетъ у себя это достоинство. Да не будетъ сего! Да удалятся слова, надмѣвающія тщеславіе и оскорбляющія любовь". Григорій Великій считалъ для себя великою честью именоваться преемникомъ каѳедры св. апостола Петра, но въ такой же степени приписывалъ эту честь и патріархамъ: александрійскому и антіохійскому. Три каѳедры—римскую, александрійскую и ан-

но и нынѣшняя восточная Церковь, хотя сама того не сознавая, исповѣдуетъ этотъ догматъ. Доказательства на это они находятъ въ богослужебныхъ книгахъ православной восточной Церкви. Въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ — въ службахъ апостолу Петру и тѣмъ изъ древнихъ папъ римскихъ, которые и западною и восточною Церковью признаются святыми — напримѣръ св. Клименту, Сильвестру, Льву Великому, Григорію Двоеслову, св. Мартину, встрѣчаются похвальныя выраженія такого рода: св. Петръ называется *основаніемъ, похвалою, утвержденіемъ церкви, камнемъ вѣры, ключаремъ небеснаго царствія, первымъ верховнымъ апостоломъ*; св. Климентъ — *твердынею церкви, столпомъ благочестія, преемникомъ престола Петрова*, св. Левъ — *столпомъ православія, твердымъ основаніемъ вѣры, сіяртйшимъ верховнаго собора, наслѣдникомъ престола Петрова, свѣтильникомъ вселенной* и т. д. Конечно всѣ подобныя выраженія никакого особеннаго догматическаго значенія не имѣютъ, и ничего другаго не доказываютъ, кромѣ усердія Церкви къ прославленію помя-

---

тіохійскую, основанныя апостоломъ Петромъ, онъ признавалъ какъ бы за одну каѳедру, и всѣмъ тремъ усвоялъ равную честь. Это ясно выражалъ онъ въ письмѣ къ Евлогію, александрійскому патріарху. Такія разсужденія совершенно противорѣчатъ римско-католическому воззрѣнію, будто папа есть исключительно преемникъ апостола Петра, и на этомъ основаніи, глава вселенской Церкви.

ти св. людей, бывшихъ ея славою при жизни. Выраженія, подобныя тѣмъ, которыми Церковь ублажаетъ память св. апостола Петра, находятся и въ службахъ другимъ апостоламъ. Точно также неменьшими, а въ иныхъ случаяхъ еще и большими похвалами, нежели каковыя находятся въ службахъ св. Клименту римскому, Льву и Григорію Великимъ, Церковь ублажаетъ и многихъ другихъ—восточныхъ св. отцевъ. А трехъ извѣстныхъ св. учителей 4-го вѣка—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго православная Церковь не въ отдѣльныхъ только службахъ, составленныхъ въ честь ихъ, но почти на всѣхъ службахъ своихъ ублажаетъ, какъ *великихъ іерарховъ, вселенскихъ учителей и святителей.* Изъ этого однакоже вовсе не слѣдуетъ, что бы эти великіе іерархи были какими-либо главами надъ другими іерархами, и чтобы имъ приписывалась полнота ученія и святительства для всей вселенской Церкви (какъ сосредоточивается она, по ученію римскаго богословія, въ папѣ). Тѣмъ менѣе кому-либо могло бы притти на мысль утверждать такія права за самыми мѣстами ихъ служенія—за каѳедрою кесарійскою, на которой святительствовалъ св. Василій великій, и константинопольскою, гдѣ возсѣдали Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Между тѣмъ приверженцы папства изъ вышеприведенныхъ и подобныхъ имъ похвальныхъ выраженій объ апостолѣ Петрѣ и св. папахъ Климентѣ, Львѣ, Григоріѣ, Мартинѣ, дѣлаютъ именно

такое заключеніе, будто наша Церковь признавала и признаетъ апостола Петра княземъ апостоловъ, и папъ главами Церкви .. По истинѣ оригинальный способъ заключенія! Безъ сомнѣнія, самой восточной Церкви и ея чадамъ лучше, чѣмъ кому бы то ни было, знать, что̀ признаетъ, и во что̀ вѣритъ восточная Церковь. И, конечно, никто не увѣритъ насъ въ томъ, будто мы признаемъ папу главою Церкви, когда мы слишкомъ далеки отъ такого признанія.... Нужно сказать, что этотъ замѣчательный способъ доказательства въ пользу папской идеи изобрѣтенъ и употребляется въ дѣло не столько истыми римско-католическими учеными, изъ которыхъ едвали кто когда и изучалъ наши богослужебныя книги, сколько *тѣми отступниками* отъ православія, которые, сдѣлавшись приверженцами папства, стараются и самихъ себя и другихъ увѣрить, что они не измѣнили ученію восточной Церкви. Первоначально этотъ способъ доказательства былъ пущенъ въ ходъ во время распространенія уніи въ юго-западной Россіи. Пропагандисты уніятства, расчитывая на невѣжество русскихъ, старались увѣрить ихъ, будто ученіе римской Церкви въ самомъ главномъ догматѣ своемъ о папской власти не противорѣчитъ ученію восточной Церкви. Однакоже эта фальшивая попытка уже и въ тѣ времена была обличена православными русскими богословами—Захаріею Копыстенскимъ, потомъ Стефаномъ Яворскимъ и др. Въ наши времена этотъ фальшивый способъ доказа-

тельства папской идеи вновь пущенъ былъ въ ходъ тѣми отступниками отъ православія изъ русскихъ, которые сами сдѣлавшись іезуитами, возмечтали и всю Русь сдѣлать католическою. И въ наше время многіе русскіе богословы должны были взять на себя терпѣливый трудъ опровергать эту пустую и недобросовѣстную выходку, прикрывающуюся видомъ ученой аргументаціи.

VII.

Справедливо ли говорятъ римскіе богословы, будто папская власть служитъ необходимымъ условіемъ самаго существованія церкви,—будто безъ папской власти не можетъ поддерживаться единство и самостоятельность церкви,—ни сохраняться въ ней чистота православнаго ученія.

Кромѣ доказательствъ фактическихъ, заимствуемыхъ изъ исторіи евангельской и апостольской и исторіи древней вселенской Церкви, приверженцы папства стараются подкрѣпить свой догматъ о папской власти разными общими соображеніями софистическаго характера. „Признаніе главенства папы, говорятъ, необходимо вытекаетъ изъ самой идеи Церкви; имъ обусловливается существованіе Церкви; безъ папской власти Церковь не моглабы сохранять свою самостоятельность; безъ папской власти не моглобы сохраняться чистымъ

и непоколебимымъ самое ученіе церкви; папская власть даетъ правильное, живое развитіе всей духовной жизни Церкви.“ Всѣ эти софизмы также фальшивы и слабы, какъ и историческія доказательства, приводимыя въ пользу папской власти.

1) „Признаніе главенства папы необходимо вытекаетъ изъ самой идеи Церкви; имъ обусловливается существованіе Церкви. Всякій живой организмъ, всякое благоустроенное общество имѣетъ свою главу. Необходимо должна имѣть свою главу и Церковь. Безъ такой главы невозможно существованіе Церкви, какъ невозможно безъ главы существовать никакому живому организму.“ Но у Церкви христіанской есть единая Божественная вѣчная глава, дающая ей жизнь, разумъ и благоустройство,— безъ которой Церковь дѣйствительно не могла бы жить и производить плоды духовнаго развитія, какъ не могутъ жить и приносить плодовъ вѣтви, отдѣленныя отъ виноградной лозы. (Іоан. гл. XV). Эта глава—Самъ Господь Іисусъ Христосъ, стяжавшій Церковь честною кровію Своего,—единый небесный Женихъ единой непорочной невѣсты (Ефес. гл. 5). Іисусъ Христосъ никогда не оставляетъ Свою Церковь, но непрестанно, по обѣтованію своему, пребываетъ съ нею до скончанія вѣка. Поэтому Церковь, находясь въ непрестанномъ живомъ союзѣ съ своимъ небеснымъ Женихомъ, не можетъ знать никакого другаго жениха;—находясь подъ управленіемъ единой Божественной главы, не можетъ имѣть никакой другой главы,

и не нуждается ни въ какомъ видимомъ намѣстникѣ или представителѣ главенства Христова надъ нею. Понятіе о двухъ главахъ противорѣчитъ понятію о единой Церкви; признаніе намѣстника или представителя Христовой власти надъ церковію возможно было бы тогда, когда бы Христосъ не находился въ живомъ союзѣ съ церковью и не управлялъ ею самъ. Да и никто изъ смертныхъ людей не можетъ стоять какъ бы на ряду съ побѣдителемъ смерти—не только какъ другая самостоятельная глава Церкви, но и какъ видимый представитель или намѣстникъ невидимой главы — Христа. Никто изъ слабыхъ и ограниченныхъ людей не можетъ быть представителемъ или намѣстникомъ всемогущаго и всесовершеннаго Бога, какъ въ управленіи всѣмъ міромъ Божіимъ, такъ и въ управленіи церковью Божіею. Церковь есть *тѣло Божественное*, у ней не можетъ быть *глава человѣческая*. Церковь *свята и непорочна;* у ней не можетъ быть глава *подверженная слабостямъ и порокамъ*. Церковь *вѣчна;* у ней не можетъ быть главою *смертный* человѣкъ, у котораго предѣлъ жизни *семьдесятъ лѣтъ, и аще въ силахъ, восемьдесятъ лѣтъ*. Церковь обнимаетъ собою вѣрующихъ людей всѣхъ вѣковъ, живыхъ и отшедшихъ изъ міра сего—величайшихъ праведниковъ, свв. апостоловъ, мучениковъ, высокихъ подвижниковъ и учителей христіанскаго міра. Можетъ ли быть главою ея человѣкъ, по природѣ своей не стоящій выше усло-

вій земнаго существованія, по разуму и нравственнымъ качествамъ не превосходящій самыхъ высокихъ святыхъ учителей и подвижниковъ христіанскихъ? Римскіе католики, чтобы представить своего папу достойнымъ божественнаго наименованія главы Церкви, на самомъ дѣлѣ приписываютъ ему божественныя свойства. Они желаютъ признать за нимъ божественное свойство непогрѣшимости, божественную власть надъ судьбою міра загробнаго (чистилища), — и желали бы усвоить ему божественное полновластіе и всемогущество въ мірѣ земномъ. Но развѣ это не есть очевидная ложь, и даже болѣе — возмутительная хула? Развѣ это не есть своего рода идолопоклонство — приписывать человѣку божественныя свойства, божественную власть и почесть,—и такимъ образомъ обоготворить человѣка?. . . Развѣ не знаютъ всѣ, что папы—такіе же, какъ и другіе, простые люди, подверженные человѣческимъ слабостямъ, что между ними бывали люди высокаго ума и высокой жизни, бывали и самые обыкновенные люди, бывали и такіе, которые своею жизнію позорили не только папскій престолъ, но и самое человѣческое достоинство. Исторія разсказываетъ намъ, что на престолѣ римскомъ бывали папы еретики, явно заблуждавшіеся въ ученіи вѣры (напримѣръ еще въ древней Церкви Каллистъ, обличенный въ гностицизмѣ св. Ипполитомъ, Гонорій осужденный за монофелитство 6 вселенскимъ соборомъ,—въ среднихъ вѣкахъ Іо-

аннъ XXII, неоднократно уличаемый въ заблужденіяхъ самими же католическими богословами; самаго Григорія VII, зиждителя папскаго могущества, многіе подозрѣвали въ шаткости догматическихъ убѣжденій, въ склонности къ ученію Беренгара, осужденному самою западною церковію); бывали папы совершенные безбожники, отвергавшіе самыя основныя начала христіанства и всякой религіи (напр. Іоаннъ XII, клявшійся именами дьявола и языческихъ боговъ, и совершавшій церковныя службы въ конюшнѣ, — Іоаннъ XXIII, котораго на констанскомъ соборѣ обвиняли въ отрицаніи безсмертія души, — Левъ X, называвшій жизнь Христа и христіанство прибыльною для духовенства сказкою); бывали папами злодѣи убійцы (изъ помянутыхъ уже Іоаннъ XII, убившій многихъ своихъ церковныхъ служителей, Іоаннъ XXIII, отравившій своего предшественника, бывшій прежде предводителемъ разбойнической шайки, и на престолѣ папскомъ обращавшійся иногда къ услугамъ своихъ прежнихъ товарищей, Александръ VI Борджія—чудовище злодѣйства, и другіе папы, умерщвлявшіе между прочимъ своихъ предшественниковъ), бывали папами безстыдные развратники, и поощрявшіе развратъ (цѣлые ряды папъ преимущественно изъ 10, 14 и 15 вѣковъ), гнусные корыстолюбцы, готовые торговать всѣмъ святымъ (опять цѣлые ряды папъ 10, 11, 14, 15 16 вѣковъ); едва ли небольшая часть папъ среднихъ и позднѣйшихъ вѣковъ были честолюб-

цы, деспоты, политическіе интриганы и т. д. Ужели же не есть постыдное безуміе и возмутительная хула — такихъ личностей почитать непогрѣшимыми Божіими намѣстниками и представителями, главами *Церкви, не имущей скверны или порока?...*

2) „Безъ папской власти не можетъ поддерживаться единство въ церкви. Верховный папскій авторитетъ есть высшее средоточіе, живой символъ, живое выраженіе церковнаго единства. Какимъ образомъ можно представить единою церковь, не имѣющую высшаго средоточія власти, раздѣленную между нѣсколькими, не зависящими одинъ отъ другаго правителями? А единство, по общему христіанскому вѣрованію, составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ свойствъ церкви. Церковь христіанская распространена во всемъ мірѣ, состоитъ изъ множества различныхъ по своимъ природнымъ особенностямъ племенъ и народностей. Верховный авторитетъ папскій, служащій средоточіемъ правительственной дѣятельности всѣхъ другихъ церковныхъ властей, можетъ поддерживать въ единствѣ и порядкѣ всѣ эти разнохарактерныя части христіанскаго міра. Съ отрицаніемъ власти папской, съ уничтоженіемъ централизаціи іерархической, поддерживаемой однимъ высшимъ церковнымъ правителемъ, церковь должна распасться на секты; въ ней появится множество ересей и расколовъ". Такъ разсуждаютъ защитники папской власти. Но нельзя не замѣтить въ такихъ разсужденіяхъ слиш-

комъ внѣшняго, можно сказать грубо матеріальнаго понятія о единствѣ церковномъ, и вообще о церкви. Какъ будто единство церкви ни въ чемъ иномъ не можетъ выражаться, какъ только въ подчиненіи всего христіанскаго міра одному высшему внѣшнему авторитету, и ничѣмъ другимъ не можетъ поддерживаться, какъ только строжайшею централизаціею іерархіи церковной?.. Но и въ устройствѣ земныхъ государствъ одно подчиненіе внѣшнему авторитету и централизація правительственная далеко не считаются главнымъ и даже единственнымъ условіемъ государственнаго или общественнаго единства; если же считаются гдѣ, то развѣ только тамъ, гдѣ въ обществѣ недостаетъ болѣе крѣпкихъ нравственныхъ связей, или гдѣ мало вѣрятъ въ нихъ, а вѣрятъ только въ одну внѣшнюю силу. Но въ церкви христіанской—духовномъ царствѣ Божіемъ, помимо внѣшняго іерархическаго надзора и управленія, есть много другихъ, болѣе крѣпкихъ нравственныхъ связей. Единеніе духа — единство-вѣры, надежды и любви, единство убѣжденій, высшихъ чаяній, основныхъ началъ христіанской жизни, основныхъ правилъ церковнаго благоустройства, единство стремленій, интересовъ и цѣлей, братское единодушіе, взаимная любовь другъ къ другу — развѣ такое внутреннее единство само по себѣ не выше того наружнаго единства, которое выражается только въ повиновеніи всѣхъ одной верховной власти? И если церкви непремѣнно нуженъ внѣшній символъ—

внѣшнее выраженіе внутренняго единства, развѣ вселенскій соборъ, какъ самое полное, живое и свободное проявленіе внутренняго единомыслія и единодушія въ церкви, распространенной въ разныхъ концахъ міра, не есть гораздо высшее выраженіе церковнаго единства, чѣмъ самая строгая внѣшняя централизація іерархическая? Признаніе папской власти въ сущности, какъ мы уже замѣтили, противорѣчитъ идеѣ церковнаго единства. Какимъ образомъ у единой церкви признаются двѣ главы — одна невидимая, но тѣмъ не менѣе непрестанно пребывающая съ церковію въ живомъ союзѣ—Христосъ, другая видимая, внѣшнимъ образомъ управляющая церковію — папа?.. Исторія же римской церкви представляетъ намъ не мало такихъ случаевъ, когда на престолѣ папскомъ появились одновременно по двѣ и по три личности, какъ бывало неоднократно въ 11 и 12 вѣкахъ, какъ было почти въ продолженіе сорока лѣтъ сряду, въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ (1379—1417 гг.). Какъ согласить такіе случаи съ идеею даже внѣшняго единства церкви съ католической точки зрѣнія? Не послѣдовательно ли, съ католической точки зрѣнія, во времена расколовъ въ западной церкви нѣкоторые искренніе католики приходили къ такой мысли, что церковь римская представляетъ собою не апокалипсическую невѣсту—Агнца, а двуглаваго дракона? Римскіе богословы на это недоразумѣніе даютъ такой отвѣтъ, что и во времена расколовъ церковныхъ на апос-

тольскомъ престолѣ всегда былъ только одинъ истинный папа, другой же называвшійся папою былъ самозванецъ; такимъ образомъ понятіе о единствѣ церкви могло оставаться твердымъ. Но развѣ это не есть жалкій софизмъ? Могли ли бы самые римско-католическіе богословы разъяснить, кого напр. во времена такъ называемаго великаго раскола, бывшаго въ западной церкви, можно было считать единымъ истиннымъ папою—Урбана VI или Климента VII, Бонифація IX или Бенедикта XIII? Какъ римскихъ, такъ и авиньонскхъ папъ въ то время не только отдѣльныя личности и партіи, но цѣлыя страны и церкви, признаваемыя истинно католическими, а не схизматическими, искренно почитали за истинныхъ папъ; и такимъ образомъ въ римско-католической церкви было двѣ видимыхъ главы. Какая же изъ нихъ была истинная?.. Если отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ исторической повѣркѣ той мысли, будто папскою властью церковь предохраняется отъ распаденій и расколовъ, эта мысль также представится совершенно несостоятельною. Сравнимъ судьбу восточной и западной церкви — со времени ихъ раздѣленія съ 10 или 11 вѣка: гдѣ болѣе за это время появлялось ересей и расколовъ — въ той ли части христіанскаго міра, которая не признаетъ папскаго главенства, или въ той, которая признаетъ его? Въ восточной части христіанскаго міра, — при всѣхъ непріятныхъ условіяхъ ея исторической судьбы, при внѣшней разобщен-

ности православныхъ восточныхъ племенъ, иногда доходившей до того, что нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку вѣковъ не имѣли сношенія съ другими, при политическомъ порабощеніи многихъ православныхъ восточныхъ странъ невѣрному владычеству, при отсутствіи средоточныхъ пунктовъ и удобныхъ средствъ къ взаимнымъ сношеніямъ между восточными помѣстными церквами въ продолженіи всѣхъ минувшихъ, тяжелыхъ для православнаго востока, вѣковъ сохранялось и доселѣ сохраняется болѣе единства въ ученіи вѣры, устройствѣ церковномъ, въ самыхъ обрядахъ богослуженія, нежели въ западной церкви, при всѣхъ ея великихъ заботахъ и успленныхъ мѣрахъ къ соблюденію единообразія церковнаго, при всей строгой централизаціи ея іерархическаго управленія, при всей преданности папскому авторитету, при всемъ единодушіи и ревности къ соблюденію церковныхъ или по крайней мѣрѣ іерархическихъ интересовъ въ многочисленномъ и строго дисциплинированномъ западномъ духовенствѣ и монашествѣ. Значитъ, безъ папской власти лучше поддерживалось церковное единство, нежели подъ ея управленіемъ (*). Тотъ же выводъ даетъ намъ

(*) Въ доказательство того, что въ восточныхъ Церквахъ, безъ высшаго средоточія церковной власти, не крѣпко будто бы держится единство Церкви, католическіе писатели нерѣдко указываютъ на то, что на востокѣ иногда Церкви, прежде соединенныя не только въ догматическомъ вѣрованіи, но и

исторія западной церкви, если будемъ разсматривать ее безъ отношенія къ восточной. До временъ Николая 1 или даже Гильдебранда, т. е. до временъ полнаго развитія папской власти на западѣ, тамъ

въ іерархическомъ управленіи, потомъ отдѣлялись одна отъ другой, изъ одной самостоятельной церкви образовывалось нѣсколько самостоятельныхъ по управленію церквей. Такъ напримѣръ Церкви сербская и болгарская въ продолженіе своей исторіи, то находились въ зависимости отъ константинопольской Церкви, то отдѣлялись отъ нея по управленію и имѣли своихъ самостоятельныхъ патріарховъ, то опять подчинялись константинопольскому патріарху. Такъ Церковь русская сначала находилась въ зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ, потомъ получила своихъ самостоятельныхъ патріарховъ, наконецъ стала управляться святѣйшимъ синодомъ. Такъ въ Церкви королевства Ново-Греческаго недавно образовался свой самостоятельный Синодъ и т. д. Но что же изъ этого? Развѣ открытіе новыхъ патріаршескихъ каѳедръ, при—томъ съ согласія отъ другихъ патріарховъ (въ Ипекѣ, Терновѣ, Москвѣ), или образованіе самостоятельныхъ Синодовъ въ Петербургѣ и Аѳинахъ можно назвать распаденіемъ единства церковнаго—расколомъ церковнымъ, (какъ не рѣдко называютъ на западѣ по неумѣнію, или не желанію правильно понять идею единства церковнаго)? Въ русской, сербской и болгарской Церкви какъ во время ихъ іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха, такъ и во время ихъ самостоятельнаго управленія — содержались и содержатся одни и тѣ же догматы вѣры, св. таинства, начала нравственной жизни и управленія церковнаго, и поддерживается нравственная братская связь съ константинопольскою церковью ... При началѣ христіанства, послѣ сошествія Св. Духа, весь христіанскій міръ сосредоточивался въ одной іерусалимской церкви. Потомъ открылись новыя самосто-

гораздо крѣпче держалось церковное единство, гораздо меньше появлялось еретическихъ и раскольническихъ партій, нежели послѣ Николая I и Григорія VII. Этого не можетъ отрицать никакая исторія, хотя бы обработанная въ самомъ крайнемъ ультрамонтанскомъ духѣ. И еще мало того,

---

ятельныя церкви, антіохійская, ефесская, коринѳская, александрійская, римская и множество другихъ. Развѣ же открытіе новой церкви, образованіе новой самостоятельной каѳедры патріаршей или епископской— было всегда распаденіемъ единства церковнаго—расколомъ въ церкви?... Единство церкви состоитъ не въ единообразіи внѣшняго административнаго порядка, не въ неизмѣнности однихъ и тѣхъ же формъ и центровъ управленія церковнаго (такое единство было бы рабствомъ и подавленіемъ жизни, какъ оно и есть въ римско-католической церкви),—но въ единеніи духа—въ единствѣ жизненныхъ началъ, въ единствѣ благодати Божіей, соединяющей всю Церковь, при самыхъ разнообразныхъ формахъ и измѣненіяхъ ея внѣшняго іерархическаго строя, необходимо условливаемыхъ движеніемъ исторической жизни... Что же касается до недостатка внѣшнихъ способовъ къ выраженію внутренняго единства, до недостатка сношеній между православными церквами находящимися въ русскихъ, турецкихъ и австрійскихъ владѣніяхъ, объ этомъ конечно нельзя не скорбѣть; нельзя не желать, чтобы въ церквахъ, сохраняющихъ внутреннее единеніе духа, было всегда больше и внѣшнихъ связей. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ и не возблагодарить Бога за то, что Онъ даетъ намъ сохранять наше внутреннее единство, даже и тогда, когда мы сами, по внѣшнимъ обстоятельствамъ независящимъ отъ насъ, или по собственному нашему нерадѣнію мало поддерживаемъ внѣшнее общеніе съ братьями нашими православными христіанами другихъ странъ.

что въ западной церкви при развитіи папской власти стало больше появляться ересей и расколовъ; самая исторія возникновенія этихъ ересей и расколовъ, и ихъ характеръ, ихъ направленіе показываютъ, что большая часть ихъ появлялась именно вслѣдствіе крайняго развитія папской власти. Большая часть средневѣковыхъ западныхъ сектъ—катары, валденсы, альбигойцы, лолларды, гусситы и позднѣйшія протестантскія секты распространялись и усиливались на западѣ, именно какъ реакція или оппозиція противъ папскаго деспотизма. Главный пунктъ, съ котораго у западныхъ сектантовъ начиналось отпаденіе отъ церкви, было отрицаніе папской власти — духовной и свѣтской... И донынѣ въ Римско-католической церкви абсолютизмъ папскій служитъ главною причиною, подъ вліяніемъ которой въ отдѣльныхъ личностяхъ и цѣлыхъ странахъ западныхъ образуется и укрѣпляется религіозное охлажденіе, вольнодумство, озлобленіе противъ церковнаго авторитета, отъ времени до времени обнаруживающееся и открытыми отпаденіями отъ церкви. И это неудивительно. Тамъ, гдѣ къ живому организму церкви приставляется бренная гнилая глава, гнилость ея производитъ разрушительное дѣйствіе во всемъ организмѣ. Тамъ, гдѣ личность человѣческая облекается правами и свойствами авторитета божественнаго, давленіе такого авторитета становится невыносимымъ для другихъ личностей. Тамъ, гдѣ единство и порядокъ между членами общест-

ва поддерживаются только рабскимъ подчиненіемъ всѣхъ одному внѣшнему авторитету, стѣсняется свободное развитіе личностей, и является естественной протестъ противъ этого авторитета. Явно такимъ образомъ, что папство въ западномъ христіанствѣ не скрѣпляетъ—не объединяетъ, но разрушаетъ организмъ церковный, какъ вредный нарость, какъ заразительная болѣзнь, разрушительныя дѣйствія которой, хотя не всегда бываютъ замѣтны непосредственно, но тѣмъ не менѣе постоянны и злокачественны. И эти разрушительныя дѣйствія до тѣхъ поръ не потеряютъ своего вліянія въ римско-католическомъ мірѣ, пока духовная власть папы не войдетъ въ свои нормальные предѣлы (т. е. не сдѣлается обычною властью старѣйшаго епископа), а свѣтская власть, не соотвѣтствующая духу пастырскаго служенія, совсѣмъ не уничтожится.

3) „Папская власть служитъ опорою церковной самостоятельности. Жизнь церкви только тогда можетъ развиваться свободно и независимо, не подчиняясь чуждымъ вліяніямъ, когда у церкви есть глава, свой верховный правитель, могущій отстаивать ея самостоятельность противъ всякихъ внѣшнихъ притязаній и стѣсненій. Когда у церкви нѣтъ своей главы — своего высшаго авторитета, церковь неизбѣжно подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ и стѣсненіямъ. Гдѣ нѣтъ папизма, тамъ, по выраженію новѣйшихъ католическихъ ученыхъ, господствуетъ цезаропапизмъ, т.-е. гдѣ папа не признается главою церкви, тамъ церковь подпа-

даетъ въ зависимость отъ государственной власти. Это подтверждается примѣрами исторіи. Римско-католическая церковь, находясь подъ покровомъ папской власти, всегда сохраняла свою самостоятельность, не подчинялась вліянію государственной власти; въ цвѣтущія времена своей исторіи она успѣвала даже подчинять себѣ самую государственную власть; въ неблагопріятныя времена въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ она умѣетъ охранять себя, оставаясь какъ бы самостоятельнымъ государствомъ внутри всякаго государства, относящагося къ ней не совсѣмъ благопріятно, и не допуская государственную власть вмѣшиваться въ ея внутреннія церковныя дѣла. Съ другой стороны исторія восточныхъ церквей древней византійской, нынѣшней русской (не говоря уже о церквахъ, порабощенныхъ магометанскому господству),—также исторія протестантскихъ обществъ въ Англіи, Германіи и другихъ мѣстахъ представляетъ частые примѣры вмѣшательства государственной власти въ церковныя дѣла—господства государства надъ церковію". Для правильнаго разъясненія такихъ воззрѣній, значительно распространенныхъ и не въ одномъ католическомъ мірѣ, прежде всего нужно различать въ понятіи о церковной самостоятельности двѣ стороны—внутреннюю и внѣшнюю, нерѣдко смѣшиваемыя между собою. Внутренняя самостоятельность церкви проявляется въ ея твердости—хранить неприкосновенными свое ученіе вѣры, свой внутренній строй, свои нравст-

венныя стремленія. Внѣшняя же самостоятельность церковная можетъ опредѣляться болѣе или менѣе свободнымъ положеніемъ, большими или меньшими правами, большимъ или меньшимъ политическимъ вліяніемъ, какими она, какъ внѣшнее общество по внѣшнему своему положенію, пользуется въ извѣстномъ государствѣ. На внутреннюю самостоятельность церкви не можетъ имѣть вліянія никакая внѣшняя сила; она не подчиняется перемѣнчивымъ условіямъ исторической жизни; она можетъ оставаться твердою и неприкосновенною, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ внѣшняго положенія церкви. Внѣшняя же самостоятельность церкви зависитъ отъ внѣшнихъ историческихъ условій, отъ тѣхъ идей и отношеній, какія въ извѣстную историческую эпоху установляются по отношенію къ церкви въ извѣстныхъ государствахъ. Внутренняя и внѣшняя самостоятельность церкви не всегда необходимо развиваются одна при другой, но иногда даже находятся въ обратномъ отношеніи одна къ другой. Иногда бываетъ такъ, что чѣмъ лучше внѣшнее положеніе церкви, чѣмъ большимъ политическимъ вліяніемъ она пользуется, тѣмъ слабѣе бываютъ ея нравственныя силы, и на оборотъ. Никогда христіанская Церковь не находилась по внѣшности въ такомъ бѣдственномъ, въ такомъ стѣсненномъ положеніи, какъ въ первые вѣка христіанской исторіи,—и никогда нравственная жизнь церкви—твердость ея убѣжденій, чистота стремленій, крѣпость внутренней связи ея членовъ между собою,

не обнаруживалась въ такихъ высокихъ проявленіяхъ, какъ именно въ первые вѣка христіанства.... Не совсѣмъ добросовѣстно поэтому кому бы то ни было упрекать восточную Церковь въ томъ, что она не имѣла и не имѣетъ такого сильнаго политическаго могущества и вліянія, какимъ пользовалась западная Церковь въ средніе вѣка.'— что восточная Церковь по внѣшнему своему положенію находилась иногда въ тяжелой зависимости отъ государственной власти. Въ томъ не вина восточной Церкви, что она не имѣла такихъ благопріятныхъ условій для внѣшняго возвышенія, какія имѣла западная Церковь. Во томъ даже заслуга и честь восточной Церкви, что она, оставаясь вѣрною своему духовному призванію, не старалась такъ, какъ западная Церковь, о своемъ политическомъ возвышеніи, не употребляла для этого незаконныхъ средствъ, подобныхъ тѣмъ, какія употреблялись на западѣ въ средніе вѣка, но, въ смиренной преданности волѣ Божіей, старалась поспѣшно совершать дѣло своего призванія при благопріятныхъ и неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Главное дѣло въ томъ, что восточная Церковь, и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ своего внѣшняго положенія—и при незаконномъ вмѣшательствѣ государственной власти въ церковныя дѣла (примѣровъ которому не мало встрѣчается преимущественно въ византійской исторіи, и подъ тяжкимъ игомъ магометанскимъ) въ продолженіи многихъ вѣковъ сохранила свое

ученіе вѣры, свой порядокъ церковный, свои нравственныя начала въ большей чистотѣ и неприкосновенности, нежели западная Церковь, при самыхъ лучшимъ условіяхъ своего внѣшняго политическаго положенія. Значитъ внутренней крѣпости и самостоятельности въ восточной Церкви было больше, нежели въ западной, не смотря на то, что внѣшняя самостоятельность церкви на востокѣ кажется болѣе подавленною, нежели на западѣ... Нужно притомъ замѣтить, что самое подавленіе внѣшней самостоятельности въ восточной Церкви—древней византійской и русской представляется западными писателями въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ. На западѣ несправедливо думаютъ, что въ восточной Церкви государственная власть имѣетъ полновластное значеніе, можетъ все сдѣлать — не только дать или отнять у церкви извѣстныя привиллегіи, назначить или смѣнить какого-либо іерарха, такъ или иначе опредѣлить внѣшнія отношенія главнаго вѣроисповѣданія въ государствѣ къ другимъ исповѣданіямъ, дать такому или другому закону церковному извѣстное гражданское значеніе, но даже измѣнить внутренній каноническій порядокъ церковный, перемѣнить, еслибы того захотѣлось государственной власти, какой-либо догматъ, соединить, напримѣръ, православную Церковь съ католическою или протестантскою путемъ договоровъ и мѣръ государственныхъ и т. п. Такой взглядъ есть взглядъ ложный; въ немъ сказывается именно грубое непониманіе воз-

можности представить себѣ внутреннюю самостоятельность церковную, независимо отъ условій ея внѣшняго положенія (*). Исторія не подтверждаетъ

(*) Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ значительно распространенъ въ нашемъ русскомъ образованномъ обществѣ, и поддерживается нерѣдко такими людьми, которые, кажется, могли бы сами имѣть и другимъ внушать болѣе правильныя понятія о дѣлѣ. Жалко и обидно бываетъ читать, какъ иные изъ нашихъ самыхъ первостепенныхъ самостоятельныхъ, и въ тоже время самыхъ благонамѣренныхъ, искренно преданныхъ интересу родной страны и церкви, литературныхъ дѣятелей позволяютъ себѣ печатно употреблять выраженія такого рода, что *церковь русская въ послѣдніе вѣка находится въ полной зависимости отъ государства, что церковь русская, въ ея настоящемъ состояніи, есть государственное (или даже иногда выражаются полицейское) учрежденіе,—что церковь стала функціею государственной жизни, что правительство въ церкви русской можетъ сдѣлать все, что угодно* и т. под... Конечно подобныя выраженія употребляются только для усиленія рѣчи, имъ не придается строгаго и точнаго смысла; они выходятъ иногда изъ ревности о независимости церковной, изъ желанія видѣть церковь болѣе свободною, изъ негодованія противъ всякихъ стѣсненій церковной самостоятельности.... Но зачѣмъ неточныя слова, усиленныя фразы, фальшивыя представленія дѣла въ такомъ вопросѣ, который требуетъ самой точной и строгой постановки? Ложное представленіе о дѣлѣ, изъ какихъ бы благородныхъ побужденій ни проистекало, всегда болѣе повредитъ дѣлу, а не направитъ его на истинный путь. Не странно ли изъ ревности о чести и благѣ русской церкви и русскаго народа способствовать распространенію такихъ мнѣній, которыя унижаютъ честь русской церкви и русскаго народа, которыя смущаютъ совѣсть многихъ искреннихъ православныхъ русскихъ людей, которыя могутъ радо-

такого взгляда, а представляетъ факты противные ему. Что касается до исторіи русской, то она не представляетъ даже ни одного примѣра, чтобы кто либо изъ законныхъ государей русскихъ захотѣлъ посягнуть на внутреннюю свободу Церкви— на неприкосновенность ея догматовъ и каноновъ. Только однажды въ русскомъ народѣ было подозрѣніе относительно этого на незаконнаго обладателя престола Лже-Димитрія I, обѣщавшагося іезуитамъ ввести католицизмъ въ Россіи. И это подозрѣніе главнымъ образомъ стоило Лже-Димитрію лишенія престола и жизни — не по намѣренному подстрекательству представителей Церкви, а вслѣдствіе возбужденія самаго народнаго духа. Самый самодержавный и наболѣе властительно и свободно относившійся къ внѣшнему положенію

вать самыхъ злонамѣренныхъ враговъ нашихъ, служа какъ-бы съ нашей же стороны подтвержденіемъ ихъ давнихъ клеветъ на русскій народъ, на русскую церковь, на русское правительство. Если есть что либо ненормальное, во внѣшнемъ положеніи Церкви и отношеніяхъ ея къ государству, если что либо стѣснительное и несправедливое въ государственныхъ узаконеніяхъ о церкви, лучше прямо и опредѣленно указывать это безъ страсти и преувеличенія; такія указанія, безъ лишняго раздраженія, несомнѣнно принесутъ пользы дѣлу гораздо болѣе всякихъ преувеличенныхъ и несправедливыхъ, хоть бы и самыхъ горячихъ и искреннихъ, общихъ фразъ. *Церковь православная никогда не была, и по милости Божіей, никогда не можетъ быть полицейскимъ учрежденіемъ, или функціею государственной жизни.*

церкви русскій государь, Петръ I, устранялъ себя отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла церковной жизни. Въ отвѣтъ на предложеніе о соединеніи церквей льстившимъ ему Сорбонскимъ богословамъ Петръ сказалъ, что это дѣло не его, а представителей Церкви. Византійская исторія представляетъ не мало случаевъ вмѣшательства государственной власти во внутреннія дѣла Церкви—въ рѣшеніе самыхъ высшихъ вопросовъ совѣсти, въ опредѣленіе догматовъ вѣры. Но за то она же представляетъ и цѣлый рядъ твердыхъ, свободныхъ протестовъ противъ такого незаконнаго вмѣшательства,—протестовъ, никогда не допускавшихъ государственную власть рѣшить по своему произволу такой или другой церковный вопросъ, вопреки древнимъ преданіямъ вѣры и внутреннему праву церкви,—протестовъ, показывающихъ, что въ византійской церкви никогда не изсякала нравственная сила, внутренняя твердость и самостоятельность, и дающихъ намъ нѣсколько другое понятіе о характерѣ греческаго народа, нежели какое составилось на западѣ (будто бы народъ и духовенство въ византійской имперіи до раболѣпства, до самаго крайняго самоуниженія противъ совѣсти, противъ убѣжденія—готовы были повиноваться во всемъ своему деспотическому правительству). Исторія аріанства, монофелитства, иноборчества, исторія ліонской и флорентійской уніи представляютъ самыя неопровержимыя свидѣтельства о томъ, что въ греческой церкви произволъ государственной

власти ничего не могъ сдѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ встрѣчался съ внутреннимъ правомъ церкви, съ твердымъ и живымъ религіознымъ убѣжденіемъ народа. Не мало подобныхъ же случаевъ внутренней твердости и самостоятельности представляетъ греческая Церковь даже и въ то время, когда внѣшняя ея самостоятельность была подавлена до крайней степени — подъ турецкимъ господствомъ. Можетъ ли западная Церковь представить такіе примѣры внутренней твердости и самостоятельности? Твердость и самостоятельность западной Церкви не подвергалась такимъ тяжелымъ испытаніямъ и стѣсненіямъ, какъ греческой. Поэтому она и не можетъ быть сопоставляема въ этомъ отношеніи съ греческою Церковью (*) .. Что касается до внѣшней самостоятельности, до политическаго могущества и вліянія, его безспорно было больше въ западной Церкви, нежели въ восточной; но можно ли поставлять его въ особенную заслугу, въ особенное преимущество церкви?... Притомъ можно ли доказать, что самою внѣшнею

(*) Многіе западные государи, какъ напр. Карлъ Великій, Оттонъ I, Оттонъ III, Генрихъ III, обращались съ папами не менѣе властительно и произвольно, какъ и византійскіе императоры съ своими патіархами. Конечно, счастье папамъ было въ томъ, что не всѣ государи западные были, и, по особеннымъ условіямъ западной политической жизни, могли быть таковы. Иначе, можетъ быть, папы были бы еще въ большей зависимости отъ государственной власти, чѣмъ византійскіе патріархи.

своею самостоятельностью и политическимъ могуществомъ западная Церковь была обязана именно папамъ—признанію папской власти?... Еслибъ не особенныя условія западно-европейской жизни,— еслибъ не невѣжество варварскихъ народовъ, населявшихъ западную Европу послѣ паденія западной римской имперіи,—еслибъ не хаотическое броженіе общественныхъ силъ въ тогдашнихъ государствахъ западной Европы, давшее возможность надъ всѣми другими сословіями возвыситься духовенству, какъ самому образованному и самому благоустроенному сословію, папамъ никогда бы не удалось возвысить западную Церковь до такого сильнаго политическаго могущества и вліянія. При другихъ условіяхъ жизни, напримѣръ при тѣхъ, какія существовали въ византійской имперіи, или въ послѣдствіи въ русскомъ государствѣ, папская власть никогда бы не возвысилась бы до такой степени. Папамъ въ дѣлѣ возвышенія западной церкви принадлежитъ только та заслуга и честь, что умнѣйшіе изъ нихъ во время хорошо умѣли пользоваться благопріятными для возвышенія Церкви условіями, какія представляла западно-европейская жизнь. Но и при этомъ папы запятнали себя тѣмъ, что не знали мѣры, не хотѣли положить предѣловъ своимъ стремленіямъ,—не довольствуясь естественнымъ благопріятнымъ для нихъ ходомъ событій, стали усиленнымъ образомъ заботиться о расширеніи своей власти; дѣло возвышенія Церкви обратили въ дѣло своего личнаго

честолюбія, или, покрайней мѣрѣ, исключительныхъ іерархическихъ интересовъ; — слишкомъ заботясь о внѣшнемъ политическомъ возвышеніи Церкви, нерѣдко забывали о ея высшемъ духовномъ призваніи; наконецъ для возвышенія церкви и своего собственнаго, не совѣстились употреблять мѣры недостойныя, жестокія, ненравственныя. Такія мѣры, какими папы въ средніе вѣка старались закрѣпить господство Церкви надъ государствомъ, напримѣръ дѣйствія Григорія VII и его преемниковъ въ борьбѣ съ императоромъ Генрихомъ IV, дѣйствія Александра III противъ Фридриха Барбароссы и англійскаго короля Генриха II, дѣйствія Григорія IX противъ императора Фридриха II и дальнѣйшихъ папъ противъ всей фамиліи Гогенштауфеновъ—политическія анаѳемы, интердикты, крестовые походы, истребленія тысячъ людей во имя вѣры и интересовъ церкви, на самомъ дѣлѣ въ видахъ властолюбія, — заговоры, интриги, политическія убійства, подкупы, измѣны, возмущенія подданныхъ противъ законнаго правительства, — наконецъ и тѣ многочисленныя интриги, посредствомъ которыхъ папы въ новѣйшія времена стараются поддержать упадающее вліяніе католицизма въ европейскихъ государствахъ, дать ему преобладаніе предъ другими христіанскими исповѣданіями, сохранить римско-католическую Церковь какъ бы самостоятельнымъ, знающимъ одного своего верховнаго главу, государствомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ только есть римско-католическіе

подданные, (обязанные, конечно, со всѣми другими подчиняться законному гражданскому правительству), — всѣ такія мѣры и дѣйствія, въ высшей степени недостойныя и не соотвѣтствующія высокому характеру и духовному призванію Церкви и пастырскаго служенія, останутся навсегда позорными пятнами въ исторіи папства. И при всемъ томъ, римско-католическая Церковь и папская власть въ послѣдніе вѣка болѣе и болѣе теряютъ свое политическое могущество и вліяніе въ самыхъ римско-католическихъ государствахъ. Въ виду событій послѣднихъ вѣковъ, въ виду тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, которымъ подвергается самое духовное вліяніе папъ въ римско-католическихъ государствахъ, — въ виду тѣхъ ударовъ, какіе нанесены папству и католицизму въ XVIII вѣкѣ, того самовластія, съ какимъ дѣйствовалъ по отношенію къ папамъ Наполеонъ I, наконецъ въ виду современнаго положенія дѣлъ въ самой Италіи, въ виду того, какъ свободно король Викторъ Эммануилъ подлѣ самаго, такъ сказать, папскаго престола распоряжается церковными дѣлами, назначеніемъ епископовъ, упраздненіемъ монастырей, и подданные папы со дня на день ожидаютъ счастія избавиться отъ своего владыки, и радуются всякому успѣху его отъявленныхъ враговъ,—въ настоящее время приверженцамъ папизма уже нельзя по прежнему много хвалиться внѣшнимъ величіемъ, твердою самостоятельностью, сильнымъ политическимъ вліяніемъ римско-католичес-

кой Церкви, поставлять это внѣшнее величіе въ высокую нравственную заслугу своей Церкви, и объяснять ее тѣмъ, что римско-католическая Церковь имѣетъ своимъ главою папу. Признаніе главенства папы и доселѣ держится въ римско-католической Церкви, а того могущества, той самостоятельности, какими она пользовалась въ средніе вѣка, давно уже нѣтъ. Значитъ не папская власть, а исторія создала и поддерживала это величіе римско-католической церкви, и она же, въ послѣдніе времена, въ виду всѣхъ разрушаетъ его. Значитъ даже и внѣшнее величіе, внѣшняя самостоятельность церкви не имѣютъ того непосредственнаго отношенія къ признанію догмата о папской власти, какое находятъ въ немъ приверженцы папства.

4) Папскій авторитетъ въ церкви служитъ органомъ чистаго правовѣрія, и слѣдовательно опорою непогрѣшимости и непоколебимости церковной. Какимъ образомъ въ церкви могло бы сохраняться чистымъ ученіе вѣры, если бы въ ней не было этого высшаго авторитета, который, самъ обладая полнотою праваго пониманія и непогрѣшимаго толкованія вѣры, можетъ служить для всей церкви блюстителемъ правыхъ догматовъ, органомъ истинныхъ ученій? Какимъ образомъ церковь могла бы предохранить себя отъ колебаній и заблужденій, если бы въ ней не было одного всегда вѣрнаго органа для повѣрки своихъ убѣжденій, для отличія истинныхъ ученій отъ ложныхъ. Безъ власти папской самое основаніе церкви—вѣра ея могла

бы поколебаться". Православная восточная церковь имѣетъ другія понятія объ условіяхъ непогрѣшимости и непоколебимости вѣры. „Мы несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, пишется въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ, принимаемой восточною церковью въ руководство праваго ученія, что каѳолическая церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться и изрѣкать ложь вмѣсто истины; ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ отцевъ и учителей церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія". Вотъ кто признается въ православной церкви единымъ вѣрнымъ блюстителемъ истиннаго ученія вѣры и непогрѣшимости церковной — Духъ Святый, Духъ истины; изъ людей никому не приписывается Божественное свойство всевѣдѣнія и непогрѣшимости. Органомъ же Духа Божія въ православной церкви признается не единъ какой либо или нѣкоторые изъ пастырей и учителей церкви, а вся церковь—столпъ и утвержденіе истины, т. е. всѣ истинно вѣрующіе, соединенные священнымъ преданіемъ вѣры, совокупно и преемственно, по устроенію Божію составляющіе единую Божію церковь (какъ говорится въ Православномъ Катихизисѣ), преимущественно же вѣрно служащіе церкви пастыри и учители, поставляемые Духомъ Божіимъ пасти церковь Господа и Бога. Посему высшимъ внѣшнимъ выраженіемъ откровеній и изволеній Духа Божія, высшимъ органомъ для отличія истинныхъ ученій отъ лож-

пыхъ въ православной церкви признается не одно какое нибудь лицо, а собраніе вѣрныхъ пастырей и учителей церковныхъ по возможности со всей вселенной, т. е. Вселенскій Соборъ. Примѣромъ самихъ апостоловъ указанъ, голосомъ всей древней вселенской церкви признанъ, и опытомъ многихъ вѣковъ оправданъ этотъ высшій органъ ученія, законодательства и суда церковнаго, какъ самая твердая опора правовѣрія, какъ самое вѣрное средство къ различенію истинныхъ ученій отъ ложныхъ. Самые ревностные приверженцы папства должны признать, что въ эпоху самыхъ бурныхъ волненій, самыхъ великихъ опасностей, угрожавшихъ непоколебимости православія въ древней церкви, ни одна ересь, ни одно лжеученіе не могли вторгнуться въ церковь и поколебать основаніе вѣры, въ то время, когда высшею охраною правыхъ ученій во всей церкви — въ восточной и западной—признавался вселенскій соборъ. Приверженцы папства не могутъ того же сказать о западной церкви среднихъ и позднѣйшихъ вѣковъ. Съ того времени, какъ въ западной церкви авторитетъ папскій поставленъ выше авторитета вселенскихъ соборовъ, церковь начинаетъ колебаться время отъ времени болѣе и болѣе. На западѣ, въ древности славившемся твердостью мира церковнаго, почти отсутствіемъ ересей и расколовъ, поднимаются разномыслія, споры и волненія, какихъ никогда не бывало въ церкви, образуется множество сектъ враждебныхъ церкви, возникаетъ рас-

колъ, отторгающій отъ церкви почти половину ея членовъ. Въ самой римской Церкви, славившейся нѣкогда особенною преданностью древнимъ преданіямъ, является множество отступленій отъ древнихъ преданій не только въ простыхъ обрядахъ и внѣшней дисциплинѣ церковной, но и въ самыхъ догматахъ вѣры, и въ совершеніи святыхъ таинствъ. На самомъ папскомъ престолѣ появляются личности, словомъ и примѣромъ поучающіе своихъ пасомыхъ, вмѣсто непогрѣшимой истины, нечестію, кощунству, безбожію. Что если бы, согласно съ ученіемъ приверженцевъ папства, вся западная Церковь покорно слѣдовала за такими руководителями въ вѣрѣ? Съ западною Церковью могло бы случиться то, чего опасался для всей Церкви знаменитѣйшій изъ древнихъ папъ св. Григорій Великій:—*съ паденіемъ одного, признаваемаго главою Церкви, могла бы пасть и вся Церковь, съ заблужденіемъ верховнаго епископа не могъ бы устоять въ правдѣ ни одинъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ*, за невѣрующими и нечестивыми папами должно было бы распространиться невѣріе и нечестіе на всю Церковь И никто изъ членовъ Церкви не могъ бы ни обличить папу въ невѣріи и нечестіи, ни предостеречь другихъ отъ увлеченія его примѣромъ; потому что надъ папою, по ученію римскихъ схоластиковъ, нѣтъ никакого суда— ни человѣческаго, ни даже божескаго,—у самаго Бога съ папою одна мысль, одно опредѣленіе, одна воля,—голосъ

паны непогрѣшимъ, и ему, по ученію иныхъ западныхъ учителей, нужно вѣрить болѣе, нежели свидѣтельству священнаго писанія, голосу нравственнаго чувства, показанію очевиднаго факта. Къ счастію, для западной Церкви папскій авторитетъ въ ней на дѣлѣ никогда не имѣлъ такого непомѣрнаго значенія, какое приписывалось ему въ теоріи римскими богословами.... Вообще говоря, судьба ученія церковнаго въ западной Церкви далеко не была въ такой зависимости отъ авторитета папскаго, какъ должно бы это быть по теоріи римскаго богословія. На дѣлѣ папская каѳедра въ западной Церкви никогда не считалась ни высшимъ исключительнымъ органомъ какихъ-либо новыхъ откровеній Духа Божія, ни высшимъ исключительнымъ трибуналомъ въ различеніи истинныхъ ученій отъ ложныхъ; старые догматы хранились и новыя ученія и обычаи распространялись въ Церкви большею частію помимо авторитета папскаго. Большая часть новыхъ мнѣній и обычаевъ, распространившихся на западѣ въ средніе вѣка, не отъ папской каѳедры вышли, а возникли первоначально внѣ ея—въ той или другой мѣстной Церкви или богословской школѣ. Паны только утверждали или отрицали своимъ авторитетомъ уже распространенное мнѣніе, сами склоняясь въ сужденіи о немъ на сторону той или другой богословской партіи, и нерѣдко мѣняя свои мнѣнія съ перемѣною обстоятельствъ. Такъ напримѣръ новый догматъ, провозглашенный папою Піемъ IX въ

1854 году—о непорочномъ зачатіи Пресятой Дѣвы—не папою первоначально изобрѣтенъ. Это ученіе возникло и развивалось давно, еще вѣка съ XII и XIII, помимо папской каѳедры, въ средѣ западныхъ богослововъ преимущественно францисканскаго, и позднѣе іезуитскаго ордена. Многіе изъ папъ прежнихъ вѣковъ отвергали это ученіе, другіе колебались, принять или не принять его. Наконецъ нынѣшній папа нашелъ для себя побужденія рѣшительно склониться на сторону іезуитской партіи, поддерживающей это ученіе. Если такимъ образомъ развитіе богословскаго ученія въ самой западной Церкви идетъ помимо папскаго авторитета, если мнѣнія самихъ папъ случайно слѣдуютъ за мнѣніями той или другой богословской партіи, и иногда противорѣчатъ одно другому,—какимъ образомъ папскій авторитетъ можетъ быть признаваемъ за высшій, самостоятельный, и притомъ всегда себѣ вѣрный и непогрѣшимый органъ откровенія, распространенія и охраненія правыхъ ученій, за коренную опору правовѣрія и непоколебимости церковной? Сами папы наиболѣе добросовѣстные откровенно высказывались, что они не могутъ считать себя непогрѣшимымъ органомъ внушеній Духа Божія, на которомъ бы могла опираться твердость вѣры христіанской. Вотъ какъ напримѣръ выражался объ этомъ честный папа Адріанъ VI, избранный въ 1522 году послѣ Льва X на папскій престолъ для возстановленія мира церковнаго, возмущеннаго дви-

женіями германской реформаціи, и скоро умершій въ печальной безнадежности возстановить благосостояніе западной Церкви: „извѣстно, что верховный первосвященникъ можетъ погрѣшать даже въ предметахъ касающихся вѣры, научая ереси своими постановленіями или декретами; такъ какъ много было первосвященниковъ еретиковъ, какимъ еще недавно оказался Іоаннъ XXII, который публично внушалъ, возвѣщалъ и приказывалъ всему міру держаться заблужденія.“ Одинъ изъ преемниковъ Адріана — папа Павелъ IV въ консисторіи, собранной въ 1557 году для обсужденія вопроса объ исправленіяхъ церковныхъ, объявилъ: „Не стѣсняйтесь ни примѣрами моихъ предшественниковъ, ни тѣмъ, что они сдѣлали; я не желаю слѣдовать имъ болѣе, чѣмъ сколько дозволяетъ это авторитетъ священнаго писанія и богословскія доказательства. Я не сомнѣваюсь, что мы подвержены заблужденію.“ Такимъ образомъ авторитетъ папы въ дѣлахъ вѣры имѣетъ такое же значеніе, какъ и частный авторитетъ всякаго другаго епископа, но никакимъ образомъ не можетъ считаться за непогрѣшимый органъ истины, и исключительную опору правовѣрія церковнаго.

VIII.

Справедливо ли будто папская власть служитъ условіемъ правильнаго и плодотворнаго развитія религіозно — нравственной жизни въ западной церкви.

„Подъ покровомъ папскаго авторитета духовная жизнь въ римско-католической Церкви развивается съ такими успѣхами, приноситъ такіе богатые плоды, какихъ нельзя найдти ни въ какомъ другомъ христіанскомъ обществѣ или исповѣданіи. Ни восточная Церковь, ни протестантскія общества, ни другія христіанскія исповѣданія не могутъ сравниться съ римско-католичеекою церковью обширностью распространенія и многочисленностью членовъ, важностью историческаго значенія, силою общественнаго вліянія, обширностью и успѣхами миссіонерской дѣятельности, широкимъ развитіемъ монашеской жизни, давшей западу много высокихъ подвижниковъ вѣры, энергичностью и вліятельностью приходскаго духовенства, широкимъ развитіемъ благотворительныхъ учрежденій, вліяніемъ на развитіе наукъ и искусствъ... Отчего это происходитъ? Отъ того, что духовная жизнь въ римско-католической Церкви, развивается болѣе нормально, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ обществахъ. Только въ общеніи съ главою можетъ поддерживаться и плодотворно разви-

ваться духовная жизнь въ великомъ тѣлѣ Церкви. Въ тѣхъ христіанскихъ обществахъ, которыя отдѣляются отъ союза съ видимою главою Церкви, духовныя силы естественно должны или оставаться въ безплодномъ оцѣпенѣніи, какъ въ восточномъ христіанствѣ, или постепенно приходить къ разложенію, какъ въ протестантскихъ обществахъ". Вотъ новый доводъ, который иногда приводитъ римскіе богословы въ пользу папской власти... Несправедливо было бы отрицать то, что духовная жизнь западной Церкви, даже и послѣ ея отдѣленія отъ восточной, произвела много прекрасныхъ плодовъ. Нельзя относиться безъ надлежащей серіозности и должнаго уваженія ко многимъ историческимъ заслугамъ западной Церкви (напр. по отношенію къ развитію просвѣщенія и смягченію нравовъ на западѣ Европы въ средніе вѣка), къ обширности и успѣхамъ ея миссіонерской и благотворительной дѣятельности, къ славѣ ея знаменитѣйшихъ учителей и высокихъ подвижниковъ и т. д. Но какое значеніе по отношенію ко всему этому имѣло папство? Можно ли ему приписывать въ честь и заслугу все то, что̀ сдѣлано и дѣлается хорошаго въ западной Церкви? Никакъ нельзя доказать того, чтобы папство, которое всегда было гнетомъ для западной Церкви, могло благотворно дѣйствовать на развитіе ея духовной жизни. Скорѣе можно сказать, что духовная жизнь западной Церкви могла развиваться, приносить духовные плоды, *несмотря* на гнетъ папскій,—что

самая почва, на которой росли эти плоды, и сѣмена, изъ которыхъ они развивались (т. е. сѣмена самаго христіанства), были такъ хороши, такъ полны жизни, что ихъ не могъ изсушить — лишить живаго развитія гнетъ папскій. Гнетъ папскій во всякомъ случаѣ не проникъ еще до самой глубины западной религіозной жизни, не исказилъ первоначальныхъ основъ ея; католическая Церковь все еще остается прежде всего христіанскою, а потомъ уже можетъ быть названа папскою; папство для нея внѣшній наростъ, подъ которымъ остаются еще неистребимыми (хотя и значительно искаженными) истинныя христіанскія начала жизни. И изъ этихъ то началъ развиваются тѣ высокіе плоды духовной жизни, которые папство нерѣдко приписываетъ себѣ. Миссіонерство, благотворительность, высокое подвижничество и другія подобныя стремленія очевидно выходятъ изъ началъ христіанскихъ, общихъ римской Церкви со всѣми другими церквами, а не исключительно изъ началъ папскихъ, отличающихъ римскую Церковь отъ другихъ христіанскихъ обществъ. Поэтому—то подобные плоды и стремленія духовной жизни въ различной степени и въ различныхъ формахъ обнаруживаются не въ одной римской Церкви, а во всѣхъ другихъ христіанскихъ обществахъ. Гдѣ ихъ созрѣваетъ и обнаруживается болѣе, въ римской или другой какой Церкви, объ этомъ довольно трудно судить по однимъ внѣшнимъ обнаруженіямъ духовной жизни въ той или другой части

христіанскаго міра, и притомъ за извѣстное только время. Какъ въ жизни политической въ иную эпоху тотъ народъ имѣетъ первенствующее значеніе въ исторіи, а въ другую другой; такъ и въ жизни религіозной въ иное время въ такомъ христіанскомъ обществѣ обнаруживается болѣе плодовъ духовнаго развитія, а въ иное время въ другомъ. Внѣшнія обнаруженія духовной жизни въ различныхъ христіанскихъ обществахъ нерѣдко зависятъ отъ внѣшнихъ же обстоятельствъ,—отъ того, на сколько историческія условія жизни извѣстнаго народа и общества въ такое или другое время благопріятствуютъ или не благопріятствуютъ развитію въ немъ духовныхъ стремленій. Если изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія или миссіонерской дѣятельности въ древніе вѣка особенно отличался народъ греческій, въ средніе вѣка племена романскія, а въ новѣйшія германскія племена,—славянскіе же народыдоселѣ не показали большихъ успѣховъ на этихъ поприщахъ,—изъ этого еще не слѣдуетъ, что духовная жизнь славянскихъ народовъ, развивающихся подъ руководствомъ православной Церкви, сама по себѣ скуднѣе сравнительно съ жизнью племенъ романскихъ и германскихъ, воспитавшихся въ католицизмѣ и протестантствѣ, а можетъ быть слѣдуетъ только то, что для развитія духовной жизни православнаго славянства еще не пришло время; православно-славянскій міръ доселѣ не имѣлъ такихъ благопріятныхъ

условій для развитія своихъ духовныхъ силъ, какія имѣли романскія и германскія племена. А сколько въ какомъ народѣ или какой Церкви, независимо отъ внѣшнихъ проявленій духовнаго развитія въ такое или другое время, кроется самыхъ духовныхъ силъ, внутреннихъ залоговъ къ развитію на будущія времена, объ этомъ можетъ быть извѣстно только одному Богу,—и объ этомъ едва ли можно кому—нибудь судить прежде суда Божія. Можно думать только, что конечно въ тѣхъ народахъ или въ тѣхъ обществахъ христіанскихъ кроются лучшіе залоги для духовнаго развитія, у которыхъ въ большой чистотѣ сохраняются самыя вѣрованія, самые идеалы, самыя основныя начала христіанской жизни. Съ этой точки зрѣнія развитіе духовной жизни въ римско-католической Церкви, при безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣла, не можетъ представиться образцомъ высшаго совершенства. Папство исказило въ римско-католической церкви чистый идеалъ христіанства. Высокую идею церкви, духовнаго царствія Божія, оно извратило въ стремленіяхъ создать политическое земное государство. Насколько эти стремленія отозвались на духовномъ развитіи западнаго христіанства, настолько они внесли порчи во всѣ самыя высокія его проявленія. Повидимому папство какъ будто не препятствовало, даже способствовало развитію духовныхъ стремленій въ западной церкви; указывая имъ двоякую цѣль — высшую духовную и земную политическую, оно усиленно старалось

возбуждать ихъ къ дѣятельности двоякими мѣрами и побужденіями — духовными религіозными и внѣшними матеріальнымми политическими. Естественно при этомъ развитіе духовныхъ силъ въ западномъ христіанствѣ должно было выразиться въ усиленной напряженной дѣятельности; но эта самая усиленная дѣятельность, при смѣшеніи высшихъ и низшихъ, духовныхъ и матеріальныхъ цѣлей и побужденій, естественно также должна была часто принимать превратное направленіе. Напримѣръ папство старалось дать широкое развитіе миссіонерскимъ стремленіямъ. Не имъ конечно эти стремленія первоначально вызваны въ дѣятельности; онѣ возникли въ западной церкви, какъ и въ восточной, изъ глубокихъ источниковъ христіанской любви и ревности, гораздо прежде, нежели папство взялось заправлять движеніями западной религіозной жизни. Но папство съ своей стороны усиленнымъ образомъ старалось дать западному миссіонерству какъ можно болѣе широкое развитіе и опредѣленное направленіе съ тѣмъ, чтобы оно распространяло по всей землѣ духовное царство Божіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ мірское могущество папы. Что же, послужило ли въ пользу западному миссіонерству это направленіе, данное ему папствомъ? Оно усилило внѣшнюю дѣятельность западнаго миссіонерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ растлило самый духъ его, извратило его значеніе. Въ духѣ этого направленія на западѣ дѣйствительно образовывалось не мало такихъ

миссіонеровъ, которые заботясь болѣе о распространеніи царства Божія, готовы были употреблять въ дѣло незаконныя насильственныя средства, искажать самую чистоту евангельской истины, вступать въ сдѣлки со всякими предразсудками и страстями человѣческими—съ тѣмъ только, чтобы пріобрѣсти папѣ возможно большее число безсознательно рабски покоренныхъ подданныхъ, или утвердить духовное вліяніе папы и свое собственное въ извѣстной странѣ. Послѣдствія неоднократно показывали римской Церкви, какъ непрочны духовные плоды такого миссіонерства... Точно также папство на западѣ содѣйствовало развитію монашества. Конечно опять не авторитетомъ папскимъ монашество первоначально вызвано къ жизни; оно возникло и развилось первоначально изъ чистыхъ христіанскихъ стремленій въ такихъ мѣстахъ, на которыя вовсе не простиралось вліяніе папъ. Но папство нашло свои выгоды особенно содѣйствовать распространенію монашества; потому что многочисленные и разнообразные монашескіе ордена, разсѣянные въ разныхъ странахъ, и всѣ непосредственно зависящіе отъ папы, могли также сдѣлаться однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій къ распространенію и поддержанію всемірнаго папскаго вліянія. Монашество въ западной церкви должно было сдѣлаться духовнымъ воинствомъ папской монархіи. Папство естественно заботилось объ умноженіи этого воинства; но вмѣстѣ, съ умноженіемъ монастырей и монашескихъ орденовъ, въ западномъ

монашествѣ постепенно искажался монашескій духъ. Монашество проникло мірскими стремленіями, запуталось въ интригахъ, обезславило себя безнравственною жизнію. И плодомъ всего этого вышло то, что на западѣ, вмѣсто высокаго уваженія, распространилось повсюду отвращеніе и ненависть къ монашеству, униженъ и осмѣянъ самый идеалъ монашеской жизни. Точно также папство искусственными мѣрами (обязательнымъ безбрачіемъ, строгою дисциплиною) воспитало особеннаго рода ревность и энергію въ католическомъ приходскомъ духовенствѣ. Но эта ревность и энергія, превращающая нерѣдко духовныхъ служителей алтаря въ политическихъ агентовъ папскаго господства, также приноситъ не совсѣмъ благотворные плоды какъ для истинныхъ интересовъ Церкви, такъ и для интересовъ общественнаго развитія... Таковъ можетъ быть правильный взглядъ на развитіе духовной жизни въ западной Церкви подъ вліяніемъ папства. Всѣ лучшія духовныя стремленія обнаружившіяся въ жизни западнаго христіанства, возникли и развились въ немъ, независимо отъ папства, изъ чистыхъ началъ христіанства. Но все, что въ этихъ стремленіяхъ обнаружилось худаго, вреднаго, противнаго истинному духу Церкви, все это развилось болѣе или менѣе въ зависимости отъ папской системы.... Папство въ средніе вѣка, задаваясь идеею всемірной церковной монархіи, имѣло въ виду не столько осуществленіе высшихъ цѣлей своего духовнаго призванія, сколько блестя-

щую историческую роль—временнаго преобладанія въ мірѣ. На служеніе этой исторической роли оно старалось обратить всѣ высшія стремленія западной религіозной жизни. Очень естественно, что эти стремленія, всячески возбуждаемыя искусственными средствами, и направляемыя не столько къ внутреннему укрѣпленію и совершенствованію, сколько къ внѣшнему обнаруженію, дали на время пышный цвѣтъ—блистательные плоды. Папство, при пособіи искусственно возбужденныхъ, и въ его интересахъ направленныхъ силъ западной религіозной жизни, блистательнымъ образомъ нѣсколько вѣковъ осуществляло свою историческую роль. Но всякая историческая роль бываетъ временная, преходящая. Было время, когда папство могло предъ цѣлымъ міромъ хвалиться этимъ напряженнымъ возбужденіемъ духовныхъ силъ въ католицизмѣ. Въ настоящее время отъ этого возбужденія остаются только слабые остатки и славныя воспоминанія А можетъ быть прійдетъ, если уже не пришло, еще такое время, когда папству и католицизму нужно будетъ тяжело расплачиваться за это ненормальное возбужденіе и направленіе духовныхъ силъ къ несоотвѣтствующимъ имъ цѣлямъ—за то именно, что историческое значеніе папства было когда-то слишкомъ блистательно, миссіонерская пропаганда его слишкомъ ревностна, монашество слишкомъ многочисленно, духовенство слишкомъ энергично и вліятельно, вліяніе на общество, на науку, на искусство слишкомъ сильно и т. д.

Потому и нельзя слишкомъ много говорить о блестящемъ развитіи духовной жизни въ римско-католической церкви, преимущественно предъ другими христіанскими обществами, и въ особенности предъ восточною церковью.

Восточной церкви, можетъ быть, не пришло еще время показать въ полнотѣ плоды своей духовной жизни; на этомъ предположеніи естественно остановиться, припомнивъ, какія неблагопріятныя условія для духовнаго развитія имѣли до позднѣйшихъ вѣковъ православныя восточныя страны—греческія и славянскія. А можетъ быть даже и такъ, что духовная жизнь восточнаго христіанства, произраставшая въ тишинѣ для Бога, а не для міра, имѣла только меньше внѣшняго блеска, но въ сущности принесла не менѣе полезныхъ плодовъ, чѣмъ блистательная дѣятельность западной Церкви.... Трудно судить о томъ, гдѣ болѣе всегда произрастало тѣхъ внутреннихъ плодовъ духовнаго развитія, которые остаются сокровенными въ душахъ вѣрующихъ, и торые тѣмъ не менѣе составляютъ самую сущность религіозной жизни—плодовъ вѣры, смиренія, преданности и любви къ Богу и ближнему, чистоты помысловъ и нравовъ, теплоты религіознаго чувства, уваженія къ церкви—на востокѣ, или на западѣ. Съ этой точки зрѣнія измѣрять и сравнивать успѣхи религіозной жизни въ той или другой странѣ гораздо труднѣе, нежели измѣрять и сравнивать успѣхи науки, искусства, политической и торговой дѣятельности въ томъ или другомъ госу-

дарствѣ.... Но если даже, не касаясь этихъ внутреннихъ сокровенныхъ плодовъ духовной жизни, смотрѣть на одни внѣшнія обнаруженія церковной дѣятельности, каковы напримѣръ: миссіонерство, развитіе монастырской жизни, успѣхи богословской науки, — можетъ быть и въ этомъ отношеніи, при точномъ разсмотрѣніи дѣла, трудно было бы съ несомнѣнною очевидностью доказать преимущество западной церковной дѣятельности предъ восточною. Западная церковь славится своимъ миссіонерствомъ. И безспорно, восточная Церковь не имѣла и не имѣетъ ни такихъ большихъ средствъ, ни такихъ прочно организованныхъ учрежденій для развитія миссіонерской дѣятельности, какъ западная. И однакожъ, если взять исторію христіанства со временемъ раздѣленія церквей—съ патріарха Фотія, и точно разчислить, сколько *новыхъ пріобрѣтеній* для вѣры въ это время сдѣлано въ западной, и сколько въ восточной церкви, едва ли можно будетъ отдать большое, и даже какое нибудь преимущество первой предъ послѣднею. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что ко времени патріарха Фотія западная романская и германская Европа почти вся уже была просвѣщена христіанствомъ, а въ восточной славянской посѣвались только первыя сѣмена его, а далѣе на сѣверъ и востокъ отъ славянства въ племенахъ финскихъ и монгольскихъ, христіанство со всѣмъ не было извѣстно; нужно взять во вниманіе и то, что западная Церковь очень нерѣдко пособіемъ полити-

ческой силы готова была распространять и отстаивать свои миссіонерскіе успѣхи, а восточная не пользовалась этимъ; — западные миссіонеры часто имѣли обыкновеніе строить *на чужомъ основаніи*, и пожинать плоды чужихъ трудовъ, т.-е. всевозможными средствами утверждать вліяніе римской Церкви тамъ, гдѣ христіанство прежде нихъ распространено было восточными и протестантскими миссіонерами, а восточное миссіонерство никогда не позволяло себѣ дѣлать этаго; нужно припомнить и то, что большая часть православныхъ восточныхъ народовъ въ продолженіи многихъ вѣковъ находились въ такомъ положеніи, что съ великимъ трудомъ могли только сохранять христіанство въ своихъ странахъ, а не то, что распространять его въ чужихъ,—что у восточной Церкви насильственно отняты были цѣлыя племена и страны—на востокѣ магометанствомъ, на западѣ католицизмомъ. Если сообразить все это, можетъ быть и прійдется сказать, что существенная разница между трудами и плодами миссіонерской дѣятельности въ восточномъ и западномъ христіанствѣ заключается едва ли не въ томъ, что о западномъ миссіонерствѣ говорятъ слишкомъ много, а о восточномъ слишкомъ мало... Или, напримѣръ, смиренному, бѣдному, и безъ сомнѣнія необладающему желаемыми совершенствами духовенству восточной Церкви нерѣдко поставляютъ на видъ энергичность и вліятельность католическаго духовенства. И, безъ сомнѣнія, самое положеніе западныхъ безсемейныхъ священниковъ, вну-

тренняя организація и условія матеріальнаго благосостоянія ихъ даютъ имъ болѣе средствъ къ проявленію энергіи и пріобрѣтенію вліянія въ своемъ служеніи. И однакоже въ концѣ концовъ почитателямъ западнаго духовенства можетъ быть очень нелегко было бы безпристрастно рѣшить въ свою пользу вопросъ, гдѣ духовенство ведетъ себя сообразнѣе своему сану, гдѣ усерднѣе исполняетъ оно обязанности духовнаго призванія, и болѣе приноситъ духовной пользы пасомымъ, гдѣ ближе и искреннѣе стоитъ оно къ своимъ пасомымъ — на востокѣ или на западѣ, въ Россіи, или во Франціи и Италіи?... На западѣ въ средніе и позднѣйшіе вѣка гораздо болѣе сдѣлано изслѣдованій, написано книгъ по всѣмъ богословскимъ наукамъ, чѣмъ на востокѣ... Но можно ли поставлять въ упрекъ восточной Церкви то, что въ восточномъ христіанствѣ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ невиновата восточная церковь, до позднѣйшихъ временъ мало могло появляться книжныхъ дѣятелей, какъ по богословскимъ, такъ и по всѣмъ другимъ наукамъ?... И при всемъ томъ, если строго оцѣпить результаты, выработанные западною богословскою наукою, — сообразить, сколько здѣсь съ полезными плодами знанія выросло вредныхъ плевелъ заблужденія и невѣрія, и рѣшить безпристрастно, много ли вообще западная богословская наука подвинула впередъ разумѣніе христіанства, много ли сдѣлала она для освѣщенія вопроса вѣры не какъ вопроса простой

любознательности, а какъ нравственнаго вопроса—вопроса совѣсти, вопроса жизни,—можетъ быть восточной богословской наукѣ и не прійдется много жалѣть о томъ, что ей, до позднѣйшаго времени не приходилось участвовать въ томъ научномъ прогрессѣ, какой дѣлало западное богословіе, а приходилось оставаться при тѣхъ началахъ богословскаго вѣдѣнія, которыя указаны древними церковными восточными учителями, бывшими когда то руководителями богословской мысли и для восточной и для западной Церкви....

Въ чемъ еще можно указать несомнѣнное преимущество западной Церкви предъ восточною? Въ томъ ли, что западная Церковь обширнѣе восточной, что католиковъ числомъ болѣе, нежели православныхъ христіанъ, или въ томъ, что западные народы живутъ счастливѣе и богаче восточныхъ, дѣлаютъ болѣе успѣховъ на поприщѣ внѣшней цивилизаціи, въ наукѣ, искуствѣ, промышленности, торговлѣ и т. д?... (Западные писатели не стыдятся иногда поставлять въ упрекъ восточной Церкви самыя политическія бѣдствія греческихъ и славянскихъ племенъ, которыя будто бы наказываются Богомъ за непокорность папѣ и отчужденіе отъ него). Но по мѣткому замѣчанію извѣстнаго учителя русской Церкви (въ Разговорѣ между испытующимъ и увѣреннымъ), въ древности десятиколѣнное израильское царство было гораздо обширнѣе двухъ-колѣннаго іудейскаго. Можно прибавить къ этому замѣчанію, что израильское царство

по внѣшности, было и цивилизованнѣе іудейскаго. Израильское царство болѣе находилось въ связи съ общимъ движеніемъ тогдашней восточной цивилизаціи; а іудейское царство болѣе держалось въ сторонѣ отъ нея. И однакожъ именно въ іудейскомъ народѣ должно было совершиться исполненіе обѣтованій, данныхъ потомству Израиля; здѣсь сохранялась истинная Церковь Божія, и приготовлялось спасеніе міру, а не въ израильскомъ царствѣ.

Идея папства, т.—е. идея всемірной церковной монархіи, въ которой высшая власть человѣческая прикрывается авторитетомъ, или полномочіемъ божественнымъ, не есть идея чисто духовнаго христіанскаго происхожденія. Эта идея взята приверженцами церковнаго монархизма съ мірскаго государственнаго устройства, и преимущественно отъ древней языческой монархіи, которая также, какъ и нынѣшняя католическая Церковь, имѣла своею резиденціею священный городъ Римъ—*городъ вѣчный, городъ правды*, какъ его тогда называли, — которая также, какъ и средневѣковое папство, полагала своею задачею всемірное распространеніе и всемірное преобладаніе, и въ которой также, какъ и въ папствѣ, верховная власть человѣческая была облечена авторитетомъ божественнымъ въ лицѣ древнихъ римскихъ императоровъ. (Римскіе императоры, подобно средневѣковымъ папамъ, не смотря на всѣ свои заблужденія, пороки и преступленія, въ собственныхъ своихъ глазахъ и

въ глазахъ своихъ подданныхъ имѣли также божеское достоинство). Нигдѣ и никогда система абсолютнаго, неограниченнаго монархизма не была возвышена до такой высоты и развита до такихъ крайностей, какъ въ древнемъ языческомъ и средневѣковомъ католическомъ Римѣ. Съ точки зрѣнія этой системы, взятой во всемъ ея крайнемъ развитіи, представляются весьма понятными и послѣдовательными всѣ тѣ ультрамонтанскія понятія о значеніи папской власти въ церкви, которыя разобраны выше, и странность которыхъ съ перваго взгляда не можетъ не изумлять всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Съ точки зрѣнія крайняго монархизма представляется естественнымъ думать что въ церкви христіанской, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, во всякомъ государствѣ, необходимымъ условіемъ внутренняго единства, порядка, крѣпости, самостоятельности, всякаго успѣха и развитія, самаго существованія общества должно быть безусловное, рабское подчиненіе всѣхъ одному авторитету, одной крѣпкой волѣ, одной верховной власти. Но эта крайняя точка зрѣнія не признается истинною, а тѣмъ болѣе единственно истинною, безусловно—идеально совершенною, и по отношенію къ устройству земныхъ государствъ; тѣмъ болѣе она не можетъ быть признана такою въ примѣненіи къ церкви — духовному царству Божію. Вездѣ въ самыхъ земныхъ государствахъ сознана та истина, что безусловное рабское подчиненіе никакъ не

можетъ быть признаваемо исключительнымъ, или даже главнымъ условіемъ единства, порядка, крѣпости, самостоятельности, живаго развитія общества, и что напротивъ тамъ, гдѣ преимущественно расчитываютъ на это условіе, — государственное единство, порядокъ, крѣпость, самостоятельность, живое развитіе общества находятся въ большой опасности. Несостоятельность идеала всемірной абсолютной монархіи, въ которой все должно держаться на внѣшнемъ объединеніи и подчиненіи — на насиліи, рабствѣ и страхѣ, доказана судьбою той самой древней римской имперіи, отъ которой и унаслѣдованъ этотъ идеалъ средневѣковою римскою Церковью,— и еще прежде судьбою древнихъ деспотическихъ восточныхъ государствъ... Церковь христіанская, по началамъ своего устройства, должна стоять не ниже земныхъ государствъ, а быть высшимъ идеаломъ для всѣхъ ихъ. Церковь есть духовное царство Божіе; къ ней вообще съ большею осторожностью должны быть примѣняемы внѣшнія начала и формы государственнаго устройства. Церковь, по преимуществу, есть царство внутренней правды, свободы и любви; въ ней не должно быть мѣста принужденію, насилію, рабству и страху .. Іисусъ Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „почитающіеся князьями народовъ (въ земныхъ государствахъ) господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами (въ царствѣ Божіемъ) не должно быть такъ: между вами кто хочетъ быть большимъ, да будетъ вамъ

слугою, и кто хочетъ быть господиномъ, да будетъ всѣмъ рабомъ. Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупленія многихъ. (Марка, 10 глава, 42—44 ст.). Не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель Христосъ; вы же всѣ братья. И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ; ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками; ибо одинъ у васъ наставникъ Христосъ. (Матѳ. 23 гл., 8—10 ст.)". Посему Іисусъ Христосъ никого изъ учениковъ и послѣдователей Своихъ не поставилъ верховнымъ учителемъ, руководителемъ, главою церкви. Онъ Самъ навсегда до скончанія вѣка остался ея Главою, Учителемъ, Руководителемъ. Онъ умолилъ Отца послать ей Духа святаго въ ея просвѣщеніе и руководство. Живой союзъ со Христомъ, просвѣщеніе и руководство отъ Духа Святаго — вотъ для церкви христіанской единственныя и существеннѣйшія условія ея крѣпости, самостоятельности, непогрѣшимости, единства, живаго развитія и самаго существованія. Признавать силу Божію какъ бы недостаточною для охраненія церкви, поставлять необходимою опорою церковной непоколебимости авторитетъ человѣческій, значитъ—болѣе вѣрить въ силу человѣческую, нежели въ силу Божію.

IX.

СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЫ; ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПОСТЕПЕННОЕ РАЗВИТІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Римскій папа въ западномъ христіанскомъ мірѣ сдѣлался не только главою Церкви, но и свѣтскимъ государемъ. Въ его лицѣ высшая духовная власть соединилась съ высшею свѣтскою властію. Соединеніе это сначала образовалось случайно, вслѣдствіе временныхъ историческихъ обстоятельствъ, но потомъ оно вошло въ нравственный принципъ латинства, и сдѣлалось также одною изъ преградъ препятствующихъ западной церкви возвратиться къ древнему чистому православію. Свѣтскія политическія притязанія папъ въ средніе вѣка простирались до того, что нѣкоторые изъ нихъ замышляли сдѣлаться властителями всего міра, и поставить отъ себя въ зависимость всѣхъ другихъ государей. Въ послѣдніе вѣка папы довольствуются тѣмъ, что владѣютъ небольшимъ государствомъ въ средней Италіи, такъ называемою Церковною областію; и въ ней ихъ государственная власть постепенно слабѣетъ и колеблется болѣе и болѣе. Тѣмъ не менѣе папы все-таки не думаютъ отказываться отъ свѣтской власти, и богословы западные, въ послѣднее время, даже съ особенными усиліями стараются свѣтской власти папъ придать религіозное значеніе, и доказать ея необходимость для

благосостоянія Церкви. На римскомъ соборѣ, начавшемся 8-го декабря 1869 года, предполагалось многими изъ приверженцевъ папства самую свѣтскую власть папы возвести въ догматъ вѣры.

Откуда явилась въ западномъ христіанскомъ мірѣ самая идея соединенія верховной власти религіозной и государственной, духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ? Она очевидно не могла возникнуть изъ началъ чисто христіанскихъ. Іисусъ Христосъ, когда утверждалъ на землѣ Церковь Свою, не искалъ мірской власти надъ людьми; напротивъ всею жизнію своею и ученіемъ своимъ Онъ опровергалъ предразсудокъ іудеевъ, ожидавшихъ себѣ въ лицѣ Мессіи земнаго царя. *Царство Мое не отъ міра сего*, говорилъ Іисусъ Христосъ (Іоан. XVIII гл., 36 ст.), и не искалъ никакой власти въ мірѣ, и не хотѣлъ пользоваться мірскими средствами для огражденія своей личности и для распространенія своего ученія. Исполняя обязанности подданнаго по отношенію къ земнымъ властямъ, Іисусъ Христосъ не только не хотѣлъ устроять себѣ на землѣ какое нибудь царство, но не имѣлъ мѣста, гдѣ главу приклонить. Имѣя въ виду одну высшую духовную цѣль своего Божественнаго посланничества, Онъ всегда удалялся отъ народа въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ, увлеченный Его ученіемъ и чудесами, хотѣлъ объявить Его своимъ царемъ, или сдѣлать судьею и рѣшителемъ своихъ житейскихъ дѣлъ (Іоан. VI гл., 15 ст., Лук. XII гл., 13, 14 ст.). Апостолы, распространяя вѣру Хри-

стову на землѣ, также не искали мірской власти, не заботились о пріобрѣтеніи владѣній, не вмѣшивались въ мірскія дѣла и отношенія людей. Не имѣя на землѣ никакого владѣнія, ни даже опредѣленнаго мѣстопребыванія, они и преемникамъ своимъ, пастырямъ церкви, ничего не могли завѣщать, кромѣ высокихъ даровъ вѣры и благодати. И древняя христіанская Церковь не представляетъ намъ примѣровъ, чтобы пастыри Церкви соединяли въ своемъ лицѣ пастырское служеніе съ государственною властію. Стремленіе къ вмѣшательству въ государственныя дѣла, со стороны лицъ принадлежащихъ къ клиру церковному, было строго осуждаемо въ древней Церкви. Въ правилахъ Апостольскихъ прямо воспрещается епископамъ и пресвитерамъ вмѣшиваться въ народныя управленія, и предписывается имъ неупустительно быть при дѣлахъ церковныхъ; „ибо никто не можетъ двумъ господамъ работать, по заповѣди Господней. (пр. 18-е)“ Въ III-мъ вѣкѣ на соборѣ Антіохійскомъ (269) извѣстному антіохійскому епископу, еретику Павлу Самосатскому, было поставлено въ вину, между прочимъ, то, что онъ, пользуясь покровительствомъ царицы Зиновіи, занимался управленіемъ государственными дѣлами, и въ образѣ жизни подражалъ свѣтскимъ сановникамъ, являлся предъ народомъ съ пышностію, окруженный большою толпою тѣлохранителей, предшествующихъ ему и сопровождающихъ его (подобно тому, какъ нынѣ являются папы), устроилъ себѣ трибуну и судный

совѣтъ на подобіе мірскихъ судовъ. Подобно пастырямъ другихъ церквей и древніе папы римскіе твердо сознавали несовмѣстимость свѣтской государственной власти съ духовнымъ пастырскимъ служеніемъ. Вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ римскихъ папъ св. Геласій, жившій въ концѣ V-го вѣка: „До пришествія Іисуса Христа нѣкоторыя лица, какъ *напримѣръ* Мелхиседекъ, *въ значеніи прообразовъ*, были царями и священниками въ одно и тоже время. Этому старался подражать и демонъ; по его внушенію, языческіе императоры также принимали на себя имя верховнаго первосвященника (maximus pontifex). Но съ тѣхъ поръ, какъ обратились къ Тому, Кто есть истинный Царь и вмѣстѣ истинный первосвященникъ,—съ тѣхъ поръ ни императоръ болѣе не назывался первосвященникомъ, ни первосвященникъ болѣе не присвоивалъ себѣ царскаго достоинства. Богъ, зная слабость человѣческую, и желая, путемъ смиренія, вести своихъ вѣрныхъ ко спасенію, *отдѣлилъ отправленія одной власти отъ другой*, чтобы христіанскіе императоры слѣдовали руководству первосвященниковъ въ томъ, что относится къ жизни вѣчной, и первосвященники подчинились императорамъ въ дѣлахъ мірскихъ,—чтобы служащій Богу не вмѣшивался въ житейскія дѣла, а тотъ, кто поставленъ для этихъ дѣлъ, не распоряжался предметами Божественными". Въ этихъ словахъ св. Геласія заключается, какъ самое ясное обличеніе свѣтскимъ притязаніямъ

папства, такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе на тотъ источникъ, изъ котораго могли возникнуть въ западной церкви эти притязанія. Въ древней Церкви ветхозавѣтной бывали случаи соединенія высшей власти религіозной и государственной въ одномъ лицѣ,—такъ какъ вообще въ народѣ еврейскомъ жизнь государственная находилась, въ непосредственной связи съ жизнью религіозною. Но это оказывалось нужнымъ только на время въ виду особенныхъ цѣлей религіознаго воспитанія народа еврейскаго. Въ Церкви христіанской, предназначенной къ религіозно-нравственному воспитанію не одного какого нибудь народа, а цѣлаго человѣчества, область жизни религіозной отдѣлена отъ отправленій жизни государственной, и вмѣстѣ съ тѣмъ служеніе пастырское отъ служенія государственнаго. Возродившееся въ средневѣковомъ католицизмѣ стремленіе опять соединить вмѣстѣ власть государственную и религіозную, едва ли можно объяснить подраженіемъ ветхозавѣтной іудейской Церкви, хотя несомнѣнно то, что въ католицизмѣ среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ чистаго идеала древней христіанской церкви, стали обозначаться въ нѣкоторой степени и ветхозавѣтныя іудейскія стремленія. Скорѣе нужно предположить, что стремленіе къ соединенію власти религіозной съ государственною папство унаслѣдовало отъ того самаго языческаго Рима, отъ котораго заимствовало оно и стремленіе къ всемірному распространенію и всемірному господству. Въ древнемъ

Римѣ ко времени распространенія христіанства съ особенною силою развилась эта идея, — соединенія высшей власти религіозной и государственной въ одномъ лицѣ. Императоры римскіе (начиная съ Августа и даже до Граціана, жившаго уже подъ конецъ IV-го вѣка) были вмѣстѣ съ тѣмъ и верховными первосвященниками языческой религіи — *maximus pontifex;* это названіе впослѣдствіи буквально усвоили себѣ римскіе папы, и до сихъ поръ носятъ его. Въ первые восемь вѣковъ христіанской исторіи, когда римская Церковь болѣе была вѣрна христіанскому духу и древнимъ преданіямъ, крѣпче держалась въ союзѣ съ восточною — вообще съ другими православными Церквами, въ Римѣ не могли имѣть силы языческія преданія, и въ папахъ мало было стремленій къ захвату государственной власти. Особенныя историческія обстоятельства — удаленіе императоровъ съ запада на востокъ въ VI-мъ столѣтіи, крайнее ослабленіе, и за тѣмъ разрушеніе западной римской имперіи въ V-мъ вѣкѣ, неустроенное политическое положеніе Италіи съ V-го до IX-го вѣка, выборъ на престолъ папскій лицъ изъ знатныхъ патриціанскихъ фамилій, имѣвшихъ хорошее политическое образованіе и дѣйствительно способныхъ оказывать народу помощь и руководить имъ въ трудныя времена, дали папамъ въ Италіи большое вліяніе на политическія дѣла. Но это участіе въ государственныхъ дѣлахъ, вызванное случайными обстоятельствами, не было признаваемо папами существенно относящимся къ

обязанностямъ ихъ пастырскаго служенія, и не возбуждало въ нихъ мысли сдѣлаться самостоятельными свѣтскими государями. До половины VIII столѣтія эта мысль не появлялась ни у одного изъ папъ.

Случайное, и при томъ не дѣлающее чести папамъ, обстоятельство подало имъ поводъ взять въ свои руки правительственную власть, и возбудило въ нихъ властолюбивыя стремленія къ расширенію ея, и закрѣпленію за своимъ престоломъ. Во второй половинѣ VIII-го столѣтія Пипинъ Короткій,—правитель Галліи, родоначальникъ извѣстной карловинской династіи, вошелъ въ сношенія съ папою потому поводу, что ему хотѣлось у древняго рода королей французскихъ—Меровинговъ отнять царскую корону, и возложить ее на себя, получивъ на это соизволеніе — религіозную санкцію отъ главы римской церкви. Папа Захарія согласился на желаніе Пипина; и съ его соизволенія извѣстный западный миссіонеръ св. Бонифацій, архіепископъ майнцскій, короновалъ Пипина королевскимъ вѣнцемъ. Преемникъ Захаріи папа Стефанъ, стѣсненный въ Италіи завоевательными стремленіями лонгобардовъ, самъ отправился во Францію просить помощи у Пипина, и тамъ вновь совершилъ надъ нимъ торжественное коронованіе. Пипинъ защитилъ Римъ отъ лонгобардовъ, и отнявши у нихъ занятыя ими земли, составлявшія прежде намѣстничество Византійскихъ имцераторовъ въ Италіи — такъ называемый равеннскій экзархатъ,

пожертвовалъ эти земли римской Церкви, положивши дарственную запись на нихъ на гробѣ св. Петра (756 г.). Преемникъ Пипина—Карлъ великій, разрушивъ окончательно Лонгобардское царство, и получивъ отъ папы Льва III-го императорскую корону, умножилъ владѣнія папъ новыми пожертвованіями, и вновь подтвердилъ ихъ на будущія времена (800 г.). Съ этого времени у папъ пробудилось стремленіе закрѣпить за собою государственную власть въ Италіи, и распространить свое политическое вліяніе на другія государства, считаясь какъ бы верховными раздаятелями царскихъ вѣнцевъ для всѣхъ государей Европы.

На первыхъ порахъ эти стремленія были еще слабы. Западные государи рѣдко считали нужнымъ обращаться за благословеніемъ къ папѣ, когда, по праву наслѣдства, возлагали на себя царскіе вѣнцы. И даже тѣ земли, которыя были подарены папамъ Карловингами, не составляли еще для нихъ прочной собственности, и не были въ ихъ полномъ распоряженіи. Верховными властителями (патронами) Рима и принадлежащихъ къ нему областей считались сами императоры; папы въ зависимости отъ императоровъ считались только лѣнными владѣльцами этихъ областей. Въ непосредственное управленіе Римомъ папы рѣдко вмѣшивались; имъ управляли, или намѣстники императорскіе, или разные римскіе магнаты—владѣтельные князья въ качествѣ *патриціевъ* римскихъ, или римскій сенатъ; смотря по обстоятельствамъ получала преобла-

даніе та, или другая, или третья сила. Первый изъ папъ вздумалъ взять въ свои руки управленіе свѣтскими дѣлами въ Римѣ въ половинѣ X-го вѣка папа Іоаннъ XII, извѣстный своимъ безбожіемъ и безнравственностью. Какъ сынъ римскаго патриція Альберика, онъ, сдѣлавшись папою по праву наслѣдства, соединилъ съ властью первосвященника и власть свѣтскаго правителя Рима, и пользуясь происходившими тогда въ Италіи смутами, хотѣлъ сдѣлать Римъ совершенно независимымъ отъ власти императорской. Но сильный Германскій императоръ Оттонъ I-й смирилъ мятежнаго папу, и заставилъ итальянцевъ признавать себя, какъ и прежде признавали они Карла великаго, верховнымъ властителемъ Италіи (962 г.). Преемники его Оттонъ 2-й, Оттонъ 3-й, Генрихъ 3-й крѣпкою рукою поддерживали верховную власть въ Италіи и Римѣ; при такихъ государяхъ папы не могли сдѣлаться независимыми владѣтелями Рима, и опять почти не вмѣшивались въ управленіе имъ.

Между тѣмъ однакожь, благодаря особенному стеченію обстоятельствъ и настроенію эпохи, вліяніе папъ въ различныхъ государствахъ Европы въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ распространялось болѣе и болѣе, не смотря даже на ничтожество и безнравственность большей части личностей, въ то время занимавшихъ папскій престолъ. Въ Европѣ происходили тогда частые политическіе перевороты. Одно государство усиливалось на мѣсто другаго; одна династія свергала другую. Папы

пользовались для своихъ выгодъ всякими политическими смутами — образованіемъ новыхъ государствъ, прекращеніемъ старыхъ династій, спорами возникавшими между нѣсколькими претендентами за одну и ту же королевскую или императорскую корону. Папы привлекали сильнѣйшихъ претендентовъ на свою сторону, склоняли ихъ искать опору для побѣды надъ соперниками въ авторитетѣ церковномъ, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе распространялась мысль, что верховное право утверждать за государями ихъ владѣтельныя права принадлежитъ главѣ церкви. Сначала только въ спорныхъ случаяхъ владѣтели близкихъ странъ — Франціи, Германіи — обращались къ папѣ за утвержденіемъ своихъ правъ и полученіемъ царскихъ вѣнцовъ; потомъ это стало почти общимъ обычаемъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, при вступленіи новыхъ владѣтелей на престолъ. Въ Европѣ распространилось убѣжденіе, что никто изъ государей безъ благословенія папскаго не можетъ возложить на себя царскаго вѣнца. При Григоріѣ VII-мъ, мечтавшемъ весь міръ обратить въ теократическую монархію, и всѣхъ государей сдѣлать вассалами папскаго престола, это убѣжденіе сдѣлалось сильно; большая часть европейскихъ государей старались получить корону изъ рукъ папы, обязуясь быть вѣрными римской Церкви. При Григоріѣ VII-мъ и непосредственныя владѣнія папы въ Италіи были усилены и распространены тѣмъ,

что норманнскій герцогъ Робертъ Гвискаръ, владѣтель южной Италіи и Сициліи, призналъ себя лжэнникомъ папы (1061 г.), а потомъ въ средней Италіи завѣщала обширныя владѣнія римской каѳедрѣ тосканская маркграфиня Матильда (1076 г.). Впрочемъ Григорій VII, мечтавшій распространить свое вліяніе на весь міръ, не обращалъ большаго вниманія на свои итальянскія владѣнія, и подобно своимъ предшественникамъ мало вступался въ непосредственное управленіе ими. Да и самое смутное состояніе Италіи въ то время, борьба папъ съ императорами (Генрихомъ IV и Генрихомъ V) за права инвеституры, отзывавшіяся частыми волненіями въ самомъ Римѣ, не позволяли здѣсь папамъ прочно утвердить свою правительственную власть.

Преемники Григорія VII, усилившись преимущественно въ слѣдствіе того религіознаго, энтузіазма какой распространился въ западной Европѣ при началѣ крестовыхъ походовъ, стали сильнѣе заявлять свои политическія притязанія. Въ XII-мъ вѣкѣ папы свои сицилійскія и тосканскія земли отдавали большею частію въ лэнное владѣніе императорамъ, но самымъ Римомъ, хотя онъ признавалъ надъ собою еще верховное господство императоровъ, стали управлять сами.

Это вмѣшательство духовной власти въ управленіе свѣтскими дѣлами на первыхъ же порахъ было встрѣчено неблагопріятно. Въ самомъ римскомъ народѣ ясно было сознаніе несовмѣстимости

пастырскаго служенія съ государственною властью. Энергическимъ выразителемъ этого стремленія явился при папѣ Иннокентіѣ II одинъ замѣчательный итальянскій клирикъ-Арнольдъ Брешіанскій, ученикъ извѣстнаго богослова Абелярда. Вдохновленный высокими идеалами первобытной христіанской церкви, съ другой стороны увлеченный глубокимъ уваженіемъ къ древнимъ формамъ римскаго республиканскаго устройства, Арнольдъ началъ горячую проповѣдь противъ свѣтской власти папъ, вообще противъ вмѣшательства епископовъ и клириковъ въ мірскія дѣла, противъ пріобрѣтенія церковію огромныхъ богатствъ и владѣній; во всемъ этомъ онъ видѣлъ глубокую порчу нравственнаго состоянія церкви и вредъ для народа. Подъ вліяніемъ его восторженныхъ рѣчей, римляне отказались повиноваться папамъ, и провозгласили у себя республику съ древними формами римскаго республиканскаго управленія-съ древнимъ сенатомъ, консулами и трибунами. Папы пустили въ ходъ свое духовное вліяніе, наложили интердиктъ на римлянъ, стали возбуждать противъ нихъ иностранныхъ государей, и такими средствами успѣли подавить народное волненіе. Арнольдъ былъ проклятъ на Латеранскомъ соборѣ 1139-го года, и потомъ захваченный въ плѣнъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссой, преданъ сожженію, и самый прахъ его былъ брошенъ въ Тибръ (1155 г.). Впрочемъ какъ въ то время, не только противники, но и самые ревностные приверженцы папъ относились

неблагопріятно къ ихъ политическимъ притязаніямъ и вмѣшательству въ управленіе государственными дѣлами, это видно изъ тѣхъ мыслей, какія имѣлъ объ этомъ предметѣ знаменитѣйшій подвижникъ и богословъ западный Бернардъ клервосскій. Когда его ученикъ, бывшій прежде инокомъ въ клервосскомъ монастырѣ, достигъ папскаго престола подъ именемъ Евгенія III-го (1145 г.); знаменитый клервосскій пустынникъ вотъ какіе совѣты преподавалъ ему въ своемъ сочиненіи de consideratione: „Никто никогда ни объ одномъ изъ Апостоловъ не можетъ доказать, чтобы какой либо изъ нихъ былъ судьею людей, или опредѣлителемъ поземельныхъ границъ, или раздѣлителемъ владѣній. Апостолы были приводимы въ судилища, но сидѣли между обвиняемыми и судимыми, а не на судейскомъ мѣстѣ, судя другихъ.... Дѣла земныя имѣютъ своими судьями царей и князей земли. Зачѣмъ же вы переступаете предѣлы ближняго, зачѣмъ ставите вашу пяту на чужую межу?... Можетъ быть, вы думаете, что св: Апостолъ Петръ оставилъ вамъ имперію, или право господствовать? Но св: Петръ не могъ дать того, чего самъ не получилъ отъ Христа. Онъ далъ тебѣ, что имѣлъ, т. е. попеченіе о церквахъ. Можетъ быть, онъ оставилъ тебѣ и господство? но слушай что онъ говоритъ: *не господствуйте надъ насльдіемъ господнимъ, но примѣромъ смиренія бывайте стаду* (1. Пет. V гл. 3 ст.) А что бы ты не подумалъ, что Апостолъ сказалъ это только по смиренію, слу-

шай, какъ самъ Господь говоритъ въ евангеліи: *князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но между вами не должно быть такъ* (Мѳ. XX гл, 25, 26) Одно изъ двухъ; или ты, желая господствовать, похитилъ Апостольство, или давая себѣ титулъ „Апостольскій“ похитилъ господство. Если же то и другое хочешь имѣть, то и другое потеряешь“. Въ другомъ мѣстѣ, объясняя папѣ, какъ много времени и труда отнимаютъ у него занятія свѣтскими дѣлами отъ духовныхъ обязанностей св: Бернардъ говоритъ: „*я* тебя спрашиваю, что значатъ эти процессы съ утра и до вечера и выслушиваніе тяжущихся сторонъ? Я не сомнѣваюсь, что ты самъ оплакиваешь подобный порядокъ дѣлъ; но слезы были бы напрасны, если бы не позаботился избавиться отъ такой пагубной для тебя дѣятельности. Поспѣши нетолько уменьшить, или сократить, не только удалить, но и совершенно отвергнуть отъ себя это иго самого тяжкаго рабства. Что можетъ быть болѣе рабскаго и недостойнаго для званія римскаго первосвященника, какъ постоянно быть занятымъ такими дѣлами—не говорю каждодневно, но почти ежечасно?.. Когда же намъ послѣ этого заниматься молитвою? Когда учить народъ? Когда заботиться объ устроеніи Церкви? Когда размышлять о законѣ Господнемъ? Нѣтъ сомнѣнія, въ твоемъ дворцѣ всякій день говорятъ о законахъ; но Юстиніановыхъ, а не Господнихъ“. Такъ при самомъ утвержденіи свѣтской власти папъ въ Римѣ, люди съ добрымъ

христіанскимъ смысломъ изъ самыхъ приверженцевъ паства понимали несоотвѣтствіе мірскихъ государственныхъ заботъ и стремленій съ служеніемъ пастырскимъ. Но фальшивое настроеніе господствовавшаго въ римскомъ клирѣ образа мыслей и честолюбіе папъ взяли верхъ надъ представленіями людей, здраво понимавшихъ требованія христіанства, — и свѣтская власть папы со второй половины XII вѣка стала болѣе и болѣе утверждаться въ Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ со временъ папъ Александра III-го и Иннокентія III-го стали болѣе и болѣе усиливаться въ папахъ стремленія подчинить своему вліянію, сдѣлать какъ бы своими лэниками и государей всѣхъ другихъ странъ Европы. Папа Александръ III заявилъ гордую мысль— самую императорскую власть, т. е самую высшую власть въ западной Европѣ, поставить лэномъ папскаго престола, а Иннокентій III развилъ эту мысль до такого положенія, что власть императоркая проистекаетъ отъ папской, какъ свѣтъ луны отъ солнечнаго свѣта, и послѣдняя во столько разъ больше первой, во сколько солнце больше луны.

Впрочемъ въ XII-мъ вѣкѣ основанія свѣтской власти папъ, и отношенія ея къ императорской власти еще не установились опредѣленно. Запутанность этихъ отношеній преимущественно условливалась тѣмъ, что и папа, и императоръ имѣли формальныя основанія считать одинъ другаго зависимымъ отъ себя. Папа, какъ правитель Рима, получившій власть надъ нимъ отъ императоровъ,

долженъ былъ. по представленію послѣднихъ, считать себя лэнникомъ императорской власти. Императоры, въ свою очередь, получая отъ папъ въ лэнное владѣніе земли южной и средней Италіи (сицилійскія и тосканскія), должны были, по требованію папъ, давать имъ присягу на лэнную вѣрность. Каждый изъ нихъ старался не только освободиться изъ подъ зависимости отъ другаго, но и сдѣлаться господиномъ другаго; и это главнымъ образомъ послужило поводомъ къ столѣтней борьбѣ папъ съ императорами Гогенштауфенами. Папамъ хотѣлось, сохранивъ верховную власть надъ сицилійскими и тосканскими владѣніями, уничтожить всякую тѣнь зависимости отъ императоровъ въ самомъ Римѣ. Императоры въ свою очередь, сохраняя давнее право патронатства надъ Римомъ, желали обратить въ наслѣдственную собственность своего рода южно-италійскія владѣнія. Побѣда въ этой борьбѣ, вслѣдствіе происковъ, интригъ и злоупотребленія духовнымъ, вліяніемъ въ политической борьбѣ, осталась, какъ извѣстно, на сторонѣ папъ. Папамъ постепенно удалось пріобрѣсти себѣ все, чего они желали. Мужественный императоръ Фридрихъ Барбарусса, начавшій борьбу съ папою Александромъ III, не имѣя возможности одолѣть интригъ возбужденныхъ противъ него папствомъ въ верхней Италіи, долженъ былъ признать свои италійскія владѣнія лэномъ папы (1176 г.). Въ малолѣтство Фридриха II-го, папа Иннокентій III, пользуясь междуусобіями, возникшими въ Германіи ме-

жду двумя претендентами на императорскій престолъ, Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ, принявъ сторону Оттона, склонилъ его къ тому, что онъ отказался отъ правъ патронатства надъ Римомъ (1201 г.); такимъ образомъ съ начала XIII вѣка папы сдѣлались совершенно самостоятельными владѣтелями Рима. Наконецъ, послѣ побѣды надъ мужественнымъ императоромъ Фридрихомъ II, и позорной казни послѣдняго Гогенштауфена Конрадина (1268 г.), папы успѣли не только удержать за собою верховную власть надъ всѣми своими италійскими владѣніями, но и поставить отъ себя въ значительную зависимость императоровъ Германскихъ, а за ними и другихъ западно-европейскихъ владѣтелей. Это время было эпохою сильнѣйшаго возвышенія папской власти: духовной и свѣтской. Въ это время папы по преимуществу могли мечтать сдѣлаться владыками міра не только въ религіозномъ, но и въ государственномъ отношеніи, и на самомъ дѣлѣ стали вести себя по царски, носить двойную и потомъ тройную корону, выражаться въ своихъ буллахъ тономъ государей, имѣть при своихъ дворахъ царскую пышность, требовать себѣ отъ всѣхъ не только простыхъ людей, но и владѣтельныхъ особъ царственныхъ почестей и т. д. Въ это время, по преимуществу, между приверженцами папства стали развиваться нелѣпыя теоріи о томъ, что папа можетъ возводить на престолъ и низлагать государей, утверждать или отмѣнять постановляемые

ими законы, освобождать подданныхъ отъ повиновенія государямъ, измѣнять существующій на землѣ образъ правленія и т. д.

Но, достигши своего высшаго развитія, свѣтская власть папъ также, какъ и духовная съ XIV вѣка приняла обратный ходъ, и начала склоняться къ упадку. Переселеніе въ Авиньонъ, поставивъ папъ въ зависимость отъ королей французскихъ, подорвало силу ихъ политическаго вліянія въ другихъ странахъ, и отвлекло ихъ отъ непосредственнаго управленія итальянскими владѣніями. Въ Римѣ, во время отсутствія папъ, итальянцемъ Ріензи вновь была сдѣлана попытка возстановить древнее республиканское управленіе (1347 г.). Во всѣхъ другихъ странахъ Европы государственное право начало выдѣляться изъ области церковнаго права, и получать самостоятельное значеніе; вездѣ сталъ распространяться такой взглядъ, что государственная власть также непосредственно и самостоятельно установлена отъ Бога, какъ и папская, и что области духовной и свѣтской власти должны быть строго разграничиваемы. Смуты, происходившія во время раскола, бывшаго въ римской Церкви, и реформація XVI вѣка нанесли еще болѣе тяжкій ударъ и духовному и политическому вліянію папъ. Вслѣдствіе этого папы въ XV и XVI вѣкахъ уже перестаютъ мечтать о распространеніи своего политическаго господства на весь міръ или на всю Европу. По отношенію къ различнымъ государствамъ, находящимся внѣ Италіи, папы становятся вынужден-

ными довольствоваться тѣмъ, чтобы сколько возможно поддерживать въ нихъ свое духовное вліяніе. На политическія же дѣла различныхъ государствъ они по временамъ пріобрѣтаютъ вліяніе только косвеннымъ образомъ чрезъ духовниковъ разныхъ королей и королевъ, чрезъ кардиналовъ министровъ, чрезъ духовенство и монашество, и вообще чрезъ такъ называемую въ западной Европѣ клерикальную партію. За то тѣмъ съ большею ревностію папы въ XV, XVI и дальнѣйшихъ вѣкахъ сосредоточиваютъ силу своего политическаго вліянія на непосредственно принадлежащихъ имъ итальянскихъ областяхъ. Въ Европѣ въ это время во всѣхъ странахъ совершалось утвержденіе монархическихъ началъ надъ прежними феодальными, округленіе государственныхъ границъ, приведеніе силъ различныхъ государствъ къ такъ называемому политическому равновѣсію. Папское государство становится совершенно въ рядъ другихъ государствъ, и папы также какъ и другіе государи, стараются округлить и расширить свои владѣнія, укрѣпить въ нихъ монархическій принципъ, подавить остатки феодальной вольности, устроить государственный порядокъ, и занять въ обще-европейской политикѣ вліятельное мѣсто въ ряду другихъ государей. Для укрѣпленія своей власти въ Италіи и обеспеченія своего вліянія въ европейской политикѣ, папы употребляютъ всѣ тѣ средства, какими пользуются другіе государи, — заключаютъ союзы, дѣлаютъ договоры, заводятъ

интриги, совершаютъ подкупы, ведутъ войны, и т. д. Извѣстная маккіавелевская политическая система находитъ себѣ самое широкое приложеніе преимущественно въ папскомъ государствѣ. У многихъ изъ папъ (каковы напримѣръ были въ началѣ XVI-го столѣтія Александръ VI, Юлій II, Левъ X и др.) заботы государственныя совершенно закрываютъ дѣятельность первосвященническую. Геніальнѣйшіе умы и сильнѣйшіе характеры наиболѣе замѣчательныхъ папъ XVI и XVII столѣтія, каковы напримѣръ были Юлій II, Григорій XIII, Сикстъ V, Григорій XV, которые въ наиболѣе благопріятное время готовы были бы, подобно Григорію VII или Иннокентію III, распространять свое вліяніе на весь міръ, теперь полагаютъ свою дѣятельность на то, чтобы получше устроить и украсить городъ Римъ, водворить порядокъ въ римской области, поставить свое государство въ благопріятныя отношенія къ другимъ государствамъ, обезопасить свою власть отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и т. д. Государство римское входитъ въ свои опредѣленія границы; высшіе духовные сановники папскаго двора получаютъ въ свое завѣдываніе различныя отрасли государственнаго управленія, и это клерикально-монархическое управленіе церковною областью продолжаетъ твердо держаться въ ней до конца XVIII столѣтія.

Замѣчательно то, что хотя свѣтская власть уже нѣсколько вѣковъ фактически существовала въ римской области, католическимъ богословамъ не приходило

на мысль придавать ей особенное религіозное значеніе и дѣлать изъ нея особенный догматъ для католической церкви до тѣхъ поръ, пока въ обстоятельствахъ времени не открылись для свѣтской власти папъ нѣкоторые опасные признаки. Это начало обнаруживаться преимущественно съ конца XVIII-го вѣка. Французская революція, поставившая себѣ цѣлію ниспроверженіе монархическаго принципа не только во Франціи, но по возможности и въ другихъ странахъ, не остановилась предъ авторитетомъ папской власти. Республиканскія войска заняли Римъ, и объявили въ немъ республику (1798 г.). Папа Пій VI умеръ плѣнникомъ во Франціи. Его преемника Пія VII Наполеонъ возвратилъ въ Римъ, но онъ предоставилъ ему управленіе римскою областію на тѣхъ началахъ, на какихъ предоставляли правительственную власть древнимъ папамъ сильные императоры: Карлъ великій и Оттонъ великій, т. е. подъ условіемъ верховнаго признанія Императорской власти и покорнаго повиновенія ей. Когда же Пій VII сталъ противорѣчить нѣкоторымъ требованіямъ императора, Наполеонъ приказалъ военною силою вывезти его изъ Рима съ его кардиналами и перевезти во Францію, а римскую область опять присоединилъ къ французскимъ владѣніямъ, давъ титулъ римскаго короля своему младенцу сыну. (1809 г.) Союзныя войска, по низверженіи Наполеона, возвратили папу въ Римъ въ 1814 году, и на Вѣнскомъ конгрессѣ вновь утверждены его государственныя права. Съ

тѣхъ поръ папы опять стали управлять своимъ римскимъ государствомъ; но ихъ власть въ немъ, сильно поколебленная, не могла получить прежней прочности. Нѣсколько лѣтъ французскаго управленія, хотя оно и представляло для итальянцевъ иноземную силу, и имѣло военнодеспотическій характеръ, познакомили римлянъ съ лучшими порядками, съ лучшими законами, съ болѣе широкою свободою, нежели какими они привыкли пользоваться подъ управленіемъ своихъ государей-первосвященниковъ. По этому возстановленіе папскаго правленія показалось итальянцамъ тяжелымъ. Въ Италіи, въ самомъ Римѣ образовалось нѣсколько тайныхъ политическихъ обществъ, и отсюда стала распространяться революціонная пропаганда не только по всей Италіи, но въ другія страны Европы. Въособенности суворовое и продолжительное правленіе папы Григорія XVI-го (1831—1846 г.) довело въ народѣ не довольство и раздраженіе до высшей степени. Римскіе казематы наполнились тысячами политическихъ преступниковъ. Папа Пій IX-й, вступивъ на престолъ, рѣшился дать болѣе свободы народу; но въ его правленіе пришло время выйти наружу тому раздраженію, какое накопилось при его предшественникахъ. Въ 1848-мъ году въ Римѣ вновь вспыхнула революція, и папа опять долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Въ 1850-мъ году, при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, папа возвратился въ Римъ. Но съ этого времени, свѣтская власть папы должна была находиться въ постоянной

опасности. Во время новой революціи 1860-го года, значительная часть церковной области была отдѣлена къ Пьемонтскому государству, и всѣ итальянскіе патріоты выражали желаніе, чтобы Римъ, переставъ быть папскимъ городомъ, сдѣлался столицей единой Италіи. Когда пьемонтскій король Викторъ Эммануилъ, сдѣлавшійся королемъ объединенной Италіи, отказался отъ этой мысли, извѣстный вождь итальянскихъ патріотовъ—Гарибальди самъ нѣсколько разъ покушался овладѣть Римомъ. Только вмѣшательство иностранной политики и сила иностранныхъ войскъ сохранили свѣтскую власть папы, до новыхъ взрывовъ народнаго раздраженія, или до новыхъ перемѣнъ въ направленіи европейской политики, которыя неминуемо должны послѣдовать, такъ какъ никакими усиліями, никакою фальшью нельзя поддержать того, что отжило свой вѣкъ.

Папство очевидно доживаетъ послѣднія времена своего свѣтскаго могущества. Замѣчательно, однакожъ, что именно въ это то время, когда свѣтская власть папы особенно сильно стала колебаться, проявилась между ультрамонтанскими писателями особенная ревность къ поддержанію ея. Съ конца прошлаго столѣтія стало появляться много сочиненій въ пользу свѣтской власти папы, исполненныхъ самыми неестественными софизмами. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ сочиненія извѣстнаго графа де-Местра. При папѣ Піѣ IX литература и полемика по вопросу о свѣт-

ской власти папства особенно усилились на западѣ Европы. Впрочемъ мнѣнія самыхъ католическихъ писателей по этому предмету сильно расходятся. Только самые ярые ультромонтаны защищаютъ полную неприкосновенность свѣтской власти папы во всемъ ея stato quo, и стараются доказать, что эта власть непрерывно связана съ самою духовною властію церкви, и на ней держатся всѣ интересы религіи, права государей, спокойствіе и благосостояніе народовъ и т. д. Другіе болѣе умѣренные писатели высказываютъ такой взглядъ, что хотя свѣтская власть и нужна для поддержанія духовной самостоятельности папы, но при этомъ вопросъ о большей или меньшей обширности папскихъ владѣній не имѣетъ большаго значенія; папамъ можно оставить одинъ городъ Римъ; а всѣ остальныя ихъ владѣнія отдѣлить къ итальянскому королевству. Еще болѣе рѣшительные допускаютъ, что такъ какъ Римъ, по своимъ историческимъ преданіямъ, не можетъ быть отдѣленъ отъ Италіи, то папу можно бы переселить въ какое нибудь другое мѣсто, но все таки въ качествѣ независимаго владѣтеля извѣстнаго города или области. Наконецъ самые искренніе и безпристрастные изъ католиковъ сознаются, что свѣтская власть составляетъ не необходимость, не опору, а лишнее бремя для духовной самостоятельности папъ, глубокую болѣзнь, вредный наростъ въ римской церкви и исторіи итальянскаго народа; что папамъ, если они дорожатъ благомъ цер-

кви и своимъ духовнымъ вліяніемъ, необходимо скорѣе отказаться отъ этой власти; иначе вслѣдствіи ихъ упорства можетъ произойти то, что вмѣстѣ съ насильственнымъ отнятіемъ свѣтской власти будетъ ниспровергнуто и самое духовное вліяніе папъ, и настанетъ сильная опасность для самой церкви (римско-католической). Этотъ взглядъ болѣе и болѣе распространяется, и находитъ себѣ многихъ приверженцевъ въ самомъ духовенствѣ католическомъ, не только во Франціи и Германіи, но и въ Италіи. И безъ сомнѣнія папѣ, если онъ дорожитъ сохраненіемъ своего нравственнаго вліянія, было бы гораздо лучше, не дожидаясь новыхъ взрывовъ народнаго раздраженія и принужденій со стороны иностранной политики, самому отказаться отъ свѣтской власти,—хотя несомнѣнно, что такой отказъ долженъ произвести большую перемѣну и въ самомъ духовномъ положеніи папъ—къ невыгодѣ ихъ личныхъ притязаній, но ко благу Церкви .. Въ народѣ итальянскомъ и въ другихъ странахъ Европы есть убѣжденіе, что Пій IX будетъ послѣднимъ изъ папъ, соединяющихъ въ своемъ лицѣ духовную и государственную власть въ Римѣ ..

X.

РАЗБОРЪ ОСНОВАНІЙ, ПРИВОДИМЫХЪ РИМСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ВЪ ПОЛЬЗУ СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ ПАПЪ.

На чемъ основывается въ римской Церкви соединеніе высшей духовной и мірской власти въ одномъ лицѣ папы—первосвященника и вмѣстѣ съ тѣмъ государя?

Какъ для всѣхъ другихъ вымысловъ и злоупотребленій римскихъ, такъ и для этого злоупотребленія латинскіе писатели старались найти основаніе въ самомъ священномъ писаніи—въ примѣрѣ самаго Іисуса Христа. „Іисусъ Христосъ, говорятъ, есть вмѣстѣ первосвященникъ и царь; точно также и папа—Его образъ и намѣстникъ на землѣ—долженъ быть первосвященникомъ и царемъ.“ Но не говоря о томъ, какъ мало правъ имѣютъ папы прилагать къ себѣ черты Божественной личности Іисуса Христа, и считать себя, по преимуществу, Его точнымъ образомъ на землѣ, достаточно сообразить, въ какомъ смыслѣ самому Іисусу Христу приписывается въ Священномъ Писаніи царское достоинство. Въ предсказаніяхъ древнихъ пророковъ, Мессія, имѣющій прійти въ міръ, часто представлялся въ образѣ Царя (2 царствъ, VII, 12—19; 2-й Исл. 6, 8 ст.; Исаіи II, 2—4; IX, 6—7; XI, 1—10; Іезек. XXXIV, 23—24; Дан. II, 44). И Ангелъ, предвозвѣстившій Пресвятой

Дѣвѣ рожденіе отъ Нея Спасителя, сказалъ о Немъ, что Онъ *воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (Лук. 1, 3, 5). Большая часть іудеевъ на самомъ дѣлѣ и думали увидѣть въ ожидаемомъ Мессіи земнаго царя, который прійдетъ возстановить Давидово царство, и покорить ему другихъ народовъ. Но Іисусъ Христосъ всею своею жизнію опровергалъ это ихъ чаяніе, и показывалъ, что его царскаго достоинства нельзя понимать въ земномъ смыслѣ. „*Царство Мое не отъ міра сего*“ сказалъ Іисусъ Христосъ на вопросъ Пилата: „*Царь-ли Ты*“? (Іоан. XVIII, 33, 36 ст.) Нѣкоторые изъ латинскихъ богослововъ пытались перетолковать и эти ясныя слова, обличающія мірскія притязанія папъ, объясняя ихъ такимъ образомъ, что Іисусъ Христосъ этими словами не отрицалъ въ себѣ достоинства царя земнаго, но выражалъ только ту мысль, что свои царскія права онъ получилъ не отъ міра сего, не отъ людей—по праву преемства или завѣщанія, а непосредственно отъ Самаго Бога—Отца Своего (*). Но дерзкая произвольность та-

(*) До какой степени представители и поборники папской идеи способны извращать и перетолковывать въ смыслѣ своихъ незаконныхъ притязаній самыя высокія истины и факты евангелія, образцемъ этому можетъ служить одна изъ рѣчей папы Пія IX, недавно публикованная въ газетахъ,—именно та, которую онъ сказалъ главнокомандующему своей арміи въ отвѣтъ на принесенное отъ нея поздравленіе съ новымъ

кого объясненія ясно обличается слѣдующими же словами Іисуса Христа Пилату: „*если бы Царство Мое было отъ міра сего; то служители Мои под-*

годомъ. Вотъ отрывокъ изъ этой *замѣчательной*, въ своемъ родѣ, рѣчи: „Я съ удовольствіемъ принимаю поздравленія моей маленькой арміи. Я счастливъ, видя ваше усердіе въ служеніи великому дѣлу, на защиту котораго явилось столько благородныхъ и мужественныхъ юношей со всѣхъ концевъ свѣта. Говорятъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ и св. Петръ не были властелинами міра и не имѣли арміи, а вслѣдствіе этого и намъ отказываютъ въ наименованіи монархами и въ правѣ имѣть армію. Но мы знаемъ изъ Священнаго Писанія, что когда Спаситель находился въ саду Геесиманскомъ, предъ нимъ явилась толпа Гарибальдійцевъ того времени, спрашивая о Іисусѣ Назарянинѣ. Онъ отвѣчалъ: „Азъ есмъ“! и всѣ они пали ницъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что обладаетъ силою Божественною, а ученикамъ, прибѣжавшимъ къ нему на помощь, Онъ велѣлъ остановиться, потому, что Отецъ Его, еслибъ только Онъ захотѣлъ, ниспославъ бы ему легіоны ангеловъ. Какъ бы то ни было Іисусъ Христосъ объявилъ Себя царемъ предъ іудеями, которые (?) потому и написали объ этомъ на трехъ языкахъ на крестѣ.... Что касается до св. Петра, *преемника* Іисуса Христа, онъ былъ рыбаремъ и не имѣлъ войска, но за то онъ обладалъ даромъ чудодѣйствія, и однимъ словомъ поражалъ людей, подобныхъ Ананіи и Сапфирѣ ... Но *такъ какъ* я пользуюсь только титуломъ монарха, не обладая даромъ чудотворенія, то мнѣ необходима армія, маленькая армія, для защиты этого престола, столь же маленькаго самаго по себѣ, но великаго по своему громадному вліянію, *и по богатству истины, которой онъ служитъ источникомъ*... Трудно представить себѣ болѣе дерзкое и кощунственное примѣненіе великихъ фактовъ священной исторіи въ устахъ самаго послѣдняго христіанина, а не то—что въ

визались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ; но Царство Мое не отсюда." (Тотъ же 36-й ст.) Этими словами Іисусъ Христосъ отвергалъ не только мірское происхожденіе, но и мірской характеръ—мірскую силу своего царства. И вся жизнь Іисуса Христа показываетъ, что Онъ не считалъ Себя и не намѣревался быть царемъ на землѣ. Онъ родился не на тронѣ, а въ ясляхъ; Онъ во время жизни Своей не имѣлъ, гдѣ главу приклонить; Онъ умеръ позорною смертію; не потому конечно, что не успѣлъ или не могъ занять престолъ Давида отца своего; Онъ могъ бы покорить себѣ всѣ царства міра; Онъ могъ бы призвать себѣ на помощь и защиту легіоны ангеловъ (Матѳ. XXVI, 53.) Но Онъ *на то родился, и на то пришелъ въ міръ*, чтобы *властвовать* надъ сердцами людей, не могуществомъ внѣшней силы, а только *могуществомъ истины*. Въ этомъ Его владычество, *Его царство*, какъ самъ Онъ объяснилъ Пилату (также Іоан. XVIII гл. 37 ст.). Онъ прошелъ въ мірѣ путемъ крайняго уничиженія, претерпѣлъ страданія и крестную смерть, дабы показать людямъ, что истина, какъ бы ни была уничижаема и преслѣдуема, должна покорить себѣ сердца людей. Онъ не искалъ внѣшней опоры для своего дѣла, не

устахъ почтеннаго престарѣлаго епископа, котораго милліоны христіанъ считаютъ *Главою Церкви*, и котораго сотни богослововъ и епископовъ желали бы, въ настоящее время, догматически провозгласить *непогрѣшимымъ*! ..

старался пріобрѣтать власть надъ людьми, чтобы они лучше слушались Его ученія; Онъ удалялся, когда народъ увлекаемый Его ученіемъ и чудесами, хотѣлъ провозгласить Его царемъ (Іоан. VI, 15 ст.) или сдѣлать судьею и рѣшителемъ своихъ житейскихъ дѣлъ (Лук. XII, 13—14 ст.) Самъ исполняя обязанность подданнаго по отношенію къ царю земному, и притомъ иноплеменному невѣрному (Луки II, 1—6, Матѳ. XVII, 25—27), Онъ и послѣдователямъ своимъ завѣщалъ воздавать Божія Богови, и Кесарева Кесареви (Матѳ. XXII, 21).

„На тайной вечери Іисусъ Христосъ обѣщалъ ученикамъ своимъ за претерпѣнныя ими страданія *царство* (Лук. XXII, ст. 30), и заповѣдалъ имъ имѣть при себѣ *два меча* (тамъ же ст. 38). Эти слова римскіе писатели относятъ по преимуществу къ апостолу Петру, и въ нихъ, по праву преемства отъ апостола Петра, думаютъ находить основанія для свѣтской власти папъ. *Два меча*, по ихъ толкованію, выражаютъ знаменіе двоякой власти надъ людьми: духовной и свѣтской. Но, не говоря уже о томъ, что оба эти мѣста, взятыя изъ 32-й главы Евангелія Луки, вовсе не относятся исключительно къ апостолу Петру, а относятся ко всѣмъ вмѣстѣ апостоламъ,—изъ той же самой главы видно, что этихъ словъ никакъ нельзя разумѣть о земномъ царствѣ или владычествѣ надъ людьми. *Царство*, обѣщанное апостоламъ, по изъясненію самаго Іисуса Христа должно состоять въ ближайшемъ общеніи съ Нимъ въ будущей жизни,

когда они сядутъ на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцати колѣнамъ израилевымъ (ст. 30). А какое значеніе имѣетъ въ этой главѣ упоминаніе о *мечѣ* или о *двухъ мечахъ*, это довольно трудно объяснить. Но что въ немъ нельзя видѣть завѣщанія или дозволенія употреблять земной мечь или земное могущество на защиту или подкрѣпленіе истины, это ясно видно изъ другихъ словъ, яснѣйшихъ, сказанныхъ уже именно апостолу Петру: *возврати мечь въ его мѣсто* (у другаго евангелиста: *вложи мечь въ ножны*); *вси взявшіе мечь мечемъ погибнутъ* (Матѳ. XXVI ст. 52 сравни Іоанна XVIII, 10—11 ст.). И въ той же самой бесѣдѣ на тайной вечери, изъ которой приверженцами свѣтской власти папъ берутся выраженія о *царствѣ* и о *двухъ мечахъ*, Іисусъ Христосъ, обличивъ въ ученикахъ стремленіе къ превозношенію другъ предъ другомъ, ясно высказалъ, что имъ должно быть чуждо всякое желаніе мірскаго преобладанія: „*цари языковъ господствуютъ надъ ними, и князья обладаютъ ими, но между вами не должно быть такъ. Между вами кто хочетъ быть большимъ, да будетъ вамъ слуга. Такъ, какъ и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупленія многихъ* (Матѳ. XX, ст. 25, 26, 28 сравн и Луки XXII ст. 25—27.) И при всякихъ другихъ случаяхъ Іисусъ Христосъ старался разсѣявать въ умахъ учениковъ своихъ мечты о мірскомъ владычествѣ. Между

тѣмъ ему было бы удобнѣе, если-бы то нужно было, дѣйствовать обратно, т. е. утверждать въ ученикахъ своихъ стремленіе къ мірскому преобладанію. Іудеи ожидали въ Мессіи земнаго царя завоевателя. И сами апостолы, до сошествія на нихъ Св. Духа, не были чужды этого предразсудка, и ожидали, что Іисусъ Христосъ пришелъ устроить царство израпльское, въ которомъ имъ прійдется занять первыя мѣста (Марка X, 37. Дѣян. 1—6). Но Іисусъ Христосъ внушалъ ученикамъ своимъ, что имъ прійдется пить ту чашу, которую Онъ пилъ, и креститься тѣмъ крещеніемъ, какимъ Онъ крестился, т. е. не властвовать надъ міромъ, а страдать въ мірѣ (Марк. X, 35—45 ст.).

Римскіе папы основываютъ свои государственныя права на преемствѣ власти отъ апостола Петра, и самыя владѣнія свои называютъ *наслѣдіемъ* Петра (Patrimonium Petri). Но не говоря уже о томъ, что папы не имѣютъ за собою никакого исключительнаго права считаться преемниками и *наслѣдниками* апостола Петра, нужно спросить, какими же владѣтельными правами пользовался апостолъ Петръ, и въ какомъ смыслѣ Римъ, съ принадлежащею къ нему областью, можетъ быть названъ *наслѣдіемъ* его?... Апостолъ Петръ также, какъ и всѣ другіе апостолы, не имѣлъ на землѣ и не старался пріобрѣтать владѣній. *Мы всѣ оставили, и послѣдовали Тебѣ*, говорили апостолы Іисусу Христу (Матѳ. XIX. 27). Въ Римѣ, какъ справедливо говорятъ, нельзя назвать *наслѣдіемъ*

Петра или принадлежавшимъ ему даже того клочка земли, который сдѣлался его могилой. Онъ и казненъ былъ въ Римѣ казнію не римскаго гражданина, какъ казненъ апостолъ Павелъ, но казнію преступника — пришлеца или раба, не пользовавшагося правомъ гражданства. Не имѣя самъ ни какихъ владѣній, онъ никому не могъ и завѣщать ничего въ этомъ родѣ. Напротивъ, какъ бы предвидя, что впослѣдствіи найдутся люди, которые, прикрываясь его именемъ и пастырскою властью, станутъ домогаться господства надъ христіанскими душами, онъ ясно въ посланіи своемъ выразилъ ту мысль, что пастырямъ неприлично *господствовать* надъ своими пасомыми, или считать ихъ *своимъ наслѣдіемъ*, а нужно смотрѣть на нихъ, какъ *на наслѣдіе принадлежащее Богу*. „Пастырей, пишетъ онъ (I. посл. Петра гл. V ст. 1 — 3.) умоляю я, какъ *сопастырь* (а не какъ начальникъ пастырей): пасите Божіе стадо, какое у васъ, не ради гнусной корысти, а изъ усердія,—*не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ*, но подавая примѣръ стаду. И когда явится *пастыреначальникъ*, вы получите неувядающій славу вѣнецъ (а не на землѣ царскій вѣнецъ долженъ быть наградою пастырскаго служенія)“... Въ мірскихъ отношеніяхъ апостолъ Петръ заповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ повиноваться *царю, правителямъ отъ него посылаемымъ, и всякому человѣческому начальству* (I. Петр. гл. II ст. 13—14), нимало ни домогаясь начальствовать или властвовать надъ кѣмъ либо. Наслѣдіемъ же, до-

стойнымъ христіанскаго стремленія, апостолъ Петръ называлъ *наслѣдіе нетлѣнное, непорочное, неувядаемое, хранящееся на небесахъ* (I. Петр. гл. I. ст. 4).

Была пускаема въ ходъ въ западной Церкви и такая мысль, что хотя апостолъ Петръ не непосредственно отъ Іисуса Христа наслѣдовалъ власть надъ Римомъ, но ее будто бы передалъ апостолу Петру самъ императоръ Неронъ, увлеченный его чудесами. Но это выдумка такъ невѣроятна и нелѣпа, что она не могла имѣть хода даже между самыми предубѣжденными и пристрастными приверженцами папства.

Гораздо болѣе держалась и распространялась въ западномъ христіанствѣ другая выдумка, будто императоръ Константинъ великій, принявъ въ Римѣ крещеніе отъ папы Сильвестра, и перенесши свою столицу на востокъ, Римъ отдалъ во владѣніе папѣ, на что и далъ ему дарственную запись. Но и этотъ вымыслъ ясно изобличенъ западными же учеными еще въ XV и XVI вѣкахъ. Извѣстно, что Константинъ великій и крестился не въ Римѣ, а въ Никомидіи, и папа Сильвестръ умеръ еще до крещенія Константина. Константинъ великій не давалъ ему никакой записи на Римъ, и послѣ Константина Италіей продолжали владѣть его преемники—императоры, а не папы. Сказка о дарѣ Константина великаго Папѣ Сильвестру была выдумана въ концѣ VIII столѣтія, для оправданія незаконнаго пріобрѣтенія владѣтельныхъ правъ надъ землями,

полученными папами отъ Пипина. И сами католическіе ученые давно считаютъ ее сказкою, хотя и доселѣ по временамъ пользуются случаями увѣрять незнающихъ и легковѣрныхъ людей, будто свѣтская власть папъ существовала еще со временъ Константина великаго.

Въ настоящее время серьезные римско-католическіе ученые сознаютъ, что искать основаній свѣтской власти папъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства нельзя; тѣмъ не менѣе, говорятъ, эта власть имѣетъ за собою несомнѣнное историческое право,—такъ она выработалась постепенно законнымъ и естественнымъ историческимъ путемъ, а не была какою либо насильственною узурпаціею со стороны папства. „Папы съ IV-го до VIII-го вѣка оказали очень много услугъ Риму и Италіи, и вслѣдствіе этого постепенно пріобрѣтали себѣ тамъ болѣе и болѣе политическаго вліянія. Въ VIII вѣкѣ ихъ владѣтельныя права надъ Римомъ закрѣплены дарственною грамотою Пипина, и потомъ въ слѣдующіе вѣка вновь подтверждены грамотами Карла великаго, Людовика благочестиваго, Оттона I-го, Маркграфини Матильды, и др. Въ новѣйшія времена владѣтельныя права папы въ Италіи подтверждены европейскими государями на Вѣнскомъ конгрессѣ“. Положимъ, что все это справедливо. Можно согласиться, что всѣ эти грамоты, акты, договоры даютъ папамъ историческое право на владѣніе своимъ государствомъ; но, безъ сомнѣнія, не на вѣчныя же времена. Какъ скоро

вопросъ о свѣтской власти папъ ставится на историческую почву, то и рѣшаться онъ долженъ исторически. Что слагается исторіею въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ въ одинъ вѣкъ, то и разрушается ею же въ силу другихъ обстоятельствъ въ другіе вѣка. Папы, въ прежніе вѣка, оказали много услугъ итальянскому народу, и тѣмъ пріобрѣли вліяніе на политическія дѣла. Духъ времени, настроеніе эпохи утвердили за ними свѣтскую власть. Но, въ настоящее время, духъ и настроеніе эпохи совсѣмъ другіе. Безпорядки папскаго управленія и злоупотребленія папской политики давно уже заставили забыть всѣхъ тѣ услуги, какіе когда то оказывала папская власть Италіи. Итальянцы давно тяготятся правленіемъ папъ. Во всей европейской политикѣ папская власть составляетъ тормазъ, мѣшающій правильному ходу дѣлъ. Какое же право имѣетъ она на существованіе въ настоящее время? Грамоты прежнихъ государей Пипина, Карла, Людовика, Оттона и т. д?... Но не говоря уже о томъ, что подлинность нѣкоторыхъ изъ этихъ грамотъ *(напр.* грамоты Людовика благочестиваго) подвергаются сомнѣнію, не говоря о томъ, что смыслъ ихъ слишкомъ преувеличенно въ пользу папства толкуется римскими учеными, — какое значеніе могутъ имѣть эти грамоты для настоящаго времени, когда самыя государства этихъ Пипиновъ, Карловъ, Оттоновъ давно уже не существуютъ, когда весь строй европейской жизни совершенно измѣнился. Въ этомъ смыслѣ Наполе-

онъ I-й совершенно справедливо могъ сказать, что онъ имѣетъ такое же право лишить папу его свѣтскихъ владѣній, какое имѣлъ Карлъ великій утвердить ихъ за папой. Точно такое же основаніе для государственныхъ правъ папы могутъ представлять и постановленія Вѣнскаго конгресса. Уже многое изъ того, что было постановлено на Вѣнскомъ конгрессѣ, оказалось несостоятельнымъ. Ничего не было бы противозаконнаго въ томъ, если бы какой нибудь новый конгрессъ постановилъ лишить папу всѣхъ его владѣній точно также, какъ Вѣнскій конгрессъ постановилъ возвратить ихъ ему.

Такимъ образомъ съ исторической стороны всѣ притязанія папъ на свѣтскую власть являются совершенно несостоятельными. (*) Изъ области исто-

---

(*) Были еще попытки оправдать въ папахъ соединеніе духовной и свѣтской власти примѣрами ветхозавѣтной церкви; но эти примѣры, какъ сказано въ предшествовавшей главѣ, не могутъ имѣть значенія въ христіанскомъ мірѣ. Наконецъ нѣкоторые изъ католическихъ писателей не смущались въ пользу папы указывать даже на то, что и въ древнемъ языческомъ мірѣ бывали примѣры соединенія высшей религіозной власти съ государственною. Но эти примѣры конечно также мало оправдываютъ свѣтскую власть папъ, какъ и тиранства древнихъ римскихъ императоровъ средневѣковую католическую инквизицію Эти примѣры указываютъ только на источникъ, изъ котораго возникло въ римской церкви стремленіе къ мірскому преобладанію, и показываютъ, какой духъ живетъ въ этой церкви.

рическихъ фактовъ поднимемся въ область высшихъ теоритическихъ разсужденій; такъ какъ здѣсь приверженцы папства, особенно въ послѣднее время, чувствуя свою несостоятельность на почвѣ исторіи, стараются пріискивать новыя искуственныя основанія для подкрѣпленія своихъ фальшивыхъ предразсудковъ и несправедливыхъ притязаній.

Здѣсь прежде всего намъ предстоитъ разобрать соображеніе весьма глубокаго свойства, отъ правильной постановки котораго должно зависѣть правильное рѣшеніе вопроса не только о свѣтской власти папы, но и вообще объ отношеніи церкви къ государству, религіи къ наукѣ, искуству и всякимъ другимъ отправленіямъ человѣческой жизни. Соображеніе это едвали было высказываемо кѣмъ либо изъ католическихъ писателей въ полной ясности; но оно лежитъ какъ бы въ самой основѣ ихъ частныхъ разсужденій, и даетъ имъ кажущуюся убѣдительность. Соображеніе это приблизительно можетъ быть выражено такъ:

„Раздѣленіе, существующее доселѣ въ христіанскомъ мірѣ между духовною и свѣтскою властью, между церковью и государствомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано явленіемъ вполнѣ законнымъ и нормальнымъ (точно также какъ и противорѣчіе между христіанскою наукою и христіанскою вѣрою). Это раздѣленіе служитъ причиною многихъ запутанностей въ исторпческихъ отношеніяхъ, и отзывается тяжкимъ бременемъ для людей съ искреннею и чистою христіанскою

совѣстію, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы и требованія государства сталкиваются съ интересами и требованіями церкви. Высшій идеалъ христіанской жизни долженъ заключаться не въ раздѣленіи, а въ тѣснѣйшемъ соединеніи церкви съ государствомъ. Соединеніе это должно имѣть самыя благотворныя послѣдствія и для Церкви, и для государства. Церковь, опираясь на внѣшнюю силу—на помощь государства, успѣшнѣе можетъ распространить свое вліяніе въ мірѣ. Государство, въ свою очередь, проникаясь высокими идеалами Церкви, будетъ болѣе возвышаться и благоустрояться въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Обязанностей и отправленій жизни общественной и государственной въ строгомъ смыслѣ даже и нельзя вполнѣ отдѣлить отъ жизни религіозной; почвою для той и другой служитъ одна и таже жизнь человѣческая, одна и таже душа—живая и цѣльная, въ которой нельзя отдѣлить совѣсти религіозной отъ совѣсти государственной или смысла религіознаго отъ смысла государственнаго. Церковь, хотя собственно есть царство не отъ міра сего, но ей предназначено существовать и достигать своихъ цѣлей въ мірѣ; ей предназначено проникать своимъ вліяніемъ во всѣ отношенія людей личныя, семейныя, общественныя, государственныя, и всѣ эти отношенія подчинять себѣ, очищать, возвышать до совершеннѣйшаго христіанскаго идеала. Христіанство, какъ истинная религія, имѣетъ въ себѣ обѣтованія жизни не толь-

ко *грядущей, но и настоящей*, (I Тим. IV. 8). Задача христіанства состоитъ не въ томъ только, чтобы нравственно дѣйствовать на отдѣльныя личности и воспитывать ихъ для жизни будущей, но и въ томъ, чтобы устроять между ними лучшія отношенія въ жизни настоящей — устроять хріанскую семью, христіанское общество, христіанское государство, (точно также христіанскую науку, христіанское искуство и т д.). Папство вѣрно поняло эту задачу, когда задумало подчинить вліянію Церкви не только въ собственномъ смыслѣ религіозныя дѣла и отношенія, но и семейныя, общественныя, государственныя, науку, искусство, политику и всю жизнь христіанскихъ народовъ. Папская теократія, соединеніе высшей власти религіозной и государственной въ одномъ лицѣ представляетъ не аномалію, не незаконное явленіе въ христіанской исторіи, а тотъ высшій идеалъ, къ которому должна стремиться христіанская жизнь, и по которому должны были бы преобразоваться всѣ такъ называемыя христіанскія государства, чтобы стать истинно христіанскими, не по имени только, но по духу по всему устройству своему"...

Нельзя не согласиться съ основными началами такого разсужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что выводъ изъ нихъ въ пользу папства можетъ быть сдѣланъ только самымъ невѣрнымъ и недобросовѣстнымъ образомъ. Здѣсь все основано на смѣшеніи понятій между цѣлію и средствами религіознаго воспитанія человѣчества,

между условіями жизни настоящей и будущей, между свободнымъ внутреннимъ вліяніемъ религіозныхъ началъ на жизнь общественную, и насильственнымъ внѣшнимъ преобладаніемъ Церкви (или частнѣе—іерархіи церковной) надъ государствомъ. Раздѣленіе между церковію и государствомъ, также какъ и противорѣчіе между вѣрою и наукою, между требованіями религіозными и требованіями общественными, дѣйствительно никакъ не могутъ быть признаны нормою и идеаломъ христіанской жизни. Эти раздѣленія и противорѣчія составляютъ предметъ смущенія и тяжелой внутренней борьбы для умовъ искреннихъ и послѣдовательныхъ, для душъ чистыхъ. Тѣмъ не менѣе эти раздѣленія и противорѣчія необходимо вытекаютъ изъ условій земной жизни и естественнаго развитія человѣчества. Жизнь человѣчества находится въ ненормальномъ положеніи. Отношенія между людьми основаны на искаженныхъ началахъ. Христіанство не можетъ войти въ эти отношенія и примириться съ ними въ ихъ настоящемъ statu quo, не искажая тѣмъ достоинства и чистоты своихъ нравственныхъ началъ. Оно поэтому необходимо вноситъ въ міръ противорѣчіе, раздѣленіе, борьбу. Поэтому самъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что онъ пришелъ *принести на землю не миръ, а мечъ*. (Матѳ. X, 34) Христіанству предназначено проникнуть во всѣ отношенія людей—личныя, семейныя и общественныя, и всѣ эти отношенія покорить себѣ и преобразовать по высшему христіанскому идеалу. Но это можетъ совершиться

только постепенно, по мѣрѣ того, какъ всѣ естественныя сферы и отправленія жизни человѣческой—семья, общество, государство, наука—не насильственно будутъ увлекаемы въ подчиненіе внѣшнему церковному авторитету (т. е. церковной іерархіи), но свободно и естественно различными путями непосредственными и посредственными, прямыми и окольными, явными и тайными будутъ приближаться къ христіанскому идеалу, внутренно проникаться имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовываться, очищаться совершенствоваться сами собою, а не силою внѣшняго авторитета. Это должно совершаться постепенно, въ продолженіе всей настоящей жизни, которая и предназначена для религіозно—нравственнаго воспитанія людей, свободнослѣдующихъ путямъ благодатнаго Промысла, ведущимъ ихъ къ совершенству и спасенію. Высшая же окончательная цѣль всего этого достигнется, высшій христіанскій идеалъ осуществится—въ жизни будущей. Тогда кончится борьба добра съ зломъ, и исчезнутъ всѣ ненормальности въ жизни человѣческой. Тогда не будетъ неестественныхъ раздѣленій и противорѣчій между церковію и государствомъ, между наукою и вѣрою, между требованіями религіозными и общественными. Тогда *все покорится Христу*; *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ*, *и настанетъ вѣчное Царство славы, которому не будетъ конца* (1 Кор. XV, 28. Лук. 133). Настоящая жизнь служитъ путемъ къ этому совершенству; она можетъ представлять въ различ-

ныхъ сферахъ своихъ постепенное приближеніе къ высшему христіанскому идеалу, но не можетъ представить полнаго осуществленія идеала. Церковь Христова, въ настоящемъ своемъ состояніи, представляется церковію *воинствующею*, борющеюся, стремящеюся утвердить свои идеалы среди міра,—но еще не достигшею своей цѣли, не покоющеюся, *не торжествующею*. Въ настоящемъ состояніи христіанскаго міра высшія, собственно христіанскія, божественныя начала жизни представляются въ смѣшеніи и борьбѣ съ началами низшими, естественными, человѣческими. Отсюда въ христіанской жизни являются раздѣленія, противорѣчія, ненормальности, тяжелыя для искреннихъ умовъ и чистыхъ душъ, но тѣмъ не менѣе естественныя и неизбѣжныя въ ходѣ нравственнаго развитія и воспитанія человѣчества. Убѣжденія и жизнь христіанъ часто двоятся между различными, и нерѣдко приходящими въ противорѣчіе одно съ другимъ, началами. Государство заправляетъ естественными отношеніями людей, имѣя свои стремленія, свои идеалы, не соображаясь съ цѣлями и идеалами Церкви, иногда даже вступая въ противорѣчіе съ ними. Церковь, не вступая въ прямыя соотношенія съ государствомъ, не требуя отъ него внѣшняго подчиненія своему авторитету, и имѣя какъ будто свою, совершенно отдѣльную, область вліянія и дѣйствованія, тѣмъ не менѣе постепенно распространяетъ свое владычество въ умахъ и сердцахъ людей; и эти умы и сердца, когда проникнутся христіанскою

истиной, самп собою, безъ всякихъ непосредственныхъ указаній и руководствъ внѣшняго церковнаго авторитета, проведутъ истину во всѣ свои взаимныя отношенія — семейныя, общественныя и государственныя. Наука человѣческая имѣетъ также свой самостоятельный ходъ, свои цѣли, законы и часто не хочетъ знать о высшей богооткровенной истинѣ, и даже вступаетъ въ противорѣчіе и споръ съ нею. А вѣра, не вторгаясь непосредственно въ область свободныхъ изслѣдованій науки, указуетъ человѣку только тѣ высшія исходныя точки всякаго убѣжденія, отправляясь отъ которыхъ люди, послушные голосу истины, мало по малу могутъ возводить къ высшему жизненному единству, и располагать по идеѣ религіозной всѣ свободныя открытія и пріобрѣтенія естественнаго ума человѣческаго. Такъ совершается на землѣ путь религіозно-нравственнаго воспитанія человѣчества, постепенно приближаясь къ высшей предопредѣленной Промысломъ цѣли, но не нарушая и естественнаго хода человѣческой жизни. Въ концѣ этого пути всѣ разнообразныя окольныя дороги должны сойтись вмѣстѣ въ одинъ главный путь, всѣ раздѣленія покончатся, всѣ противорѣчія устранятся. Но пока этотъ путь не конченъ, мы не должны смущаться встрѣчающимися на немъ запутанностями и противорѣчіями, и ожидать полнаго осуществленія высшаго нравственнаго идеала при такихъ условіяхъ жизни, которыя представляютъ еще много непобѣжденныхъ противорѣчій этому идеалу.

Возможно было бы представить себѣ другой путь религіозно-нравственнаго воспитанія человѣчества. Христіанство могло бы явиться въ мірѣ во всеоружіи самаго могущественнаго, какой только можно представить, внѣшняго земнаго авторитета— и при его посредствѣ распространять свое владычество между людьми. Христосъ могъ бы явиться могущественнѣйшимъ царемъ всего міра и силою правительственнаго закона и внѣшняго принужденія заставлять людей принимать свое ученіе. Евангеліе могло бы явиться въ видѣ самой возвышенной и стройной научной или философской системы, и силою своей научной доказательности нравственно покарять себѣ убѣжденія людей. Но промыслъ Божій не избралъ, не призналъ достойнымъ такого пути: ибо тогда нарушенъ былъ бы свободный ходъ естественнаго развитія человѣческой жизни. Тогда естественныя силы человѣческія, созданныя отъ Бога свободными, были бы насильно увлекаемы въ послушаніе Божественной истинѣ; и самая Божественная истина была бы унижена, находя себѣ силу и опору въ земномъ человѣческомъ авторитетѣ. Господу угодно, чтобы свобода естественныхъ силъ человѣческихъ осталась неприкосновенною, и чтобы истина Божественная привлекала къ себѣ сердца людей сама собою—своею внутреннею силой, не опираясь на внѣшній земной авторитетъ. И потому Христосъ явился на землѣ не на тронѣ, а въ ясляхъ. И проповѣдь Евангелія распространена въ мірѣ не мудрыми философами, а безкниж-

ными галилейскими рыбаками,—дабы увидѣли и убѣдились люди, что не—мудрое Божіе мудрѣе мудраго человѣческаго, и немощное Божіе крѣпче крѣпкаго человѣческаго,—и чтобы никакая плоть, никакая внѣшняя сила не превозносилась предъ силою Божіей истины (1 Кор. I; 25, 29). Такой путь распространенію Царства Божія на землѣ указанъ самимъ Господомъ Спасителемъ рода человѣческаго, — и никто изъ людей, призванныхъ быть служебнымъ орудіемъ въ распространеніи Божія Царства (Церкви), не можетъ измѣнять этого пути, уклоняться отъ него, или находить его не вполнѣ достаточнымъ для своей цѣли, и измышлять какой либо другой путь, какъ бы болѣе твердый, болѣе дѣйствительный.

Если Самъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, явившись въ міръ для спасенія людей, не призналъ нужнымъ, для успѣха своей религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для блага людей, соединить въ своемъ лицѣ высшій религіозный и высшій земной—государственный или научный—авторитетъ; то тѣмъ болѣе нельзя этого сдѣлать кому либо изъ послѣдователей и служителей Церкви Христовой — кому либо изъ ограниченныхъ смертныхъ людей. Не говоря о невыполнимости самой въ себѣ этой задачи—примирить небесное съ земнымъ, соединить Божественное съ человѣческимъ (прежде чѣмъ это послѣднее окончательно преобразуется и очистится), ни у одного человѣка не можетъ быть достаточно умственныхъ и нравственныхъ силъ даже для

того, чтобы умѣть всегда правильно отнестись къ этой задачѣ, ясно различить требованія закона Божественнаго и человѣческаго, и указать тому и другому всегда соотвѣтственную сферу вліянія и дѣйствованія. Существующая въ мірѣ запутанность отношеній между духовнымъ и мірскимъ, столкновенія интересовъ Церковныхъ съ государственными, разногласіе между наукою и вѣрою, должны поставлять въ безвыходное противорѣчіе человѣка, который бы захотѣлъ не только служить съ равнымъ и всецѣлымъ усердіемъ одному, другому и третьему, но и заправлять-руководить всѣмъ: дѣлами религіозными, государственными, научными и т. д... Человѣку, который бы взялъ на себя это несоотвѣтствующее силамъ человѣческимъ дѣло и право могла бы угрожать опасность—не только не принести пользы религіи, государству, наукѣ и т. д.; но и существенно повредить всему: религію исказить, свободу науки стѣснить, отправленіямъ государства дать не-нормальный ходъ, духовное смѣшать съ мірскимъ, человѣческое покрыть авторитетомъ божественнаго; божественное унизить до человѣческаго, — и чрезъ это не только не примирить, и не соединить того, что, по условіямъ настоящей жизни является раздѣленнымъ, но еще болѣе раздѣлить и поставить въ противорѣчіе религію, государство, науку и т. д.

Папство въ средніе вѣка впало именно въ эту ошибку, задумавши воздвигнуть въ Церкви христіанской всемірную теократическую монархію. Пап-

ство уклонилось отъ того пути распространенія истины, какой избралъ и указалъ самъ Христосъ, и избрало другой путь. Оно не довольствовалось вѣрою въ нравственную силу истины—самой въ себѣ, и захотѣло употребить въ пособіе Божественной истинѣ силу внѣшняго авторитета человѣческаго,—захотѣло взять въ свои руки управленіе всѣми дѣлами не только религіозными, но и государственными, также подчинить себѣ науку, искусство и всякія другія сферы человѣческой жизни, дабы чрезъ всѣ сферы удобнѣе и дѣйствительнѣе проводить на людей христіански-религіозное вліяніе. (Мы беремъ здѣсь идею папской теократіи въ высшемъ смыслѣ, какъ понимали ее самые лучшіе-геніальнѣйшіе и безкорыстнѣйшіе представители папства. Не говоримъ о большинствѣ папъ, поддерживавшихъ теократическій принципъ, даже не ради цѣлей религіозныхъ, а по личнымъ, болѣе или менѣе грубымъ и мелкимъ побужденіямъ и разсчетамъ). Папа такимъ образомъ захотѣлъ быть не только образомъ и намѣстникомъ Христа на землѣ, но и представить въ себѣ какъ бы нѣчто болѣе возвышенное и могущественное, нежели самъ Христосъ, явиться царемъ вмѣстѣ духовнымъ и мірскимъ, покорить себѣ всѣ свободныя естественныя стихіи міра, которыя самому Христу должны окончательно покориться только въ будущей жизни, примирить непримиримое, соединить несоединимое и устроить здѣсь на землѣ—въ Римѣ подъ своею автократіей — то вѣчное Божествен-

ное царство славы, котораго христіане ожидаютъ только въ будущей жизни—подъ владычествомъ Царя—Христа. Какія послѣдствія должны были произойти отъ этого, отчасти показала исторія. Къ счастію человѣчества, папству никогда не удавалось вполнѣ осуществить свой теократическій идеалъ, и окончательно подчинить себѣ и религію, и государство, и науку. Но и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ папству удавалось осуществить свои стремленія въ средніе вѣка, оно не только не дѣлало пользы религіи, государству и наукѣ, но и вредило всему: унижало религію, вмѣшивая ее въ нечистый водоворотъ страстей и дѣлъ человѣческихъ, задерживало естественное развитіе науки, стѣсняя ея свободу требованіями внѣшняго для нея церковнаго авторитета, нарушало правильный ходъ политической жизни, злоупотребляя религіознымъ вліяніемъ въ политическихъ дѣлахъ. Отсюда вышли такія слѣдствія, что папство не только не соединило, не примирило, не поставило въ близкія дружественныя отношенія религію, науку, государство,—но еще болѣе раздѣлило, поставило ихъ во враждебныя отношенія между собою. То крайнее раздѣленіе между Церковію и государствомъ, какое въ послѣдніе вѣка болѣе и болѣе распространяется въ западной Европѣ на дѣлѣ и въ теоріи, и которое отвергаетъ между ними всякую не только внѣшнюю іерархическую, но и внутреннюю нравственную связь, — то глубокое противорѣчіе между религіею и наукою, которое также

отрицаетъ между ними не только единство путей къ достиженію истины, но и всякое согласіе цѣлей и стремленій, которое не знаетъ средняго пути между отверженіемъ искренней вѣры или подавленіемъ свободной мысли, всѣ эти печальныя и ненормальныя явленія въ христіанскомъ мірѣ по справедливости разсматриваются въ исторіи, какъ реакція противъ насильственнаго объединенія Церкви и государства, религіи и науки, насильственнаго подчиненія ихъ одному внѣшнему церковному авторитету въ средневѣковомъ католицизмѣ.

Въ позднѣйшіе вѣка папство силою историческихъ обстоятельствъ вынуждено оставить свои мечты о всемірной теократіи, отказаться отъ притязаній подчинить своему вліянію и всѣ государства, и свободное движеніе науки, и развитіе искуства и т. д. Но и тѣ жалкіе остатки папской теократіи, то соединеніе высшей духовной и мірской власти въ одномъ лицѣ, какое предстаѳляетъ до нынѣ римская церковная область, достаточно показываютъ, какое глубокое противорѣчіе заключаетъ въ себѣ это соединеніе несродныхъ духовныхъ и мірскихъ стихій, и какъ оно вредитъ и интересамъ католической Церкви, и интересамъ папскаго государства... Какъ правителю государства папѣ не возможно быть хорошимъ первосвященникомъ, и какъ первосвященнику—хорошимъ государемъ. Его римское государство, не смотря на то, что оно пользуется особеннымъ привилегированнымъ положені-

емъ привлекаетъ къ себѣ сборы и доходы изъ многихъ другихъ государствъ, защищается иностранными войсками, поддерживается всею европейскою политикой, привлекаетъ на служеніе себѣ силы и таланты со всего католическаго міра, представляетъ тѣмъ не менѣе едвали не самое жалкое явленіе между всѣми другими европейскими государствами. Едвали гдѣ народъ такъ униженъ, раззоренъ и развращенъ, едвали гдѣ столько неправосудія, деспотизма, обмановъ, грабежей и другихъ преступленій, едвали гдѣ въ народѣ столько недовольства, жалобъ и ропота противъ управляющей имъ власти, какъ въ папскомъ государствѣ. И это очень понятно. Во главѣ управленія этимъ государствомъ всегда стоятъ старцы, изъ которыхъ рѣдкій съ молодыхъ лѣтъ приготовлялся къ государственнымъ занятіямъ, и имѣетъ къ нимъ способность. Всѣ главнѣйшія мѣста государственнаго управленія заняты также людьми, воспитавшимися въ келліяхъ, и большею частію имѣющими извращенныя понятія о мірскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Неспособностью и слабостью высшихъ правителей всегда могутъ пользоваться своекорыстіе и интрига низшихъ; и на самомъ дѣлѣ едвали гдѣ столько бываетъ интригъ и злоупотребленій, какъ при папскомъ дворѣ. И между тѣмъ нигдѣ не можетъ встрѣчать себѣ столько препятствій всякая правдивая и честная попытка къ обнаруженію злоупотребленій, къ исправленію дурныхъ порядковъ, къ улучшенію народнаго благососто-

нія. Голоса представителей изъ среды самаго народа здѣсь не могутъ быть слышны, потому что здѣсь, по самой идеѣ теократическаго государства, все должно итти сверху. Здѣсь всякое неудачное распоряженіе можетъ быть прикрыто покровомъ непогрѣшимаго церковнаго авторитета, и всякое дурное учрежденіе можетъ быть закрѣплено на цѣлые вѣка во имя непоколебимыхъ религіозныхъ началъ. Осужденіе неудачной правительственной мѣры здѣсь можетъ быть принято за хулу противъ непогрѣшимости главы Церкви, и протестъ, вызванный дурнымъ управленіемъ государства, за ересь противъ догмата *о наслѣдіи Петровомъ*. Нечестивецъ, осмѣливающійся возмутить покой Церкви—государства, подпадаетъ карѣ мірской и духовной, временной и вѣчной. Отлученіе отъ Св. Причащенія и казематъ, анаѳема и смертная казнь здѣсь могутъ итти вмѣстѣ, и подкрѣпляться одно другимъ. Поэтому здѣсь можно найти самыя дѣйствительныя условія къ разстройству, и самыя сильныя препятствія къ улучшенію, развитію, прогрессу государства. Съ другой стороны государственное положеніе главы Церкви существенно вредитъ ея религіознымъ интересамъ. Правительственныя заботы и соображенія папы и его кардиналовъ—министровъ, монаховъ—секретарей, казначеевъ и т. д. отвлекаютъ ихъ отъ чистой и всецѣлой преданности служенію Церкви, отъ усерднаго исполненія религіозныхъ обязанностей. Государственная власть и военныя средства, находя-

щіяся въ ихъ распоряженіи, представляютъ для нихъ сильное искушеніе злоупотреблять мірскою силою въ дѣлахъ духовныхъ, и духовнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ мірскихъ. Забота поддержать свое достоинство между другими государями, пышность двора, торжественныя церемоніи папскихъ пріемовъ и выходовъ, и въ связи съ этимъ свѣтская пышность самаго богослуженія папскаго—мало даютъ возможности папѣ и кардиналамъ сосредоточиваться въ настроеніи подобающаго пастырямъ Церкви смиренія. Наконецъ неизбѣжныя столкновенія идей и интересовъ государственныхъ и религіозныхъ нерѣдко вынуждаютъ папу, какъ государя, позволять себѣ такія дѣйствія, которыя прямо противорѣчатъ его первосвященническимъ обязанностямъ. Папы угнетаютъ своихъ подданныхъ, обманываютъ друзей, жестоко преслѣдуютъ враговъ, дѣлаютъ подкупы, заводятъ интриги, возбуждаютъ войны, подписываютъ смертные приговоры, проливаютъ кровь (хотя бы и чужими руками (*) Между тѣмъ они, если приписываютъ себѣ высокое достоинство главы Церкви, первые должны бы быть проповѣдниками христіанскаго братства, любви, мира, свободы, спра-

(*) По древнимъ правиламъ Церковнымъ всякое пролитіе крови, всякое насиліе, совершенное служителемъ Церкви, подвергаетъ его лишенію сана. И въ этомъ есть глубокій смыслъ. Ибо хотя Церковь не можетъ сразу искоренить насилій, убійствъ, войнъ, кровопролитій во всемъ мірѣ, но она по крайней мѣрѣ не должна подтверждать и освящать ихъ примѣромъ своихъ непосредственныхъ служителей.

ведливости, честности, базкорыстія—проводниками этихъ высокихъ началъ во всѣ отношенія людей—личныя, семейныя, государственныя, международныя и т. д. Духъ, господствующій во главѣ Церковнаго управленія, смѣшеніе религіознаго съ политическимъ, духовнаго съ мірскимъ, христіанскаго съ языческимъ отъ главы Церкви распространяется на всю Церковь, управляемую имъ, даетъ особенный характеръ духовенству католической Церкви; всѣмъ ея ученіямъ и учрежденіямъ. И такимъ образомъ унижается святая христіанская вѣра въ глазахъ людей, и разшатываются твердыя основанія Церкви. Папство жалуется на упадокъ религіи, на колебанія умовъ распространяющееся въ мірѣ (вступительная рѣчь Пія IX-го на Римскомъ соборѣ 8-го Декабря 1869 года). Но оно же само было однимъ изъ главныхъ виновниковъ этихъ золъ. И нѣтъ сомнѣнія, чѣмъ долѣе Папа будетъ защищать интересы своей свѣтской власти, и вообще выказывать духъ преобладанія, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться въ Европѣ, и особенно въ ближайшей къ нему Италіи, духъ невѣрія и вражды противъ Церкви.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять несообразность соединенія въ Римской Церкви высшей духовной и мірской власти—въ самомъ его принципѣ. Приверженцы папства приводятъ еще нѣсколько частныхъ соображеній въ пользу такого соединенія. Но всѣ эти соображенія такъ шатки и слабы, и обличаютъ также грубое пониманіе дѣла, что по-

„Свѣтская власть папы, говорятъ, необходима для поддержанія достоинства и независимости Церкви. Папѣ неприлично быть подданнымъ какого нибудь государя. Это стѣсняло бы въ немъ ту духовную свободу, по которой онъ, ни отъ кого не завися, можетъ безпристрастно обращаться съ совѣтомъ, наставленіемъ и обличеніемъ по всѣмъ государямъ и народамъ. Безъ пособія свѣтской власти не можетъ держаться духовная самостоятельность и супрематія (верховенство, главенство) папы". Всѣ эти доводы показываютъ только, какъ далеко Римско-католическое пониманіе христіанства отъ истиннаго его пониманія. Тамъ, гдѣ безъ пособія государственной власти не надѣются поддержать достоинство и свободу Церкви, очевидно слишкомъ слаба вѣра во внутреннія основанія Церкви. Но Церковь, по крайней мѣрѣ восемь вѣковъ, ничего не знала о свѣтской власти папъ, и существовала съ полнымъ достоинствомъ и свободою. Уже ли же съ того времени духъ Божій пересталъ подкрѣплять церковь, замѣнивъ въ ней свою вседѣйствующую благодать внѣшнею опорою свѣтской власти? Христосъ не считалъ для себя унизительнымъ съ самыхъ первыхъ дней явленія на землѣ записаться въ число подданныхъ Царя земнаго, и платить ему дань за себя; Апостолы не считали неприличнымъ учить о повиновеніи земнымъ властямъ; знаменитѣйшіе учители Церковные въ гражданскомъ подданствѣ царямъ земнымъ не находили препятствій къ исполненію своихъ пастырскихъ обя-

заиностей, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно было обращаться съ увѣщаніемъ и обличеніемъ къ тѣмъ же царямъ земнымъ. Почему же папа можетъ считать неприличнымъ и унизительнымъ, несовмѣстнымъ съ своими пастырскими обязанностями быть подданнымъ какого нибудь государя? Не гораздо ли болѣе несовмѣстнаго съ пастырскими обязанностями представляютъ тѣ правительственныя заботы и занятія, которыя принимаютъ на себя папы, и которыя нерѣдко, по ходу дѣлъ, заставляютъ ихъ прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ, какъ подписываніе смертныхъ приговоровъ, возбужденіе кровопролитныхъ войнъ, веденіе политическихъ интригъ и т. д. Не гораздо ли болѣе унижается достоинство и самостоятельность Церкви тогда, когда сила ея вліянія опирается на внѣшней государственной опорѣ, на пособіи иностранныхъ войскъ, на тонкостяхъ дипломатическаго искуства, на преслѣдованіяхъ, интригахъ, штыкахъ, казематахъ и т. д. Истинное достоинство и самостоятельность Церкви, на сколько онѣ еще сохранились въ католическомъ мірѣ, безъ сомнѣнія, и по уничтоженію свѣтской власти папы, будутъ поддерживаться также хорошо и даже гораздо лучше, нежели при существованіи ея. Но если подъ достоинствомъ Церкви разумѣть царскую пышность и богатство папскаго двора, а подъ самостоятельностію ея присвоенное папами право мѣшаться въ политическія дѣла всѣхъ христіанскихъ странъ, вездѣ имѣть своихъ агентовъ и шпіо-

новъ, и посредствомъ нихъ производить интриги,— то эти привилегіи папства дѣйствительно могутъ потерять свое значеніе съ уничтоженіемъ его свѣтской власти. Когда папа станетъ подданнымъ какого нибудь государя, то неудивительно, что онъ не только потеряетъ большую часть своего политическаго вліянія въ Европѣ, но и утратитъ ту самую *супрематію*, то духовное главенство въ Церкви, которое даетъ ему особенное положеніе между другими христіанскими пастырями, и которое такъ противорѣчитъ духу истиннаго послѣдователя Христова. Ставши подданнымъ какого нибудь европейскаго государя, папа дѣйствительно скоро можетъ стать только однимъ изъ старѣйшихъ національныхъ епископовъ западной Церкви, его приговоры перестанутъ считаться непогрѣшимыми, и всѣ нововведенія, установленныя имъ въ западной Церкви, лишатся догматическаго значенія. Но это нисколько не повредитъ истинному достоинству и самостоятельности Церкви. Напротивъ тогда— то истинное достоинство и самостоятельность будутъ возстановлены въ западной Церкви; и она возвратится къ своему древнему, чистому состоянію, станетъ опять истинно апостольскимъ учрежденіемъ, отвергнувши отъ себя несоотвѣтственныя христіанскому духу привиллегіи и преданія стараго языческаго Рима. Къ этому влечетъ Римскую Церковь не только христіанскій долгъ, но и самая сила естественнаго теченія дѣлъ—сила историческихъ обстоятельствъ.

„Государственная власть папы, говорятъ, служитъ опорою правъ всѣхъ другихъ государей; существованіемъ ея поддерживаются порядокъ и благосостояніе во всѣхъ странахъ и народахъ; ею охраняется всякій законъ, всякое право. Съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы поколеблются всѣ общественныя и государственныя основы, выступятъ во всей силѣ революціонныя стремленія и страсти, рушатся порядокъ и законъ, падутъ троны государей, исчезнетъ миръ между народами, уничтожится собственность, семья, падетъ религія и т. д!!. Это послѣдній изъ аргументовъ, особенно часто и въ разнообразныхъ видахъ приводимый въ послѣднее время приверженцами свѣтской власти папъ. И неудивительно. Всѣ старыя, одряхлѣвшія, близкія къ паденію общественныя силы обыкновенно стараются защитить послѣдніе остатки своего существованія тѣмъ, что представляютъ, будто съ ихъ паденіемъ должно рушиться все въ мірѣ, и пасть самый міръ. Удивительно то, что этотъ аргументъ находитъ себѣ еще нѣкоторое довѣріе у людей серьезныхъ, даже и не заинтересованныхъ выгодами и привилегіями папства. Многіе западные публицисты и ораторы даже не католики (какъ напр Гизо), политики и государи западные, совершенно равнодушные къ интересамъ католической Церкви, не рѣшаются произнести окончательнаго приговора объ уничтоженіи свѣтской власти папъ изъ опасенія, какъ бы чрезъ то не поколебался обще-

ственный и государственный строй Европы. Такъ сохраняетъ еще доселѣ въ западной Европѣ силу тотъ предразсудокъ, который созданъ и воспитанъ въ средніе вѣка папствомъ; и на этомъ то предразсудкѣ только и держатся доселѣ остатки свѣтской власти папы. Предразсудокъ этотъ отчасти подкрѣпляется, въ послѣднее время тѣмъ, что многіе изъ противниковъ папской власти въ Италіи являются вмѣстѣ съ тѣмъ противниками общественныхъ и государственныхъ порядковъ вообще; національныя итальянскія стремленія къ освобожденію Рима отъ папы смѣшиваются съ революціонными стремленіями. Но это обстоятельство, кажется, правильнѣе должно бы быть истолковываемо противъ свѣтской власти папъ, нежели въ пользу ея. Ненормальное существованіе церковнаго государства въ Римѣ не успокоиваетъ, не сдерживаетъ, а скорѣе возбуждаетъ движеніе революціонныхъ страстей въ Италіи, даетъ имъ пищу,— даетъ благовидный предлогъ, подъ прикрытіемъ законныхъ національныхъ стремленій къ полному объединенію Италіи, волновать народъ незаконными революціонными внушеніями. Опасаться же того, что съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы, получатъ больше силы и свободы противуобщественные элементы во всей Европѣ; думать, что съ существованіемъ свѣтской власти папы на самомъ дѣлѣ тѣсно связаны права государей и народовъ,—законность, порядокъ, миръ, и благосостояніе, собственность, семья, государство и рели-

гія — рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Всѣ основы государственнаго и общественнаго порядка существовали въ мірѣ задолго до учрежденія свѣтской власти папы; съ усиленіемъ ея въ средніе вѣка, они не только не получили большей крѣпости, но напротивъ были больше запутаны незаконнымъ вмѣшательствомъ духовной силы въ непринадлежащія ей мірскія дѣла. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что съ совершеннымъ уничтоженіемъ этой запутанности, доселѣ по преимуществу олицетворяемой въ Римѣ, разстроится въ мірѣ государственный и общественный порядокъ. Можно быть увѣреннымъ, что на другой день, по уничтоженіи свѣтской власти папы, солнце на небѣ будетъ также сіять, какъ и доселѣ сіяло. А если заблужденія и грѣхи людей часто препятствуютъ солнечному свѣту сіять въ полномъ блескѣ, то можно надѣяться, что этихъ препятствій будетъ менѣе, когда свѣтская власть папы совсѣмъ уничтожится, а духовная войдетъ въ свои законные предѣлы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПАПСТВА.

Стр.

ГЛАВА I. Состояніе западной церкви послѣ ея отдѣленія отъ восточной, со временъ папы Николая I-го до Григорія VII-го (съ половины IX-го до половины XI-го вѣка) 5

II. Эпоха высшаго развитія папской власти съ половины XI-го до XIV-го вѣка Гильдебрандовская реформа въ западной церкви. Крестовые походы; рыцарскіе ордена; монашество; схоластика. Папы Александръ III и Иннокентій III. Борьба папъ съ императорами Гогенштауфенами и паденіе этой династіи . 12

III. Нравственный и политическій упадокъ папства съ XIV-го вѣка. Бонифацій VIII. Пребываніе папъ въ Авиньонѣ. Великій расколъ въ западной церкви въ концѣ XIV-го вѣка. 24

IV. Реформаторскія стремленія въ западной церкви въ XV-мъ вѣкѣ. Либеральная богословская партія во франціи. Проповѣдь Гусса въ Чехіи. Пизскій, Констанцскій и Базельскій соборы. Гусситы. 34

V. Состояніе папства и западной церкви въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣковъ—предъ реформаціей 44

VI. Папство послѣ реформаціи въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ. Іезуиты. Тридентскій соборъ Галликанская церковь. Янсенисты. . 53

VII. Папство въ XVIII-мъ и XIX-мъ вѣкахъ . . 65

II

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РАЗСМОТРѢНІЕ РИМСКАГО УЧЕНІЯ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I. Общая характеристика римско-католической вѣроисповѣдной системы; какъ образовались и развились въ римской церкви различныя отступленія отъ древнихъ преданій, и въ какомъ положеніи находятся онѣ въ настоящее время? 77

II. Римско-католическое ученіе о папской власти; его смыслъ и значеніе въ западной церкви. 85

III. Разсмотрѣніе ученія о главенствѣ папы на основаніи свидѣтельствъ евангельской и апостольской исторіи 99

IV. Римское ученіе о главенствѣ папы на основаніи свидѣтельствъ христіанской исторіи первыхъ трехъ вѣковъ 112

V. Разсмотрѣніе ученія о папской власти на основаніи свидѣтельствъ церковной исторіи періода вселенскихъ соборовъ 121

VI. Разсмотрѣніе свидѣтельствъ въ пользу папской власти, заимствуемыхъ изъ писаній древнихъ церковныхъ учителей, и изъ богослужебныхъ книгъ православной церкви . . 141

VII. Справедливо ли говорятъ римскіе богословы, будто папская власть служитъ необходимымъ условіемъ самаго существованія церкви, будто безъ папской власти не можетъ поддерживаться единство и самостоятельность церкви, ни сохраняться въ ней чистота праваго ученія 153

VIII. Справедливо ли, будто папская власть служитъ условіемъ правильнаго и плодотворнаго развитія религіозно—нравственной жизни въ западной церкви 185

IX. Свѣтская власть папы; ея происхожденіе и постепенное развитіе въ западной церкви. . 203

X. Разборъ основаній, приводимыхъ римскими писателями въ пользу свѣтской власти папъ. 228

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
14	20	ка*ф*едральной.	каѳедральной.
18	28	Франциска*ш*цевъ.	Францисканцевъ.
25	20	схол*о*стиками	схоластиками.
26	11	съ *II* вѣка.	съ XI вѣка.
27	11	крайно*ю*.	крайнею.
30	30	Морсилій.	Марсилій.
33	15	одна*г*о.	одного.
35	17	устра*к*енія.	устроенія.
38	29	увид*и*вши.	увидѣвши.
40	17	*ш*адъ.	надъ.
42	8	*со*боровъ.	сборовъ.
47	21	Кам*м*итадтъ.	Карлштадтъ.
49	27	vir*o*tum	virorum.
50	15	Кеммійскаго.	Кемпійскаго.
55	22	Лойоло.	Лойолою.
58	5	непросвященныя.	непросвѣщенныя.
62	7	*XIV* столѣтія.	XVII столѣтія.
63	8	Янссній.	Янсеній.
65	17	особе*н*о.	особенно.
68	6	*и*зыкѣ	языкѣ.
83	12	паской.	папской.
84	3	очищенные.	очищенныя.
89	1	раболѣпнаго благо*льпія*.	раболѣпнаго благоговѣнія.
92	14 16	Государи, намѣстники папы, какъ папа, намѣстникъ Бога.	Государи — намѣстники папы, какъ папа — намѣстникъ Бога.
100	25	*не*обыкновеннымъ.	не обыкновеннымъ.
101	2	*о*кончанія.	скончанія.
125	6	primus, inter pares.	primus inter pares.
127	29	мярской.	Зиновіи пальмирской.
129	21	со временемъ.	со времени.
140	17	въ первые вѣка христіанства; высказывалась.	въ первые вѣка христіанства высказывалась.
147	22	привѣствія.	привѣтствія.
147	24	называетесь.	называйтесь
154	21	кровію *с*воего.	кровію своею.
180	25	отъ *в*ремени.	отъ времени до времени.
191	8	покор*е*нныхъ.	покорныхъ.
191	11	кокъ.	какъ.

194	— 21	торые.	которые.
206	— 25	подчинились.	подчинялись.
207	— 7	находилась, въ непосредственной связи. . . .	находилась въ непосредственной связи.
207	— 20	подражѣніемъ.	подражаніемъ.
208	— 19	въ *VI*-мъ столѣтіи. . .	въ IV-мъ столѣтіи.
213	— 3	*лжэ*нникомъ.	лэнникомъ.
217	— 2	паства.	папства.
218	— 20	духовнымъ, вліяніемъ .	духовнымъ вліяніемъ.
222	— 22	опредѣленія.	опредѣленныя.
242	— 23	по духу по всему устройству.	по духу, по всему устройству.
245	— 24	*вт*супая.	вступая.
256	— 1	*ба*зкорыстія. . . .	безкорыстія.

ВЪ ОГЛАВЛЕНІИ:

II	— 7	нынстоящее.	настоящее.